

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 1 • 2021

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженесео, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиу (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейских языков и культур Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загрязкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснослободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 29.03.2021. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 125 экз. Изд. № 11800. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
Тел.: (495) 230-20-52

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Когнитивные исследования

<i>Молчанова Г.Г.</i> Интертекстуальность и мифотехнологии в постмодернистском тексте	9
<i>Дербишева З.К.</i> От параметрического анализа лексики к языковой картине мира	19
<i>Робустова В.В., Манченкова А.И.</i> Репрезентирующая функция имен собственных	32
<i>Горбачевская С.И., Леонтьева В.А.</i> Способы выражения деонтической модальности в текстах разных жанров (на материале немецкого языка)	42
<i>Давыдова М.А.</i> Роль когнитивной метафоры в формировании концептосферы политического лидера (на материале предвоенных выступлений У. Черчилля)	52

Язык и межкультурная коммуникация

<i>Avetisyan N.G.</i> Growing Trend Towards Borrowing From English – Threat To The Russian Language?	62
<i>Касаткин М.Л.</i> Прецедентные высказывания как лингвопрагматическое средство отражения общественно-политических реалий Германии	72
<i>Орлянская Т.Г.</i> Регламентирующая основа японской ментальности <i>ката</i>	82
<i>Едличко А.И., Токарева С.В.</i> Отражение миграционного кризиса в протестном правопопулистском дискурсе современной Германии: стратегический и тактический уровни	88

Традиции и современные тенденции культуры

<i>Павловская А.В.</i> «Ростбиф Старой Англии»: мясо как фактор национальной идентичности британцев	100
<i>Моклецова И.В.</i> Своеобразие жанров деловой письменности в творческом наследии Андрея Н. Муравьева (к постановке проблемы)	117

Региональные исследования

<i>Павловский И.В.</i> С чего начинается Родина: к вопросу о региональных границах Европы	128
---	-----

Теория и практика обучения иностранным языкам

<i>Martin Filip.</i> (Do Not) Forget Your Native Language! Teaching of Czech Language for Russian Speaking Students	141
<i>Егорова Ю.В.</i> Ассоциаты как метод работы с лексикой русского языка как иностранного	153

Теория и практика перевода

<i>Чжоу Мэнхань.</i> «Мастерская перевода» в методике обучения студентов-переводчиков	161
<i>Миловидова А.И., Платэ М.А.</i> Обучение основным принципам перевода базовых терминов, связанных с деятельностью компаний	177

Информационно-коммуникационные технологии в образовании

<i>Fadeeva V.A.</i> Distance Language Learning with PowerSchool Learning LMS in a Higher Education Context: an Empirical Study	185
--	-----

CONTENTS

Cognitive Studies

<i>Molchanova G.G.</i> Intertextuality and Mythotechnologies in Post-Modern Text	9
<i>Derbisheva Z.K.</i> From Parametric Vocabulary Analysis to a Linguistic Picture of the World	19
<i>Robustova V.V., Manchenkova A.I.</i> Representative Function of Proper Names	32
<i>Gorbacevskaja S.I., Leonteva V.A.</i> Ways of Expressing Deontic Modality in Texts of Different Genres (Based on the German Language Materials)	42
<i>Davydova M.A.</i> The Role of Cognitive Metaphor in Shaping Political Leader's Conceptual Sphere (on the Basis of W.S. Churchill's Pre-War Speeches)	52

Language and Intercultural Communication

<i>Avetisyan N.G.</i> Growing Trend Towards Borrowing from English – Threat to the Russian Language?	62
<i>Kasatkin M.L.</i> Precedent Utterances as a Linguo-Pragmatic Means of Reflecting Socio-Political Realia in Germany	72
<i>Orlyanskaya T.G.</i> Regulatory Basis of the Japanese Mentality <i>Kata</i>	82
<i>Edlichko A.I., Tokareva S.V.</i> The Reflection of the Migrant Crisis in the Protest Right-Wing Populist Discourse of Today's Germany: Strategic and Tactical Levels	88

Tradition and Modern Trends in Culture

<i>Pavlovskaya A.V.</i> "The Roast Beef of Old England": meat as a factor of British national identity	100
<i>Mokletsova I.V.</i> The diversity of the genres of business writing in the creative legacy of Andrei N. Muravyev (issue statement)	117

Regional Studies

<i>Pavlovsky I.V.</i> Where Does the Motherland Begin? On the Issue of Regional Borders within Europe	128
--	-----

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages

<i>Martin F.</i> (Do Not) Forget Your Native Language! Teaching of the Czech Language to Russian Speaking Students	141
<i>Egorova Yu.V.</i> Associates as a Method of Working With Vocabulary of Russian as a Second Language	153

Theory and Practice of Translation

<i>Zhou Menghan.</i> “Translation workshop” in the methodology of teaching students-translators	161
<i>Milovidova A.I., Platé M.A.</i> Teaching Translation of Basic Corporate Terms: Fundamental Principles	177

Information and Communication Technologies in Education

<i>Fadeeva V.A.</i> Distance Language Learning with PowerSchool Learning LMS in a Higher Education Context: an Empirical Study	185
---	-----

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.Г. Молчанова

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И МИФОТЕХНОЛОГИИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Самое оригинальное – это ...фантастика обыденной жизни,
которая весьма далека от традиционных мифов,
но строится в какой-то мере по их моделям.

Е. Мелетинский

Цель настоящей статьи – вскрыть основные познавательные механизмы в ментальном мире человека, ведущие к изменению сознания и стереотипных мифологем в переломные моменты под влиянием внешних факторов и при помощи современных мифотехнологий. В статье алгоритм интертекстуального фреймо-слотового анализа представлен в виде последовательного рассмотрения наиболее типичных интертекстуальных свойств мифодизайнерского текста: наличия и количества input spaces (входных пространств); семантической (содержательной) интертекстуальности; формальной (структурной) интертекстуальности; аллюзивной лексической интертекстуальности; меметической интертекстуальности. Вызванные направленными интертекстуальными ассоциациями ментальные пространства смешиваются со смыслом и контекстом нового текста, образуя новые ментальные пространства. Таким образом, интегрированная модель позволяет осмыслить взаимодействие ментальных пространств, что приводит к представлению о возникновении нового знания, нового смысла. Широкое внедрение архаического мифа в постмодернистский дискурс, его осовременивание как в виде ремифологизации (т.е. использования сюжета, имен, структурной и образной аранжировки), так и в виде демифологизации (снижения пафоса, дегероизации, ироничности, неформальности стиливого регистра, нивелировки богопочитания) – все это переводит мифологему в семиотическую сферу, превращает ее в знак, новую

Молчанова Галина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dean@fl.msu.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

смысловую единицу лингвокультуры, а главное – встраивает в контекст современности, давая возможность вступать в диалог с новым поколением XXI в.

Ключевые слова: мем-мифологема; ре/демифологизация; интертекстуальность; мемплекс; архетип; прототекст.

Миф является одной из чрезвычайно сложных реальностей лингвокультуры, поэтому подходы к его изучению и интерпретации многочисленны и неоднозначны. По определению Мирчо Элиаде, «миф – это сказание, передающее представления людей о мире, месте человека в нем, о происхождении всего сущего, о богах и героях. Миф – универсальная категория человеческой психики и человеческой культуры, и, как любая универсалия, он находится вне времени, сопровождает человека на всем протяжении эволюции... Основную задачу мифа можно определить как систему создания образцов и моделей любого важного действия, совершаемого человеком» [Элиаде, 2014: 56].

Мотивы из различных мифологий сыграли огромную роль в развитии литературных сюжетов, а мифологические образы, темы и персонажи используются и переосмысливаются на протяжении практически всей истории литературы, так как мифологическая форма сознания позволяет объяснять мир через определенные сюжеты и образы, глубоко хранящиеся в нашей коллективной памяти. В нашем постмодернистском мире процессы осовременивания мем-мифологема, его ремифологизация и демифологизация, как и другие виды интертекстуальности, находят широкое применение в разных видах текста/дискурса. Миф перестает быть исключительно древним повествованием, рассказом о богах, Титанах и героях, синкретическим представлением о явлениях природы, вымыслом, иносказанием. Он становится одним из мощных манипуляционных механизмов современного мемплекса (т.е. совокупности мемов и антимемов), воздействующих на сознание людей, эффективным средством влияния на коллективное сознание в обществе и политике. Для настоящей работы особенно важно то, что мифологема выступает как в качестве мифологического материала, так и в качестве основы для образования нового. «“Мифологема” – вот лучшее древнегреческое слово для их обозначения, которые всем хорошо известны, которые далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для творчества». [Юнг, 1997: 57].

Частое повторение антимема, основанного на старых мемах, приводит к тому, что сама специфика возникновения и укоренения в обществе таких конструкций дает им не только лингвокультурное, но и определенное психологическое влияние на общественное кол-

лективное бессознательное, «эксплуатация» которого обладает серьезным потенциалом в коммуникации. Авторское мифотворчество содержит элементы архаичного мира, спроектированного на реальный пласт современной жизни. Созданные в древности архетипы и сюжетные схемы содержат одновременно элементы вневременного, повторяющегося, вечного, и в то же время отражение событий, характерных для конкретной эпохи и ситуации. «Марсель Дюшан пририсовал усы Джоконде, но ему потребовалась Джоконда, чтобы было кому приделать усы» [Эко, 2005]. Е.М. Мелетинский писал о приспособлении древнего мира к реалиям современной жизни: «Самое оригинальное – это ... фантастика обыденной жизни, которая весьма далека от традиционных мифов, но строится в какой-то мере по их моделям... На передний план выходит интерес к типическому, вечно-человеческому, вечно повторяющемуся, вневременному, короче говоря, к области мифического. Ведь в типичном всегда есть очень много мифического в том смысле, что типичное, как и всякий миф, – это изначальный образец, изначальная форма жизни, вневременная схема» [Мелетинский, 2003: 295]. Одновременно с ремифологизацией при работе современного автора с мифопроектами происходит их демифологизация, создающая новую реальность.

Обратимся к анализу авторского мифодизайна, создающего интертекстуальную модель «фантастики обыденной жизни», намеренно избрав для этого наивное, даже простенькое, на первый взгляд, стихотворение поистине народного поэта – Олега Григорьева: «Украл у богов факел, / Принес людям свет. / А люди по норам попрятались, / – Никого как бы нет. / Только из тьмы камни / Градом летят в меня. / Однако крепко руками / Держу я букет огня. / Людям меня видно, / А мне людей – нет. / Конечно же, мне обидно, / Ведь несут-то я им свет. / Чтобы грелись от холода, / Готовили дичь и питье, / Не знали болезней и голода, / Но, видно, напрасно все. / Ползу я, покрыт синяками, / Идти уже нету сил, / А какой – то большой камень / Вовсе огонь загасил ... / Мало того, что люди побили, / А потом еще боги к скале прибили».

Современному адресату сразу становится ясно, что это отсылка к древнегреческому мифу о Прометее. Прометей тайно проник на священную гору Олимп и похитил для людей огонь. Он также научил людей всему, что сам знал: счету, письму, ремеслам. По мифам древних греков, именно благодаря Прометею люди стали теми, кем они являются сегодня. Но Прометей действовал против воли Зевса, чем вызвал его гнев. За это он был вынужден испытать колоссальные страдания. Такой жестокости боги еще не видели. Зевс приказывает приковать Прометея к скале на одной из вершин Кавказа. Каждое

утро к нему прилетал орел, который клевал его печень. За ночь печень отрастала вновь, чтобы утром птица снова принялась за работу. Ужасные муки испытывал Прометей. Титан Геракл находит Прометея, убивает прилетевшего в назначенный час орла и освобождает Прометея.

Интертекстуальность, т.е. ссылка на другие тексты, является сложным когнитивным феноменом и в то же время одним из важнейших компонентов человеческого мышления. Ее главной функцией традиционно признается установление коммуникативного взаимодействия, диалога между цитирующим и цитируемым авторами и между их эпохами и культурами. Ощущение в тексте «чужого слова», частые отсылки к классическим произведениям или к современным актуальным и популярным дискурсам основаны на процессах категоризации, упорядочивания знаний, кроме того, они способствуют поддержанию национально-культурного пространства и осознанию общественных норм и правил. Вызванные направленными ассоциациями ментальные пространства смешиваются со смыслом и контекстом нового текста, образуя новые ментальные пространства. Таким образом, интегрированная модель позволяет осмыслить взаимодействие ментальных пространств, что приводит к представлению о возникновении нового знания, нового смысла.

Согласно теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье [Fauconnier, 1994], основа мыслительной деятельности – смешение *ментальных пространств*, динамических когнитивных структур, которые в ходе процесса слияния модифицируются и взаимодействуют, в результате чего формируются новые ментальные пространства и новые связи между ними, способствующие становлению нового творческого знания. Возникшее при этом новое слитное пространство (*бленд*) может быть представлено интеграционной моделью, состоящей из следующих компонентов: двух или более *входных пространств* (input spaces); *порождающего слитного пространства* (generic space); собственно *бленда* (conceptual blended space), т.е. нового концептуального пространства, нового смысла, основанного на фоновом знании и не выводимого из арифметического сложения смыслов двух или более входных ментальных пространств. Наиболее значима при этом *«аналогия*, которая в целом определяет процесс интеграции, поскольку человек осмысливает происходящее, основываясь на опыте проживания аналогичных ситуаций» [Dancygier, Sweetser, 2014: 84]. Эванс проводит сравнение лексического концепта и реального смысла слова в речи с фонемой и ее аллофонами. Лексический концепт, как и фонема, – это усредненное понятие, выведенное в результате опыта употребления сло-

ва. В речи функционирует его вариант [Evans, 2006: 498]. Процесс вынесения на первый план одних сторон значения и затемнение других называется *высвечиванием* (highlighting) [Lakoff, Johnson, 1980]. В процессах интегрирования ментальных пространств важно учитывать самые разные контексты, в которых может происходить высвечивание отнюдь не ядерных, прототипических, но периферийных сторон концепта, что делает их приоритетными и определяющими.

В работе М. Панагиотиду [Panagiotidu, 2012], использующей методику теории лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванса [Evans, 2006] и теории концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье [Turner, Fauconnier, 2003], вводится понятие интертекстуального фрейма, под которым понимается концептуальное пространство, в котором текст смешивается с интертекстуальным знанием. Интертекстуальное знание делится у нее на два вида: 1) тематическое: содержание, основные идеи, имена героев и т.д.; 2) стилистическое: жанр, поджанры, ФЕ, крылатые выражения, цитаты, аллюзии. Происходит взаимодействие концептуальных структур, связанных с новым текстом и прототекстом, на основе фонового знания адресата. М. Панагиотиду выделяет три типа интертекстуальных связей по их сложности: 1) семантическая интертекстуальность (вызвана одним словом); 2) тематическая интертекстуальность (связь поддерживается рядом отсылок к определенному интертекстуальному знанию); 3) стилистическая (цитаты и жанр) [Panagiotidu, 2012].

Основываясь, модифицируя и дополняя вышеперечисленные теории и классификации [Turner, Fauconnier, 2003; Evans, 2006; Panagiotidu, 2012], я предлагаю выделять следующие типы *межтекстовых интертекстуальных связей*: 1) *содержательная (семантическая)* интертекстуальность (связь поддерживается рядом отсылок к определенному интертекстуальному знанию прототекста (темы, мотивы, сцены, сюжетные коллизии, призванные активировать хранящиеся в памяти адресата определенные когнитивные модели, обладающие семантическим потенциалом и подкрепляемыми прямыми отсылками и повтором текстовых элементов прототекста); 2) *формальная (структурная)* интертекстуальность (связь поддерживается рядом отсылок к форме изложения, сходной с прототекстом, например, библейской – параллелизмы, сходные синтаксические конструкции и т.п.); 3) *аллюзивная лексическая* интертекстуальность с вектором направленных ассоциаций и отсылками к лексике прототекста (они́мы, антропони́мы, имена мифологических и литературных героев и пр.); 4) *меметическая* интертекстуальность (мемы и цитаты прототекста используются в новом тексте в измененном

виде, т.е. в качестве антимемов, или с тождественным воспроизведением образца, но с изменением контекстуального смыслового акцента (т.е. высвечивания). Цитаты вообще наименее зависимы от читательского опыта и фоновых знаний. Со временем они могут полностью оторваться от контекста, в котором были созданы, потерять связь с текстом-источником и, по выражению Р. Барта, «потерять отцовство», но приобрести новые, независимые, но при этом широко известные смыслы. Алгоритм интертекстуального фрейм-слового анализа может быть представлен в виде последовательного рассмотрения следующих типичных интертекстуальных свойств мифодизайнерского текста:

- 1) наличие и количество input spaces (входных пространств);
- 2) семантическая (содержательная) интертекстуальность – отсылки к интертекстуальным знакам прототекста: темы, мотивы, сюжеты, сцены, активизирующие когнитивную модальность прототипа);
- 3) формальная (структурная) интертекстуальность – отсылки к форме изложения прототекста, сходные синтаксические конструкции и стилистические приемы и т.п.);
- 4) аллюзивная лексическая интертекстуальность: векторы ассоциаций, направленные на сходство с лексикой прототекста (они́мы, мифологические герои, литературные персонажи и т.д.);
- 5) Меметическая интертекстуальность (высвечиваемые мемы прототекста претерпевают изменение Активной зоны в новом контексте, вследствие чего меняется смысловой акцент).

Помимо перечисленных основных типов *межтекстовых интертекстуальных связей*, возможны специфические подтипы, необходимые при моделировании специфического дизайна, например, для мифодизайна, сходного с древним прототекстом.

1) Архетипичность мема-мифологемы. Одним из неизменных атрибутов мифопоэтического мышления является прототипический образец, или архетип, понятие, введенное Аристотелем и означающее «модель, оригинальный образец». К. Юнг понимает под термином «типическая ситуация» не что иное, как определенный комплекс событий, взятый в их последовательности и сочетаемости, который и запускает в действие архетип из типологического списка (Трикстер, Культурный Герой, Мудрый Правитель, Союзник, Хранитель Врат/Защитник, Тень/Мировое Зло, Жертва и т.д.). Механизмы эффективного влияния архетипа настолько велики, что они могут стать ключевыми в создании имиджа политика. Так, закрепились в социуме мемы: Обама – Золушка, Гадкий Утенок, через инициацию «из грязи в князи», Трамп – Трикстер, через инициацию первоначальной ипостаси шута, через антимемы, вербализованные в виде концеп-

туальных зоометафор *Lame Duck*, позднее – *Гринч*, *похититель Рождества*, еще позднее – *Black Swan*; Х. Клинтон – Верная Жена через инициацию ситуации измены мужа. Но именно антимемы могут стать эффективными механизмами разрушения сложившихся архетипов и создания новых при условии распространения и укоренения в обществе множества демотивирующих высказываний, опровергающих сложившиеся образы. Так, новая ипостась президента Трампа выражена в архетипе Крысолов (одном из самых распространенных образов в мировой культуре, с ним связывали влиятельнейших политиков мира). У Х. Клинтон меняется архетип Верная жена, на первый план выходит архетип Тень. Архетип Терезы Мэй через инициацию должности – министр внутренних дел – «Хранитель Врат» (Защитник) – позднее превратился, через инициацию затянувшегося Брексита и череду укоренившихся метафорических антимемов: “Walking Dead”, “Parrot Dodo” – в архетип Трикстера.

Механизмы влияния антимемов на массовую аудиторию тесно связаны с глубинными архетипическими структурами и коллективным бессознательным. Благодаря своей частотной повторяемости при умелом использовании они способны внушить адресату модели восприятия тех или иных событий и обеспечить нужную психологическую оценочную реакцию на подсознательном уровне. В анализируемом тексте тип мифа прототекста, его признаки, архетипичность несомненно свидетельствуют о том, что это аллюзия на древнегреческий миф о Прометее, его ссоре с Зевсом и понесенном наказании.

2) Образные и тропеические языковые средства. Отношения взаимозависимости мифа и языка издавна привлекали внимание ученых, философов и лингвистов издавна, но наиболее явно это нашло проявление в различных философских концепциях XIX–XX вв. На наличие связи между языком и мифом указывали И.Г. Гердер, Ф.В. Шеллинг, М.Э. Кассирер, Г. Спенсер, М. Мюллер, А.Ф. Лосев, А.А. Потебня и др., подчеркивая, что даже этимологический анализ слова *миф* свидетельствует об этом, ведь в древнегреческом языке *mythos* – это *рассказ*. В работах И.Г. Гердера утверждается первично мифологический характер всех языковых и словесных понятий, Ф.В. Шеллинг видел в языке «поблекшую» мифологию. Они оба утверждали первичность мифа по отношению к языку. Напротив, представители течения сравнительной мифологии (Г. Спенсер, М. Мюллер) считали, что язык первичен по отношению к мифу, а мифология основана на многозначности языковых выражений и неправильном толковании имен этих явлений. Э. Кассирер, объясняя

миф через язык и язык через миф, пытается определить принципы образования языковых понятий и понятий мифа [Кассирер, 2000]. После анализа их способов образования и структуры он приходит к выводу о генетической и логической связи мифа и языка. В анализируемом тексте образность и тропеичность проявляются в виде развернутых метафор – «Украл у богов факел, *принес людям свет*. А люди *по норам* попрятались, только из тьмы камни градом летят в меня»; «*крепко руками держу я букет огня*»; «*ведь несут-то я им свет*»; «боги к скале прибили».

3) Функциональная установка форматирования мемплекса особым *дуалистическим образом*, свойственным мифологическому мышлению, позволяет связать в единое семантическое пространство разобщенные в бытийной практике вещи. Бинарные оппозиции: *уход/возвращение, предательство/самопожертвование, порядок/хаос*. В анализируемом тексте – это наличие двух противопоставляемых *input spaces* (входных пространств): древние боги VS современный «маленький» человек.

4) Ре/демифологизация: реновация, осовременивание мифа происходит за счет затушевывания его ядра: в фокусе стихотворения не история личных взаимоотношений между богами (кстати, написание с прописной буквы – явный признак демифологизации), а то, что лежит на периферии мифа, высвечивание его периферийной зоны, а именно: равнодушие и жестокость современных людей, не понимающих того, кто, жертвуя собой, несет им добро и тепло, получая за это боль и мучения. Ключевой концепт здесь – не *подвиг Титана, не героизм*, как в традиционном мифе о Прометее, а жалоба маленького человека: «*Обидно. Ведь несут-то я им свет*».

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что широкое внедрение архаического мифа в постмодернистский дискурс, его осовременивание как в виде ремифологизации (т.е. использования сюжета, имен, структурной и образной тропеической аранжировки), так и в виде демифологизации (снижения пафоса, дегероизации, ироничности, неформальности стилового регистра, нивелировки богопочитания), – все это переводит мифологему в семиотическую сферу, превращает ее в знак, новую смысловую единицу лингвокультуры, а главное – встраивает в контекст современности, давая возможность вступать в диалог с новым поколением XXI в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос. М.; СПб., 2000.
2. Мелетинский Е.М. Мифология: Энциклопедия / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 2003.
3. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., 2005.

4. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2014.
5. *Юнг К.-Г.* Душа и миф: шесть архетипов. М., 1997.
6. *Dancygier B., Sweetser E.* Figurative Language. Cambridge, 2014.
7. *Evans V.* Lexical concepts, cognitive models and meaning construction // *Cognitive Linguistics*. 2006. V. 17(4). P. 491–534.
8. *Fauconnier G.* Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, 1994.
9. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago; L., 1980.
10. *Panagiotidu M.-E.* Intertextuality and literary reading: a cognitive poetic approach. Un-ty of Nottingham, 2012.
11. *Turner M., Fauconnier G.* Polysemy and Conceptual Blending // *Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin; N.Y., P. 79–94.

Galina G. Molchanova

INTERTEXTUALITY AND MYTHOTECHNOLOGIES IN POST-MODERN TEXT²

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The aim of the present paper is to focus on identifying the main cognitive mechanisms in the mental world by which the human consciousness and traditional classical myths are renovated as motivated by the contextual factors and underlying modern technologies. Through a frame/slot analysis of the modern text/discourse we draw attention to the way in which the most typical intertextual properties of the renovated myths are represented. They are as follows: 1) the division of input spaces and their quantity number; 2) the semantic intertextuality; 3) the formal (structural) intertextuality; 4) the allusive intertextuality; 5) the memetic intertextuality. We conclude that the archetypal myth strategies in the modern text/discourse can be renovated by two means: 1) *remythologisation* (that is, exploration and usage of the traditional archaic plot, narration, a literary bookish stylistic register, names, structural arrangement, semantic meanings in the new context); 2) *demythologisation* (that is, negative or ironical attitude to the main gods, titans and heroes; non-formal stylistic register; a low-level pathos; the modern plot and social context). All these properties transfer the archaic myth into the new semiotic unit, able to be functioning in the new social and temporary situation and communicating with the new generation of the 21st century.

Key words: mem; mythology; intertextuality; re/demythologization; memplex; archetype; prototext.

About the author: *Galina G. Molchanova* – Dr.habil in Philology, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Professor, Head of the Department

---

² This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dean@fl.msu.ru).

REFERENCES

1. Kassirer E. 2000. *Izbrannoe. Individ i kosmos* [Selected Works. The Individual and the Cosmos]. Moscow, Universitetskaya kniga. (In Russ.)
2. Meletinskij E.M. 2003. *Mifologiya: Enciklopediya* [Mythology. An Encyclopedia]. Moscow, BRE. (In Russ.)
3. Eko U. 2005. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of a reader. The research on the semiotics of texts]. St-Petersburg, Symposium. (In Russ.)
4. Eliade M. 2014. *Aspekty mifa* [Aspects of a myth]. Moscow, Akademicheskij proekt. (In Russ.)
5. Yung K-G. 1997. *Dusha i mif: shest' arhetipov* [A soul and a myth. Six archetypes]. Moscow, Port-Royal. (In Russ.)
6. Dancygier V., Sweetser E. 2014. *Figurative Language*. Cambridge, Cambridge University Press.
7. Evans V. 2006. Lexical concepts, cognitive models and meaning construction. *Cognitive Linguistics*, V. 17(4), pp. 491–534.
8. Fauconnier G. 1994. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge University Press.
9. Lakoff G., Johnson M. 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, London, The University of Chicago Press.
10. Panagiotidu M.-E. 2012. *Intertextuality and literary reading: a cognitive poetic approach*. University of Nottingham.
11. Turner M., Fauconnier G. 2003. Polysemy and Conceptual Blending. *Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, pp. 79–94.

З.К. Дербишева

ОТ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ К ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

*Кыргызско-Турецкий университет Манас
720042, Кыргызстан, Бишкек, проспект Ч. Айтматова, 56*

В статье была поставлена цель смоделировать языковые картины мира, основываясь на частотной лексике русского, английского и турецкого языков, установленной авторской методикой квантитивного анализа Воронежской школы прикладной лингвистики. Ядерная лексика, выявленная с учетом ряда лингвистических критериев, была включена в малые параметрические ядра, которые были изучены в статье в контексте языковой картины мира. Для выявления общих моментов и специфических различий в картинах мира трех языков был использован сопоставительный метод. В результате анализа было установлено, что ядерная лексика каждого языка, отобранная на лингвостатистических основаниях, дает определенное представление о базовых взглядах языкового коллектива на мир. В результате сопоставления лексических картин мира было установлено, что малые параметрические ядра трех (русского, английского и турецкого) языков актуализируют как общие сферы когнитивной интерпретации мира, так и специфические сферы знаний. Совпадение многих фрагментов в лексических картинах мира свидетельствует об общечеловеческих основах жизнедеятельности народов. Тогда как расхождения в полученных картинах связаны с особой ментально-языковой интерпретацией в аспекте внутренней детализации когнитивно-семантических блоков как фрагментов ЯКМ. Эти различия проявляются во взглядах человека на самого себя, на свое естество, в предпочтении видов физической деятельности, в характере оценки окружающего мира, в разной степени актуализации абстрактных понятий и процессов ментальной деятельности, а также в выборе объектов предметного мира и т.д. Картина мира каждого языка представляет собой базовую модель восприятия мира носителями русского, английского и турецкого языков.

Ключевые слова: параметрический анализ; языковая картина мира; когнитивная лингвистика; когнитивно-семантический блок; лексическое ядро.

Введение. В рамках активно развивающейся в последние десятилетия антропоцентрической парадигмы в языкознании вопросы о связи языка и человека, языка и культуры, языка и менталитета,

---

Дербишева Замира Касымбековна – доктор филологических наук, профессор отделения русского языка и литературы гуманитарного факультета КТУ Манас (e-mail: zamira.derbisheva@manas.edu.kg).

языка и картины мира являются предметом анализа большого количества исследований отечественных лингвистов. Именно лингвистика взяла на себя роль организующего начала по изучению возможных векторов взаимодействия языка с основными сферами человеческой деятельности. Эти предпосылки и стали основой формирования новой научной дисциплины – когнитивной лингвистики, которая обладает методологией, своим понятийно-терминологическим аппаратом, своими целевыми установками. Сегодня в научном обиходе высокой активностью пользуются такие термины из области когнитивной лингвистики, как концепт, концептосфера, языковая картина мира и др. По мнению многих исследователей, членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается прежде всего в лексике. Предлагаемая статья будет посвящена анализу лексики с точки зрения отражения картины мира. Новизна целевых установок в статье будет связана, во-первых, с выбором объекта исследования, в качестве которого выступают не отдельные слова, и не традиционные лексические поля или разряды, а лексическое ядро отдельного языка (см. ниже); во-вторых, будет проведен сопоставительный анализ лексических ядер трех языков с выходом на картины русского, английского и турецкого мира.

Материал и методы. Лексическое ядро – это новая единица языковой, точнее лексической, систематики, предложенная учеными кафедры теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета (А.А. Кретов, О.М. Воевудская, И.А. Меркулова, В.Т. Титов). Для выявления лексического ядра учеными был разработан авторский метод, называемый методом параметрического анализа, основанный на «замерах» таких системных параметров лексики, как:

- 1) функциональный (употребительность) – оценивается по длине слова;
- 2) синтагматический (широкая сочетаемость) – оценивается по количеству фразеосочетаний со словом;
- 3) эпидигматический (многозначность) – оценивается по количеству значений у слова;
- 4) парадигматический (вхождение в многочисленные синонимические ряды) – оценивается по числу слов, входящих в синонимический ряд.

По каждому из параметров отбиралось от 1000 слов, и для каждого из членов ядра определялся его параметрический вес. Для этого была использована определенная математическая формула

[Кретов и др., 2016: 6]. Единицы, имеющие вес по всем четырем параметрам, вошли в малое параметрическое ядро. Единицы, имеющие вес по трем и более параметрам, отнесены к большому параметрическому ядру, по двум и одному параметру – к периферии. Авторы исследования отмечают, что ядро лексики, установленное статистическим методом на основании лингвистических параметров, устойчиво и структурировано. Периферия – изменчива и нечетка. Ядро мало по размеру, периферия – безгранична. Ядром владеет каждый индивид, периферией – все общество, обслуживаемое данным языком [Кретов и др., 2016: 5]. Благодаря такой методике отбора, во-первых, гарантируется высокий системный вес ядерных слов; во-вторых, обеспечивается минимизация объекта сравнения на основе собственно лексических (системных) параметров: формальная простота, многозначность, широта сочетаемости, богатство синонимии; в-третьих, исключается случайность попадания параметрически невыдержанных слов. Отобранный таким образом лексический материал является, на наш взгляд, идеальным объектом для изучения его в контексте языковой картины мира. Для решения этой задачи из работ указанных авторов были взяты малые параметрические ядра русского, английского и турецкого языков на предмет изучения отражения ими картин мира. «Современная когнитивная семантика располагает широким спектром методов, в том числе квантитативных, позволяющих проводить сравнение и/или сопоставление как отдельных лексических единиц, так и целых классов лексики, выделяя парадигматические и синтагматические взаимоотношения между их элементами» [Джабер, 2018: 88]. В определении термина «языковая картина мира» мы учитываем следующие трактовки, которые в определенной мере дополняют, уточняют это понятие. «В филогенезе мысль определяет язык, точнее, в языке закрепляются результаты когнитивного опыта, который носит идиоэтнический характер» [Касевич, 2006: 115]. Согласно В.В. Красных, «языковая картина мира – сложно организованное семантическое пространство» [Красных, 2009: 54].

Малые параметрические ядра. Малое параметрическое ядро русского языка насчитывает 126 слов. Оно получено путем сложения малого ядра, разработанного в монографии «Единство Европы по данным лексики», и малого лексического ядра, полученного в диссертации Ю.А. Стародубцевой [Стародубцева, 2018: 13]. Лексическое ядро английского языка (145 слов) было установлено в исследовании

О.М. Воевудской [Воевудская, 2015: 68]. Ядерная лексика турецкого языка включает около 80 единиц [Кретов и др., 2016: 321].

Русское ядро *убить 1, драить, рвать, ловить, выбить, кидать, ударить, разбить, бросать, напасть 1, забрать, снять, крыть, закрыть, греть, живой, мертвый; крупный, большой, маленький, полный, небольшой, низкий; тихий, печальный; сильный, слабый; плохой, грубый; ложный, тайный, ясный; честный, свободный настоящий; милый; твердый; холодный, горячий; старый; тяжелый; простой; красный; личный, общий, последний, идти, ходить, зайти, войти, пройти, прийти, ввести, принести, подняться, вертеться, лезть, сесть, лечь, попасть, движение; мать, баба, друг, шут, отец; части тела: лицо, рука, рожа, жила, кровь; мир, свет – тьма, сила, тяга, жизнь – смерть; воля, чудо, основание, точка, плюс, ужас, верх; время, пора, этап, час, конец; гореть, тянуться, быть, есть, стать, дать, забрать, знать, хотеть, решить, писать, говорить, неть, земля, поле, край 1, фон, цепь, ключ, вещь, картина, чай, дом*

Английское ядро *rough – грубый, mad – безумный, dumb – немой, sham – притворный, mortal – смертный; early – ранний, old – старый; weak – слабый, sick – больной, live – живой, safe – невредимый, dry – сухой, hard – твердый, thin – тонкий, keen – острый, soft – мягкий, fresh – свежий, dirty – грязный; wrong – ошибочный, true – верный, certain – определенный, clear – ясный; thick – толстый, easy – легкий, heavy – тяжелый; dark – темный, grey – серый, black – черный; broad – широкий, wide – широкий, outer – внешний, наружный; quick – быстрый; small – маленький, little – маленький, choke – душить, rough – делать грубым, rub – делать шероховатым, tip – наклонять, bar – запирает засов, build – строить, drum – бить в барабан, gather – собирать, raise – поднимать, foot – идти пешком, blot – пачкать, order – приводить в порядок, damp – смачивать, увлажнять; walk – ходьба, leap – прыжок, скачок, cast – бросок, fling – бросание, швыряние, swim – плавание; rub – трение, knock – удар, fight – бой, burst – взрыв; force – сила, law – закон, part – часть, cause – причина, touch – прикосновение, proof – доказательство, fault – дефект, odds – неравенство, разница, leave – разрешение, help – помощь, length – длина, soul – душа, дух, trick – хитрость, chill – холод; faith – вера, доверие, deed – действие, поступок, accord – согласие, affair – дело; let – позволить, allow – разрешить, choose – выбирать, vote – голосование, баллотирование, save – спасать; wealth – богатство, store – запас, резерв, purse – кошелек, fund – запас, money – деньги; set – набор, комплект, heap – куча, груды, load – груз, mass – масса, pair – пара; man, jack – парень, boy – мальчик, double – двойник; части тела человека: head – голова, neck – шея, tongue – язык, cheek – щека, nose – нос, beard – борода, jaw – челюсть, blood – кровь, sweat – пот; tell – рассказывать, ask – спрашивать, sing – петь, damn – проклинать, ring – звенеть, answer – ответ; rock – скала, утес, sea – море, sand – песок, гравий, sun – солнце*

Турецкое ядро *er* – мужчина, *ana* – мать, *baba* – отец, *adam* – человек, *dost* – друг, *usta* – мастер, умелец; *baş* – голова, *kol* – вся рука, *el* – нижняя часть руки, *arka* – спина, *sirt* – спина, *ayak* – нога, *boy* – рост, *kalp* – сердце; *kaş* – бровь, *yüz* – лицо, *ağız* – рот; *iyi* – хороший, *düz* – гладкий, ровный, *ak* – белый, *tek* – единственный, *kuru* – сухой, *kör* – слепой, *tam* – целый, полный, *kötü* – плохой, *ham* – сырой, *pis* – грязный, *sıkı* – узкий, тесный, *kara* – черный, *ağır* – тяжелый, *sert* – твердый, *ayrı* – отдельный, *sulu* – сочный; *iç* – *внутри*, *dip* – *дно*, *sıra* – *ряд*, *üst* – *верх*, *alt* – *низ*, *yan* – *бок, сторона*, *dış* – *внешняя сторона*, *orta* – *середина*; *top* – мяч, *ip* – нить, *kök* – корень, *dam* – крыша, *iğne* – игла, *kese* – кошелек, *askı* – вешалка, *küme* – куча, груды, *yapı* – здание, *ocak I* – очаг, печь, *boya* – краска; *mal* – имущество; *can* – душа, *zor* – трудность, затруднение, *ruh* – душа, дух, *asıl* – основа, основание, *ek* – дополнение, *dava* – иск, *oyun* – игра, *gün* – день, *hak I* – право, *âlem* – мир, *dil* – язык, *dem I* – дыхание, вздох; *hava* – воздух, *kıyı* – берег, *ateş* – огонь

Анализ: сопоставление лексических картин мира. На основе лексико-семантической классификации материала малого ядра были смоделированы лексические картины мира, каждая из которых состоит из фрагментов, определяемых нами как когнитивно-семантические блоки (далее – Блок).

Лексическая картина мира русского языка	Лексическая картина мира английского языка	Лексическая картина мира турецкого языка
1. «Атрибутивные признаки» 2. «Перемещение и движение» 3. «Абстрактные понятия» 4. «Антропоцентрические понятия» 5. «Телесные понятия» 6. «Предметный мир» 7. «Природный мир»	1. «Физическое и механическое воздействие» 2. «Атрибутивные признаки» 3. «Перемещение и движение» 4. «Абстрактные понятия» 5. «Экономические понятия» 6. «Предметный мир» 7. «Антропоцентрические понятия» 8. «Телесный мир» 9. «Природный мир»	1. «Человек» 2. «Телесные понятия» 3. «Пространственные понятия» 4. «Атрибутивные признаки» 5. «Предметный мир» 6. «Природный мир»

Преимущество сопоставительного анализа языкового материала состоит в том, что язык неизбежно выводит на специфику этнического взгляда на мир. «Очевидно, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в процессе деятельности и общения, отображаются в его сознании, фиксируя причинные связи явлений и эмоций, и картина мира меняется от одной культуры к другой» [Григорян, 2016: 28–29].

Когнитивно-семантический блок: «Физическое и механическое воздействие»

Этот блок представлен в русской и английской ЯКМ. Однако семантическая структура данного блока в двух языках не тождественна. В русском языке выделяется следующий спектр значений:

семантика приведения в состояние непокоя: *кидать, бросать, напасть*;

семантика отделения: *драть, рвать, выбить*,

семантика удара: *бить, ударить*,

семантика уничтожения: *убить 1*,

семантика соединения: *крыть, закрыть*,

семантика разъединения: *снять*,

семантика разрушения: *разбить*,

семантика преобразования: *греть*,

семантика активного целенаправленного действия: *ловить*.

Анализируя данную семантическую диспозицию с историко-культурной точки зрения, в общих чертах можно представить характер динамического поведения русского человека, которое можно определить такими чертами, как деятельность, неумность, боевитость; эти свойства русского характера могут быть связаны как с многовековой борьбой с внешними врагами, так и с историей трудовой деятельности русского народа. «Наш народ – землепашец, в то же время и народ-воин. Никакой иной народ так не сумел соединить плуг с мечом, труд землепашца с обязательным для всех воинским долгом» [Керсновский, 2017]. Глаголы *ловить, убить, драть, выбить, крыть, закрыть* могут быть связаны как с боевыми действиями, так и традиционными русскими промыслами (охотой, рыболовством) [Дусенбаев, Воеводина, 2010]. Рассматриваемый блок в английском языке выражает следующие значения:

1) семантика преобразования, обработки: *rough* – делать грубым, *rub* – делать шероховатым, *damp* – смачивать, увлажнять; *gather* – собирать, *order* – приводить в порядок;

2) семантика изменения положения: *tip* – наклонять, *raise* – поднимать;

3) семантика приведения в состояние непокоя: *drum* – бить в барабан;

4) семантика отрицательного воздействия на объект: *blot* – пачкать;

5) семантика уничтожения: *choke* – душить;

6) семантика созидания: *build* – строить.

Блок «Атрибутивные признаки». Этот фрагмент представлен в ЯКМ всех трех языков. В русском языке общая семантическая

функция состоит в выражении характеристики и оценки объекта с точки зрения разных его свойств, а именно:

1) внешние признаки неодушевленных предметов и одушевленных объектов: размер (*крупный, большой, маленький, полный, небольшой, низкий*), вес (*тяжелый*), цвет (*красный*);

2) физические признаки объекта: *живой, мертвый, твердый, старый, холодный, горячий*;

3) абстрактные свойства: *простой; личный, общий, последний*;

4) оценка состояния объекта: *сильный, слабый*;

5) оценка эмоционального состояния: *тихий, печальный, милый*;

6) оценка нравственных качеств: *честный, свободный, настоящий; плохой, грубый*;

7) оценка мнения, ситуации: *ложный, тайный, ясный*.

Как видим, в русском языке атрибутивные функции связаны с двумя установками: категоризацией объективных признаков предметов (см. 1, 2, 3) а также оценочной характеристикой, которая при этом в значительной степени привязана к человеку (см. 4, 5, 6, 7). В составе ядерной лексики английского языка наиболее презентативную часть составляет лексика, обозначающая

1) категориальные признаки объектов:

- вес: *thick* – толстый, *easy* – легкий, *heavy* – тяжелый;

- цвет: *dark* – темный, *grey* – серый, *black* – черный;

- форма: *broad* – широкий, *wide* – широкий, *outer* – внешний, наружный;

- темп: *quick* – быстрый;

- размер: *small, little*;

2) физическое состояние человека: *dumb* – немой, *mortal* – смертный; *weak* – слабый, *sick* – больной, *live* – живой, *safe* – невредимый;

3) физическое состояние предметов: *dry* – сухой, *hard* – твердый, *thin* – тонкий, *keen* – острый, *soft* – мягкий, *fresh* – свежий, *dirty* – грязный;

4) временной и возрастной признак: *early* – ранний, *old* – старый;

5) ментальные свойства: *wrong* – ошибочный, *true* – верный, *certain* – определенный, *clear* – ясный;

6) оценочная характеристика: *rough* – грубый, *sham* – притворный, *mad* – безумный.

В турецком языке более детально представлено выражение физических признаков перцептивного свойства: *ham* – сырой, *siki* – тесный, *kuru* – сухой, *sulu* – сочный, *ak* – белый, *kara* – черный.

Следующие группы указывают на такие значения, как:

- физические свойства предметов: *ağır* – тяжелый, *sert* – твердый, *düz* – гладкий, ровный.

- оценочные свойства: *iyi* – хороший, *kötü* – плохой, *pis* – грязный;
- абстрактные признаки дифференцирующего свойства: *tek* – единственный, *tam* – целый, полный, *ayrı* – отдельный.

Блок «Перемещение и движение». Этот фрагмент представлен в русской и английской ЯКМ. В русском языке выделены следующие значения:

- 1) перемещение одушевленного субъекта в пространстве: *идти, ходить, зaйти, войти, пройти, прийти, ввести, попасть, подняться, лезть*;
- 2) доставка объекта: *принести*;
- 3) изменение положения человека: *сесть, лечь*;
- 4) механическое движение: *вертеться*;

Примечательно, что в данном блоке фиксируется значение перемещения человека в горизонтальном пространстве. Это свойство заложено в лексико-грамматических признаках данных глаголов, а именно: в способах действия, которые посредством приставок выражают курсивные векторы движения: *зaйти, войти, пройти, прийти, ввести*, а также дифференциацию по признаку направленности движения: *идти-ходить, ввести* (вводить), *лезть* (лазить). На основании этих признаков глаголов движения можно подтвердить постулат о равнинном (плоскостном) восприятии пространства в русском сознании [Яковлева, 1994: 31]. В английском языке лексика, выражающая физические движения человека, акцентирует внимание на интенсивных однократных движениях: *leap* – прыжок, скачок, *cast* – бросок, *fling* – бросание, швыряние, *knock* – удар; семантика этих слов свидетельствует об их спортивной специализации. Спортивный характер присущ и следующим словам: *swim* – плавание, *walk* – ходьба, *fight* – бой. Семантику механического движения выражают такие слова, как: *rub* – трение, *burst* – взрыв.

Блок «Абстрактные понятия». В английском языке большая часть абстрактных слов имеет отношение к социально-правовой сфере: *law* – закон, *part* – часть, *cause* – причина, *proof* – доказательство, *odds* – неравенство, разница, *deed* – действие, поступок, *affair* – дело, *accord* – согласие. Слова *soul* – душа, дух, *trick* – хитрость, *faith* – вера, доверие раскрывают нравственно-духовные стороны человеческой природы. Высокую активность в английском ядре проявляют абстрактные глаголы, связанные с волеизъявлением, с процессами, характерными для избирательной кампании: *allow* – разрешить, *choose* – выбирать, *vote* – голосование, баллотирование. Абстрактные значения модального характера выражаются такими глаголами, как: *let* – позволить, *allow* – разрешить. В турец-

ком языке абстрактная лексика представлена в основном юридическими понятиями: *asıl* – основа, основание, *ek* – дополнение, *dava* – иск, *hak I* – право. В другую часть этой группы вошли слова из разных сфер знаний: *âlem* – мир, *oyun* – игра, *zor* – трудность, затруднение, *gün* – день. В составе абстрактной лексики русского языка представлены понятия из разных сфер. Самая высокая степень абстракции характерна для этико-философских понятий. Через логику контрастного восприятия предстают такие понятия *свет-тьма*, *жизнь-смерть*. Слова *сила*, *тяга* отображают физические свойства объектов; термины *точка*, *плюс*, *основание*, *верх* относятся к точным наукам; слово *воля* относится к области сознания, слово *чудо* – к области творческого воображения. Ряд абстрактных понятий значительно расширяется за счет следующих разрядов, выражающих:

- временные понятия: *время*, *пора*, *этап*, *час*, *конец*;
- экзистенциальные понятия: *быть*, *есть*, *стать*;
- семантика социального взаимодействия: *дать*, *забрать*;
- ментальной деятельности: *знать*, *хотеть*, *решить*;
- креативной деятельности: *писать*, *говорить*, *петь*.

Блок «Антропоцентрические понятия». Два языка – русский и турецкий – имеют явные совпадения в составе антропоцентрической лексики. В обоих языках почти одинаково представлена лексика, обозначающая лиц по родству. Однако есть определенные расхождения в иерархии этих понятий в параметрическом измерении, что может свидетельствовать о разной роли и значимости лиц в русском и турецком социуме. В турецком языке на первом месте по параметрическому весу находится слово *er*, обозначающее мужчину вообще, что дает основание говорить о доминирующей роли мужчины в турецком обществе как во времена Османской империи, так и в современной Турции, где мужчина воспринимается и как защитник родины, и как кормилец – глава семьи. Далее соответственно идут слова *ana* – мать, *baba* – отец: родители в турецком обществе обладают непререкаемым авторитетом. Родовое понятие *adam* – человек занимает четвертую позицию. За ним следует слово *dost* – друг, и этот ряд замыкается словом, обозначающим человека с профессиональными умениями *usta* – мастер, умелец. В русском лексическом ядре на первой позиции указан *человек*, затем следует *мать*; высокую активность имеет слово *баба* в традиционно-народном и разговорном понимании. На третьей позиции находится слово *друг* – понятие, чрезвычайно значимое в русской системе ценностей. Далее следует слово *шут* – феномен, представляющий уникальный персонаж русской культуры, который был незаменимым

участником всех публичных мероприятий еще со времен Древней Руси и позднее. И наконец, появляется слово *отец*, что, по всей вероятности, подтверждает роль отца во времена патриархальной России. Лексика английского языка существенно отличается от русского и турецкого языков тем, что в английском ядре отсутствуют понятия родства. Есть общеродовое понятие *man* – человек; далее идут номинации, обозначающие мужчин по социальным и возрастным признакам: *jack* – парень, *boy* – мальчик, и завершает этот ряд слово *double* – двойник.

Блок «Телесные понятия». Телесные понятия выражены соматической лексикой, которая представлена в трех сопоставляемых языках. Наиболее представительной в количественном отношении эта лексика оказалась в турецком языке. В турецком ядре представлены названия многих частей человеческого тела: *baş* – голова, *kol* – рука, *el* – рука, *arka* – спина, *sirt* – спина, *ayak* – нога, *boy* – рост, *kalp* – сердце. Кроме того в числе активных номинаций функционируют названия частей человеческого лица: *kaş* – брови, *yüz* – лицо, *ağız* – рот. Особую подгруппу образует лексика, обозначающая духовно-физические составляющие человека: *can* – душа, *ruh* – душа, дух, *dem* – дыхание, вздох. В английском языке соматическая лексика представляет только словом *head* – голова, а также названиями фрагментов головы: *neck* – шея, *tongue* – язык, *cheek* – щека, *nose* – нос, *beard* – борода, *jaw* – челюсть. В русском языке выделены следующие соматизмы: *лицо*, *рука*, *рожа*, *жила*. Кроме того, в английском и русском языках фигурируют слова *blood* – кровь и *sweat* – пот.

Блок «Экономические понятия». Этот фрагмент является принадлежностью только английской картины мира. В английской лексике представлены следующие экономические понятия: *wealth* – богатство, *store* – запас, резерв, *purse* – кошелек, *fund* – запас, *money* – деньги). Активность данной лексики можно связать с тем, что именно в Англии стали зарождаться капиталистические отношения, начинали разрабатываться новые экономические теории, в недрах которой возникали понятия, связанные с предпринимательством, финансами, обогащением и прочим. Эта семантическая сфера дополняется в английском языке словами, обозначающими единицы совокупного счета: *set* – набор, комплект, *heap* – куча, груда, *load* – груз, *mass* – масса, *pair* – пара. Эти понятия также органически вписываются в указанную сферу, подчеркивая актуальность единиц торгово-экономического характера в условиях рыночных отношений в современном мире.

Блок «Пространственные понятия». В турецком языке пространственная лексика образует отдельную группу: *iç* – внутренняя сторона, *dip* – дно, *sıra* – ряд, *üst* – верх, *alt* – низ, *yan* – боковая сторона, *dış* – внешняя, наружная сторона, *orta* – середина. Наличие этих слов свидетельствует об особой пространственной детерминированности сознания турецкого человека, поскольку предметный мир часто «измеряется» им через пространственные величины. Примечательно, что при этом пространственные координаты предстают в объемном формате, как по вертикали, так и по горизонтали.

Заключение. Итак, цель данного исследования состояла в том, чтобы смоделировать языковые картины мира, опираясь на ядерную лексику трех языков, выявленную методами количественной лингвистики. Главная гипотеза состояла в том, чтобы обосновать, что лексико-семантическая таксономия способствует конструированию фрагментов национальной картины мира. В результате сопоставления лексических картин мира было установлено, что малые параметрические ядра трех (русского, английского и турецкого) языков актуализируют как общие сферы когнитивной интерпретации мира, так и специфические сферы знаний. Совпадение многих фрагментов в лексических картинах мира свидетельствует об общечеловеческих основах жизнедеятельности народов. Тогда как расхождения в полученных картинах связаны с особой ментально-языковой интерпретацией в аспекте внутренней детализации когнитивно-семантических блоков как фрагментов ЯКМ. Эти различия проявляются во взглядах человека на самого себя, на свое естество, в предпочтении видов физической деятельности, в характере оценки окружающего мира, в разной степени актуализации абстрактных понятий и процессов ментальной деятельности, а также в выборе объектов предметного мира и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Воеводская О.М.* Концепция идеографического словаря основного лексического фонда германских языков. Воронеж, 2015.
2. *Григорян А.В.* Критерии выбора лексических единиц лингвосоциокультурного плана // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 27–38.
3. *Джабер М.Х.* Особенности лексической организации вербализованных концептов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 86–92.
4. *Дусенбаев А., Воеводина Н.* Экономическая история России. М., 2010.
5. *Касевич В.Б.* Язык и культура // Филология. Русский язык. Образование: Сб. статей, посвященный юбилею проф. Л.А. Вербицкой. СПб., 2006.
6. *Керсновский А.А.* История Русской армии. М., 2017.

7. *Красных В.В.* Лингвокогнитивные основы воспроизводимости // Вестн. ЦМО МГУ. № 3. Лингвокультурология. М., 2009.
8. *Кретов А.А., Воеводская О.М., Меркулова И.А., Титов В.Т.* Единство Европы по данным лексики. Воронеж, 2016.
9. *Стародубцева Ю.А.* Параметрическое ядро лексики русского языка по данным «словаря русского языка в 4 томах» под ред. А.П. Евгеньевой (2 изд.): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018.
10. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Zamira K. Derbisheva

FROM PARAMETRIC VOCABULARY ANALYSIS TO A LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

*Kyrgyz-Turkish Manas University,
56 Chingiz Aitmatov avenue, Bishkek, 720042*

The paper pursued the aim to model linguistic picture of the world, relying on the frequency of the lexis in the Russian, English, and Turkish languages, established by the proprietary methodology of quantitative analysis of the Voronezh School of Applied Linguistics. The nuclear vocabulary, identified through several linguistic criteria, was included in the smaller parametric kernels and studied in this paper in the context of the linguistic picture of the world. A comparative method was applied to reveal general features and specific differences in the world pictures of the three languages. The result of the analysis found out that the nuclear vocabulary of each language, selected on the basis of linguistic-statistical grounds, provided a definite idea of the basic views of the linguistic community towards the world. The results of comparison of the lexical world pictures revealed that the smaller parametric kernels of the three (Russian, English, and Turkish) languages actualized both general spheres of cognitive interpretation of the world and specific spheres of knowledge. The coincidences of many fragments in the lexical world pictures proved that there were universal fundamentals in the life of the peoples. Whereas discrepancies in the given linguistic world pictures dealt with a specific mental-linguistic interpretation in the aspect of the internal detailing of the cognitive-semantic blocks as the fragments of the linguistic world picture (LWP). The discrepancies originate from the way a person sees himself/herself, his/her nature, his/her preference for particular types of physical activity, the ways how he/she evaluates the environment, the level of how he/she actualizes abstract concepts, and processes of mental activity, as well as the choice of objects of the tangible world, etc. The picture of the world of each language represents a basic model of the world perception of the native speakers of the Russian, English, and Turkish languages.

Key words: parametric analysis; linguistic picture of the world; cognitive linguistics; cognitive and semantic unit; core vocabulary.

About the author: *Zamira K. Derbisheva* – Dr.habil in Philology, Professor of Russian Language and Literature Department, Faculty of Humanities, Kyrgyz-Turkish Manas University (e-mail: zamira.derbisheva@manas.edu.kg).

RERERENCES

1. Grigoryan A.V. 2016. Kriterii vybora lexicheskikh edinic lingvosociokulturnogo plana [Lexical units selection criteria of lingual, social and cultural content]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 27–38. (In Russ.)
2. Dusenbaev A., Voyevodina N. 2010. *Ekonomicheskaya istoria Rossii* [Economic history of Russia]. Moscow. (In Russ.)
3. Dzhaber M.Kh. 2018. Osobennosti lexicheskoy organizatsii verbalizovannykh konceptov [Lexical organization of verbalized concepts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 86–92. (In Russ.)
4. Kasevich V.B. 2006. *Yazyk i kultura* [Language and culture]. In Kasevich V.B. (ed.) *Filologia. Russkiy yazyk. Obrazovaniye* [Philology. Russian language. Education]. St. Petersburg. (In Russ.)
5. Kersnovskiy A.A. 2017. *Istoria Russkoy armii* [History of the Russian army]. Moscow. (In Russ.)
6. Krasnyh V.V. 2009. Lingvokognitivnye osnovy vosproizvodimosti. [Linguocognitive basics of reproducibility]. *Bulletin of the Center for International Education of Moscow State University. Linguoculturology*, no. 3, pp. 54–62. (In Russ.)
7. Kretov A.A., Voyevudskaya A.A., Merkulova O.M., Titov V.T. 2016. *Edinstvo Evropy po dannym leksiki* [European unity according to the lexicon data]. Voronezh. (In Russ.)
8. Starodubceva Yu.A. 2018. *Parametricheskoye yadro leksiki russkogo yazyka po dannym "Slovarya russkogo yazyka v 4 tomah" pod red. A.P. Evgen'yevoy (2 izd):. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Parametric core of Russian lexicon according to the data of "Russian dictionary in 4 volumes" edited by A.P. Evgen'yeva (2 ed.)]. Voronezh. (In Russ.)
9. Voyevudskaya O.M. 2015. *Koncepcia ideograficheskogo slovaria osnovnogo fonda germanskih iazykov* [The concept of the ideographic dictionary of the main lexical fund of the Germanic languages]. Voronezh, Science. (In Russ.)
10. Yakovleva E.S. 1994. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception)]. Moscow. (In Russ.)

А.И. Манченкова, В.В. Робустова

РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Имена собственные реализуют разные языковые функции, начиная от базовых – когнитивной и коммуникативной, и раскрываясь в аффективной, знаковой, идентифицирующей, игровой, оценочной, парольной, прагматической, характеризующей, экспрессивной, апеллятивной, иконической, имплицативной, индексальной, индивидуализирующей. Функциональный репертуар ономастических единиц призван выделить субъекта или объект из ему подобных, дать ему прямую или косвенную характеристику, передать какую-либо информацию и дать оценку. Имена собственные, созданные когда-то автором того или иного произведения, часто используются в других текстах, выступая в качестве аллюзий, тем самым расширяя интерпретирующий потенциал онимов. Встречаются в литературе работы, основанные на уже написанных произведениях и являющиеся их продолжением, например «Ребекка и Ровена» Уильяма Теккерея, где автор дает возможное продолжение романа «Айвенго» Вальтера Скотта. Здесь антропоним репрезентирует уже созданного другим автором героя, и для восприятия романа необходимо знать предысторию. Идет достраивание сюжетной линии и дальнейшее развитие образа. В современной культуре мы часто видим выход личного имени «за его границы», когда со страниц книг оно «прыгает» на экраны кино, на витрины магазинов, этикетки товаров, рекламные билборды и т.д. Имя расширяет свое информативное поле и раздвигает возможность интерпретации его культурно-маркированной и семантической составляющей. Сейчас мы встречаем не только продолжения сюжетных линий или выход имени за рамки исходного контекста, но и смешение пространств различных текстов в одном общем, в рамках которого все персонажи являются аллюзивными, с некоторыми из них происходят определенные трансформации, другие остаются

Робустова Вероника Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: nikarbs@yandex.ru).

Манченкова Анна Игоревна – преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: amanch2011@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

неизменными, но для понимания сюжетной линии таких «лоскутных» произведений необходимо наличие фоновых знаний у реципиента. В таких произведениях имя собственное не только реализует индивидуализирующую, когнитивную, коммуникативную и иные вышперечисленные функции, но и выступает в новой репрезентирующей функции. Ее реализация рассматривается в статье на примере сериала «Однажды в сказке».

Ключевые слова: имя собственное; репрезентирующая функция; художественный кроссовер.

«Само по себе организованное языковое сообщение циркулирует в обществе как относительно самостоятельный репрезентант действительности и как бы перемещается между людьми, выполняя свою функцию общения» [Колшанский, 2017: 7]. В качестве «языкового сообщения» способно выступать имя собственное и репрезентировать определенный объем информации, который необходимо передать реципиенту в процессе коммуникации. Под репрезентирующей функцией оными будем понимать использование имени/названия субъекта/объекта вне исходного контекста его создания, для представления исходного субъекта/объекта, понимая под исходным совокупность вербальных и невербальных характеристик субъекта/объекта, присущих ему в произведении источнике или наиболее распространенной версии источника. В новом произведении используется не только отсылка к образу, но и сам герой, сюжетная линия исходного произведения. Если прибегнуть к использованию известной метафоры айсберга, то можно сказать, что имя является той вершиной, которую видно над водой, все остальное скрыто, мы видим/слышим имя, но за описанием героя и его истории должны обратиться к другому тексту, и это является ключевым аспектом для понимания нового произведения. Подчеркнем, что речь идет не о продолжениях уже написанных произведений, не о реализации аллюзивной функции имени (название магазина морепродуктов «Посейдон»), а о полноценном функционировании известных героев разных произведений в новом пространстве и функции оными, которая при этом реализуется.

Для узнавания образа может служить не только имя, но и яркие атрибуты героя, яблоко для Королевы из сказки «Белоснежка и семь гномов» или красное покрывало для Красной шапочки. Приведем подробный анализ одного из таких произведений, где все герои являются героями других известных работ, они попадают в новую сюжетную линию, и ключом для раскрытия их исходного образа служит имя. Как только герои узнают имена друг друга, мгновенно актуализируется их «первичная» история, раскрывается прошлое, которое является основой для понимания особенностей взаимоотно-

ношений в новом контексте. Уточним, что, несмотря на погружение героев в новый контекст, в большинстве случаев не используется рефрейминг, герой не меняется, ключом к узнаванию является имя. Имя ведет к пониманию персонажа, его истории, интерпретации образа в новом контексте, пониманию замысла произведения.

«Однажды в сказке» (“Once Upon A Time”) – американский сериал, продержавшийся на телеканале Эй-Би-Си семь лет. Несмотря на то что финальный эпизод проекта вышел еще в мае 2018 г., у “Once Upon A Time” до сих пор остается обширный круг фанатов, которые продолжают создавать иллюстрации, видео и рассказы на базе полюбившегося сериала. Сюжет сериала, на первый взгляд, довольно прост: из-за проклятия, наложенного Злой Королевой (Evil Queen), многочисленные сказочные персонажи перемещаются в обыденный мир, где становятся обычными людьми и забывают о том, что когда-то жили в волшебном королевстве, таким образом лишившись своих «...жили они долго и счастливо». Отличительной чертой сериала является великое множество сказочных и литературных героев, которые связаны друг с другом новыми переплетающимися сюжетными линиями.

“Once Upon A Time” нельзя описать без слова «кроссовер». Это понятие возникло в сфере так называемого фанфикшна и, согласно неформальному Urban Dictionary, означает следующее: “a fanfiction in which several fandoms interact with one another”². Тем не менее данный термин справедливо применить для лаконичного объяснения замысла, так как суть сериала заключается именно в объединении нескольких вымышленных вселенных/сказочных миров.

Сюжеты, задействованные в сериале, можно разделить на следующие категории:

1) **сказки и легенды.** «Белоснежка», «Румпельштильцхен», «Рапунцель», «Гензель и Гретель» братьев Гримм, «Красавица и чудовище», «Золушка», «Красная Шапочка», «Спящая красавица» Шарля Перо, «Русалочка» Г.Х. Андерсена. Используются традиционные английские легенды – легенды о короле Артуре, «Робин Гуд» и арабские сказки «Алладин и волшебная лампа»;

2) **литературные произведения.** «Пиноккио» Карло Коллоди, «Питер Пэн и Венди» Джеймса Барри, «Алиса в стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Удивительный волшебник из страны Оз» Лаймена Фрэнка Баума, «Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Роберта Стивенсона и «Сто один далматинец» Доди Смит;

---

² Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Crossover> (accessed: 03.09.2020).

3) *сюжеты, пришедшие из работ студии Дисней*. Данный факт обусловлен тем, что телекомпания Эй-Би-Си является собственностью конгломерата Дисней, и создатели сериала могли беспрепятственно использовать истории, уже переработанные мультипликационной студией и полюбившиеся зрителю: «Принцесса и лягушка», «Мулан», «Холодное сердце», «Храбрая принцесса» и «Геркулес».

Взглянув на вышеупомянутые произведения, можно сделать вывод о том, что “Once Upon A Time” пестрит героями из разных областей искусства и разных уголков мира, что в каком-то смысле является отражением мультикультурности современного общества. Концепция сериала напоминает о тенденции американской культуры, связанной с превращением известных образов других культур в «иконические знаки» американской действительности XX в., а также об использовании кладовой мирового фольклора и литературы для адаптации на «своей территории» и возможности конструировать и продвигать новые смыслы за хорошо известными образами. «Конструкт, именуемый “король Артур”, сыграл далеко не последнюю роль в апологии американского стремления присваивать не только чужие легенды, но и чужую славу; стремления изменить значение мифов, противоречащих “букве” американской демократии; стремления ставить на рельсы коммерции то, что сопряжено с духовной и эстетической жизнью других наций» [Серенков, 2009: 74]. Для понимания проведенных изменений был проанализирован ряд персонажей сериала, которые наилучшим образом демонстрируют возможные механизмы и пути трансформации образов героев, реализации различных функций имен собственных в дискурсе.

Рассмотрим триаду персонажей из основополагающей для данного сериала сказки “Snow White and the Seven Dwarfs”, а именно: Snow White, Evil Queen и Prince Charming. Создатели сериала дополнили и расширили известные каждому ребенку образы, подарив зрителю более сложных персонажей, которые олицетворяют собой популярное в современной массовой культуре мнение, что добро и зло – это относительные, неоднозначные категории. “Once Upon A Time” сохраняет ключевой момент сказки братьев Гримм: ненависть королевы-мачехи к Белоснежке чуть не приводит к гибели девушки и вынуждает ее искать убежище в лесах, где героиня и знакомится с семьей гномами. Однако Белоснежка в сериале – не беззащитный подросток, а молодая женщина, которая не желает смиренно подчиняться судьбе и решает поднять жителей волшебных земель на восстание против Злой Королевы.

Evil Queen превращается в классического антигероя, наделяется трагической предысторией и со временем переходит из отрицательной героини в положительную. Создатели дают Королеве говорящее

имя Regina и рассказывают о ее молодых годах. Согласно сериалу, девушка никогда не мечтала стать королевой и хотела всего лишь жить обычной жизнью и быть счастливой с любимым человеком. Однако по воле случая юная Regina знакомится с маленькой Snow White и привлекает внимание ее отца-короля. Все тот же роковой случай, а именно неосторожность Белоснежки, послужит причиной смерти возлюбленного Реджины – и из этого несчастья родится та самая Злая Королева, чья неприязнь к принцессе станет центром повествования исходной сказки. Сценаристы “Once Upon A Time” делают Реджину «серым» персонажем, которые так популярны в современной массовой культуре. Ее ненависть к Белоснежке получает логическое объяснение, и тот факт, что в глубине души Злая Королева продолжает мечтать о потерянном счастье, позволяет развить ее историю в положительном ключе и подарить ей искупление, кульминацией которого станет провозглашение ее Хорошей Королевой в финале сериала.

На примере Snow White, Prince Charming и Evil Queen мы видим такой механизм трансформации образа, как расширение истории персонажа за счет добавления принципиально новых деталей. Это приближает героев к современным ценностным стандартам и делает их более понятными зрителю. Хорошо знакомые нам с детства застывшие образы словно оживают и начинают жить иной жизнью, лишившись волшебства и оказавшись в реальном мире, где волшебство не действует, герои становятся обычными людьми, такими, как каждый из нас, со своим внутренним миром, проблемами и переживаниями, знакомыми каждому. Принц (David, что означает «любимый»), вовсе не олицетворение всех лучших качеств человечества, а человек, запутавшийся в двух любовных историях одновременно, способный на ложь (но не на предательство), в чем-то проявляющий нерешительность и подвластный страхам. Он – один из многих, а значит, что и каждый из нас, зрителей (реципиентов), может стать принцем. С помощью расширения известных образов персонажи оживают и вовлекают в свою историю зрителя. Отметим, что расширение образа не влияет на восприятие исходного принца из сказки, он остается неизменным, и на его основе можно придумать еще много сюжетов. Сказочные герои репрезентируют в себе универсальные для разных культур ценностные ориентации – если долго к чему-то стремиться и в это верить, то это непременно произойдет, за счастье нужно бороться и его бережно хранить, нужно уметь прощать, и за всякую власть приходится платить (чем-то жертвовать). Имена данных героев становятся репрезентантами ценностных идеалов, транслируемых героями. К основному треу-

гольнику добавляется новая героиня, Эмма – дочь Белоснежки и Прекрасного принца. Ее в сказках нет, но именно она является продуктом американской культуры, и именно она призвана спасти сказочных героев, восстановить и сохранить сказочные миры, защитить их от опасности. В ее образе прослеживается традиционный американский герой – освободитель мира. Эмма не обладает магией, но ей удается преодолеть все препятствия.

Rumpelstiltskin является персонажем одноименной сказки братьев Гримм. В случае с этим героем создатели “Once Upon A Time” решили значительно отойти от исходной истории. Теперь этот герой – не маленький человечек, похожий на проказливого духа, а могущественный маг, которого боятся во всем королевстве. Несмотря на то что в сериале присутствуют и золотые нити, и обещание отдать первенца, это отнюдь не центральная линия повествования для Румпельштильцхена. Весомое отличие от первоисточника – тот факт, что его имя не является ни для кого секретом. Таким образом, исчезают основной конфликт и движущая сила его истории. Но добавляется новый – значение имени для героя, так как зная имя, можно получить не только власть над человеком, но и прочесть его, словно раскрытую книгу. Все сказочные герои забывают, кто они, попав в реальный мир, в город Storybrooke, у них появляются новые имена (Snow White – Mary Margaret, Cinderella – Ashley), которые связаны с их истинными сказочными именами, но герои не узнают друг друга, так как не помнят своих истинных имен. Антропоним играет ключевую роль для построения сюжетной линии сериала и создания образов героев. Уже в первой серии Rumpelstiltskin просит за спасение жизни маленькой принцессы, дочери Белоснежки и Принца, не земли, не деньги, не власть, а ее имя. “Give me her name? What’s her name?”, имя становится высшей ценностью, знание истинного имени дает власть над человеком. Здесь мы видим отголоски традиций имянаречения, существующих во многих культурах, когда человеку давали несколько имен, крестильное и мирское, человек менял имя при вступлении в брак или принимая монашеский сан. Знание антропонимической системы давало ключ к пониманию культурных ценностей и обычаев, знание имени открывало путь к пониманию образа героя, путь к человеку. Именно поэтому имя играет ведущую роль в сериале. У охотника, который должен был убить Snow White, нет имени. Evil Queen спрашивает его “What’s your name?” и, не дослушав, отвечает “You do not need a name. I will call you Huntsman, you will be my toy” и забирает сердце охотника, имя ему не нужно, он игрушка в руках Королевы. При появлении новых героев в сериа-

ле, а это происходит каждую серию, мы стараемся разгадать, кто это, обращаем внимание на атрибуты (шляпы и чай) в случае Шляпника, но ждем появления имени, как в случае Пиноккио, чтобы разгадать его образ и понять взаимоотношения с другими героями. У каждого героя есть своя история, не всегда соответствующая исходной сказке, но сохраняющая ценностный компонент (Пиноккио врал и за это пострадал, то же самое и в сериале), а это позволяет увидеть, что любую сказку можно расширить, додумать, интерпретировать и на ее основе построить новый сюжет.

Такой персонаж, как Red Riding Hood, является примером еще одного механизма трансформации – слияния образов из одной сказки. Маленькая девочка, несущая гостинцы бабушке, и злой серый волк – классическое противостояние невинного добра и коварного зла. “Once Upon A Time” превращает межличностный конфликт во внутриличностный: в сериале Red Riding Hood, она же Rubi, до определенного момента повествования и не догадывается о том, что она и есть тот самый волк, терроризирующий близлежащие деревни. Уже не девочка, а молодая женщина приходит в ужас от осознания того, что она – оборотень с рождения, и лишь красный плащ, сшитый ее бабушкой, помогает ей бороться со зловещим превращением. В случае с Красной Шапочкой сценаристы решили расширить ее историю не вкраплениями из других вселенных (как в случае с Румпельштильцхеном и Чудовищем из “Beauty and the Beast”) и не изобретением чего-то нового (как в случае с Белоснежкой и Принцем), а слиянием уже имеющихся в исходной сказке элементов. Здесь мы видим отсылку к еще одной извечной проблеме – поиску себя и познанию себя самого, проблемы идентичности и самоидентификации.

Такого рода трансформации основаны на механизмах ассоциации и слияния. «Ассоциация состоит в том, что разнородные восприятия, данные одновременно, или одно вслед за другим, не уничтожают взаимно своей самостоятельности ... а оставаясь сами собой, слагаются в одно целое. Слияние ... происходит тогда, когда два различных представления принимаются сознанием за одно и то же» [Потебня, 1993: 91]. Рассмотрев подробно лишь нескольких персонажей, отметим, что для всех героев, оказавшихся в реальном мире, характерно расширение образа (основанное на ассоциации, слиянии или расширении), выход за пределы своей сказки, развитие и познание себя. Расширение образа может происходить на основе как внешних, так и внутренних механизмов трансформации: внешние механизмы – дополнение исходного образа путем вкрапления в образ и его сюжетную линию новых деталей, и внутренние

механизмы – слияние уже существующих образов в одном (персонажи из разных сказок (кроссовер) или персонажи из одной сказки). Механизмы могут иметь как вербальную (имя, манеру речи), так и невербальную форму (наличие определенных атрибутов, стиль одежды).

Возникновение репрезентирующей функции онимов обусловлено традиционными процессами, определяющими языковую динамику. По мнению Г. Фрея, к импульсам языковых изменений относятся: «1) необходимость экономии; 2) необходимость ассимиляции, 3) необходимость краткости; 4) необходимость неизменяемости; 5) необходимость экспрессии» [Цит. по: Серебренников, 1988: 115]. Использование антропонимов в новой функции также объясняется законом экономии (для репрезентации всей сказки используется одно или несколько имен), ассимиляцией (реализация коммуникативной и парольной функций, с помощью которых реципиенты делятся на «своих», которым известно содержание исходных произведений и понятны обновленные образы, и «чужих»), краткостью (одно имя символизирует набор ценностей), неизменяемостью (сказки не меняются столетиями), экспрессивностью (онимы имеют определенную положительную или отрицательную окраску).

Напластование нескольких сюжетов, их переплетение и вкрапление друг в друга построено на современной системе кроссоверов (термин наиболее часто используется в современной литературной традиции) и каверов (термин характерен для музыкального дискурса), которые являются данью современной фан-культуре. Нам, как исследователям-лингвистам, здесь принципиально важно увидеть развитие новой функции у имен собственных, а именно функции репрезентации героя, при которой имя заменяет всю сказку (сюжетную линию). Имя героя не только символизирует какую-либо яркую черту личности, как в аллюзивной функции, оно призвано актуализировать в сознании реципиента исходную сказку целиком, оним служит репрезентантом не одного конкретного образа, а сюжетной линии в целом, за именем стоит не герой, а точнее, не только герой, но все произведение, включающее разных героев и различные сюжетные линии. Данная функция антропонима характерна для постмодернистской традиции, особенно для таких форм, как комиксы, мультипликационные фильмы, аниме и манга, художественные фильмы, компьютерные игры, телесериалы и развлекательные шоу. Таким образом, репрезентирующая функция имен собственных является новой формой расширения семантического потенциала онимов и реализации его в дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Колианский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 2017.
2. *Потебня А.А.* Мысль и язык. Киев, 1993.
3. *Серебrenников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.
4. *Серенков Ю.С.* Король Артур как идея, фольклорный герой и артефакт в массовой культуре США // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 74–82.
5. Онлайн-кинотеатр ivi. URL: https://www.ivi.ru/watch/odnazhdyi_v_skazke (дата обращения: 05.09.2020).

Veronika V. Robustova, Anna I. Manchenkova

REPRESENTATIVE FUNCTION OF PROPER NAMES³

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Proper names serve different linguistic functions, ranging from basic – cognitive and communicative to affective, identifying, evaluative, password, pragmatic, characterizing, expressive, appellative, iconic, implicative, index, individualizing functions, in which they display their full potential. The functional repertoire of onomastic units is aimed at distinguishing a subject or object from similar ones, to give it a direct or indirect characteristic, to convey some information and evaluate. Proper names, once created by the author of a particular work, are often used in other texts, acting as allusions, thereby expanding the interpretive potential of onyms. The anthroponym represents a hero already created by another author, and for the perception of the novel it is necessary to know the prehistory. In modern culture, we often see a personal name going “beyond its borders” when it “jumps” from the pages of books onto movie screens, store windows, product labels, advertising billboards, etc. The name expands its information potential and the possibility of interpreting its culturally marked and semantic component. Now we see not only the continuation of the storylines or the usage of the name outside the original context, but also the mixing of spaces of different texts in one, within which all characters are allusive and to understand the storyline of such “patchwork” works requires a certain background knowledge of the recipient. In such works, the proper name not only realizes the individualizing, cognitive, communicative and other functions listed above, but also appears in a new representative function. This function is analyzed in the article in the series “Once Upon A Time”.

Key words: proper name; representative function; literary crossover.

About the authors: *Veronika V. Robustova* – PhD, Associate Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of

---

³ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: nikarbs@yandex.ru); *Anna I. Manchenkova* – Lecturer, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: amanch2011@mail.ru).

REFERENCES

1. Kolshanskij G.V. 2017. *Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka* [Communicative function and the structure of language]. Moscow, LENAND. (In Russ.)
2. Potebnja A.A. 1993. *Mysl' i jazyk* [Thought and language]. Kiev, SINTO. (In Russ.)
3. Serebrennikov B.A. 1988. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i myshlenie* [The role of a human factor in a language: Language and cognition]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
4. Serenkov Ju.S. 2009. Korol' Artur kak ideja, fol'klornyj geroj i artefakt v massovoj kul'ture SShA [King Arthur as an idea, a folklore hero and an artefact of the US mass culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 74–82. (In Russ.)
5. Online-cinema ivi. URL: https://www.ivy.ru/watch/odnazhdyi_v_skazke (accessed: 05.09.2020).

С.И. Горбачевская, В.А. Леонтьева

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ДЕОНТИЧЕСКОЙ
МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ЖАНРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Деонтическая модальность – это модальность побуждения к действию, к соблюдению определенных законов, требований и норм. Она может быть выражена в форме приказа/ призыва, предписания, инструкции, просьбы, рекомендации, разрешения, убеждения, уговаривания и т.п. Цель исследования – показать, как жанр текста может влиять на выбор эксплицитных и имплицитных средств и способов выражения этого вида модальности в немецком языке, который реализуется во время конкретной дискурсивной практики. Эмпирическим материалом стали научно-популярные, юридические и художественные тексты. Особое внимание здесь было уделено явлению изоморфизма модальных глаголов в качестве маркеров различных ситуаций деонтической модальности. Под изоморфизмом в данном случае понимается однотипность способов выражения модальных оттенков высказывания разными языковыми формами. Благодаря этому свойству немецких модальных глаголов, которые объединяются в одну группу, в первую очередь на основе общности их этимологических корней, один и тот же глагол может быть маркером разных ситуаций деонтической модальности, что показано в статье на примере глагола *können*.

Ключевые слова: деонтическая модальность; жанр текста; эксплицитные и имплицитные средства выражения; лингвистический изоморфизм.

Модальность (от ср. лат. *modalis* – модальный, лат. *modus* – мера, способ) – это языковая универсалия, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности и «субъективной квалификации сообщаемого» [Языкознание, 1998: 112]. С одной стороны, это одно из наиболее устоявшихся, а с другой – наиболее спорных понятий современной лингвистики [Зеленецкий, Новожилова, 2003: 73]. В современных лингвистических исследованиях

Горбачевская Светлана Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: sgaeiou@yandex.ru).

Леонтьева Варвара Андреевна – аспирант, преподаватель кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: varvara.leonteva.94@mail.ru).

модальность рассматривается не только как универсальная «общетекстовая» [Гетьман, Архипович, 2006: 35; Солганик, 2010: 75], но и как текстообразующая категория, которая формирует «концептуальную структуру текста» [Романова, 2004: 7].

С точки зрения прагматики средства выражения модальности текста, в особенности субъективной модальности, ситуативно обусловлены контекстом и динамично развиваются вместе с развитием языка. Поскольку категория модальности тесно связана с человеческим фактором, она «должна быть особенно чувствительна к тем изменениям, которые происходят в человеке, в его исторически меняющемся сознании» [Милосердова, 1991: 35]. Исходя из относительного и переменного характера модальности «в изменяющихся условиях коммуникации» [Рогожникова, 2006: 16], исследование ее коммуникативно-прагматических и социопсихологических аспектов является непреходяще актуальным. Языковые средства реализации этой категории, присутствующие на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, текстовом, – становятся все дифференцированнее.

Деонтическая (побудительная) модальность – это модальность побуждения к действию в широком смысле этого слова, в том числе и к соблюдению определенных законов, требований, норм и т.д. Она может быть выражена в форме **приказа** или **призыва** (императив), **предписания** (как что-то должно быть), **инструкции** (что следует делать в данной ситуации, как обращаться с прибором и т.д.), **просьбы** (например, в виде вопроса: не поможете...?), **рекомендации** (часто в сослагательном наклонении), **разрешения** (разрешаю – не разрешаю – ты можешь, имеешь право, возможность), **уговаривания** (если купите, не прогадаете) и т.п. В последнем случае можно говорить о персуазивности (стратегии **убеждения**) как особом виде деонтической модальности. «Персуазивная стратегия направлена на изменение посткоммуникативного поведения реципиента в ситуации свободного принятия им решения о необходимости/ желательности/ возможности совершения иницилируемых адресантом действий» [Голоднов, 2011: 5–6].

В рамках функционально-семантического поля деонтической модальности есть и эксплицитные, и имплицитные языковые средства выражения. Они реализуются во время конкретной дискурсивной практики, т.е. как текст в «событийном аспекте» (по определению Н.Д. Арутюновой), и связаны с социальной ролью и языковой компетенцией языковой личности. К эксплицитным маркерам в немецком языке можно отнести, например, глаголы (*nicht*) *müssen*, (*nicht*) *können*, (*nicht*) *empfehlen*, конструкции *haben/ sein + zu + Infinitiv* и т.д. Они очевидны. Имплицитные, неочевидные средства выражения

деонтической модальности – это целый ряд модифицирующих глаголов с имплицитной желательностью или возможностью выполнения действия, семантика которых проявляется в контексте (*wünschen, suchen, betteln, brauchen, träumen, gelingen, wagen, fürchten, sich vorstellen, warten, bekommen* и др.). Кроме того, эту функцию в соответствующем контексте могут выполнять конструкции условных предложений, косвенные речевые акты, интонация, коннотации, аллюзии, речевые клише (*Mach's gut!*) и др.

Естественно, как и все виды модальности, деонтическая модальность представлена как в устных, так и в письменных речевых жанрах. Для нашего исследования мы взяли научно-популярный текстовый материал экономических журналов, юридические тексты конституции и договора и тексты художественной литературы, т.е. письменные жанры. В каждом виде текстов мы определили доминирующие ситуации, которые мы расположили по принципу убывания иллюкуции (силы воздействия): приказ/призыв, предписание, просьба, рекомендация, разрешение, уговаривание/убеждение.

1. Научно-популярные публицистические тексты

Особенность этих текстов – информативность и присутствие научных терминов, но также и использование образных средств языка, идиоматики, речевых оборотов, характерных для эссе. Чаше всего здесь встречаются коммуникативно-прагматические ситуации **предписания, рекомендации и убеждения**. Эксплицитными маркерами ситуации **предписания** являются в первую очередь модальные глаголы *müssen* и *können*, например: (1) *Wir müssen uns immer wieder neu beweisen* (НВ, 11). Кроме того, следует отметить частое использование конструкций *haben + zu + Infinitiv* и *sein + zu + Infinitiv*. Имплицитно предписание часто выражается конструкцией будущего времени *Futur I* с семантикой модальности возможности, например: (2) *...gewinnen wird, wer Patente hält, Innovationen entwickelt und die besten Arbeitnehmer anzieht* (НВ, 11).

Эксплицитные средства выражения **рекомендации** – это а) устойчивая конструкция *Es gilt, ... + zu + Inf.*, например: (3) *Es gilt, Hindernisse abzubauen, die Ihre Kommunikation mit dem Team hemmen* (НВ, 14); б) *sollen* в форме конъюнктива; в) потенциальный конъюнктив; г) декларативные конструкции в функции директивов, например: (4) *Wer Macht ausüben will, braucht zunächst die Bereitschaft, Verantwortung zu übernehmen, dazu Glaubwürdigkeit, Überzeugungskraft, Charisma, Erfahrung und überlegenes Wissen...* (НВ, 30)

К имплицитным средствам выражения рекомендации относятся: а) конструкция *Wenn ..., dann + конъюнктив*; б) глагол *bekommen* с *zu + Inf.* с модифицирующей семантикой побуждения, например:

(5) Aber wer länger aussteigen will, *bekommt es* weiter mit alten verkru-
steten Machtstrukturen *zu tun* (НВ, 18).

В ситуации **уговаривания/убеждения** важную роль играют социопсихологические аспекты коммуникации. Эксплицитные средства выражения персуазивности в научно-популярных публицистических текстах – это, как правило, авторитет автора текста или инстанции, которую он представляет, или ссылки на авторитеты и результаты опроса общественного мнения, оформленные в виде констатации фактов, часто в функции директивов: Будьте как мы, и у вас будет такой же авторитет и успех. Ядро этих предложений составляют глаголы *müssen* и *können*, например: (6) ... wer einen völlig neuen Zugang zum Immobilieninvestment sucht, *kann sich* mit kleinen Beträgen an Crowdfunding probieren (G, 25). К имплицитным маркерам относятся: риторический вопрос и обороты стратегии уговаривания, например: (7) An diesen zwei Tagen wird dort das Feinste vom Feinen *für alle* geboten, *die mehr aus ihrem Geld machen wollen* (G, 5).

2. Юридические тексты

Тексты юридических документов регулируют отношения между субъектами права в рамках системы установленных государством общеобязательных социальных, политических, экономических и культурных норм, и закрепляют их права и обязанности. Юридический текст выполняет и информативные, и предписывающие функции. Передача информации здесь идет через юридические термины и устойчивые синтаксические структуры – точные, краткие, нейтральные клише. Для этих текстов свойственна тавтология как маркер юридической однозначности. Мы взяли для анализа текст международного соглашения между Россией и Германией (А) и законодательный акт – текст конституции ФРГ (GG). Характерной чертой законодательных актов является категоричность, включающая в себя семантическое поле «имею/ не имею право, обязан/ не обязан». Соответственно, здесь должны использоваться только однозначно трактуемые языковые средства [Томсон, 2015: 329–330], т.е. **только эксплицитные маркеры** деонтической модальности. Чаще всего они встречаются в ситуации **предписания** и ситуации **разрешения**, в которых доминируют общепринятые устойчивые речевые клише, например, *vom Wunsch geleitet, ...; ...ist Verpflichtung* в ситуации **предписания**. Интересно отметить, что глагол *müssen* в этой ситуации присутствует в минимальном количестве, а чаще всего используется глагол *gelten*: (8) Dieses Abkommen *gilt* für Personen, die in einem Vertragsstaat oder in beiden Vertragsstaaten ansässig sind (А).

В ситуации **разрешения** инвентарь используемых языковых средств шире. Это условные предложения, конструкции с оборотами: *verboten/ (un)zulässig/ unverletzlich sein, gewährleistet/ entschieden werden, bedürfen, sein + zu + Infinitiv, können, dürfen* и др., например: (9) Niemand darf wegen seines Geschlechtes, seiner Abstammung, seiner Rasse, seiner Sprache, seiner Heimat und Herkunft, seines Glaubens, seiner religiösen oder politischen Anschauungen benachteiligt oder bevorzugt werden (GG).

3. Тексты художественной литературы

Основная особенность художественного текста – это его эстетическая функция, экспрессивность, образность и метафоричность. Это так называемый фиктивный гибридный текст, который при помощи самых разнообразных средств воспроизводит замысел автора и отражает его идиостиль. В нем присутствуют все ситуации деонтической модальности (приказ/призыв, предписание, просьба, рекомендация, разрешение, уговаривание/ убеждение). Особое внимание хотелось бы обратить на использование в художественных текстах модальных глаголов и их изоморфизм в качестве маркеров модальных ситуаций.

Как известно, изоморфизм как термин был заимствован языкознанием из естественных наук [Аракин, 2005: 23] и используется в переводоведении и сравнительной типологии языков [Ахманова, 2004: 473]. Мы рассматриваем изоморфизм в лингвистике как понятие, отражающее явление контекстно обусловленной идентичности словоформ, т.е. как передачу одного и того же значения разными формами. Под изоморфизмом модальных глаголов в данном случае понимается однотипность способов выражения модальных оттенков высказывания разными глагольными формами. Феномен изоморфизма немецких модальных глаголов базируется на их этимологической общности, поскольку изначально они были знаменательными словами и имели общее значение «душевного состояния» в широком смысле и синонимичные признаки [Жирмунский, 1976: 58–59]. Особый интерес представляют случаи появления в модальном контексте глаголов с противоположной имманентной семантикой, например, *können* для выражения модальности побуждения в тех ситуациях, где обычно ставится глагол *müssen*.

Рассмотрим несколько типичных примеров¹.

(9) Das *kannst* du doch nicht machen! Nimm mal an, die gehen los und finden unsere Momo wirklich. – *Этого делать нельзя!* Представь,

---

¹ Примеры взяты из параллельных текстов Национального корпуса русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/new/search-para-de.html> (accessed: 20.10.2020).

что полиция ее найдет. Michael Ende. Момо (1973) | Михаэль Энде. Момо (Ю.И. Коринец, 1982).

Из контекста примера (9) очевидно, что глагол *können* здесь имеет модальное значение **призыва**, которое обычно выражается глаголом *müssen*. Типичной в данном случае является восклицательная конструкция с усилительной частицей *doch* [Горбачевская, 2005: 24].

В ситуации **предписания/инструкции/правила** глагол *können* берет на себя функции глагола *sollen*, как мы видим на примере (10): сложное положение, в котором оказался герой романа, «предписывает» ему держать себя в руках и соблюдать тишину. Это очень хорошо почувствовал и описательно эксплицировал переводчик:

(10) Juchzen *konnte* ich in meiner bangen Lage nicht, aber das Herz jodelte und lärmte mir vor Lust, als ich vorsichtig die zähen Zweige durchschnitt und die Beute in den Händen hielt. – *Для ликующих воплей положение мое было, пожалуй, слишком опасным*, но сердце мое разливалось йодлерами и плясало от радости, когда я, осторожно срезав жесткие стебли, держал в руках свою добычу. Hermann Hesse. Peter Camenzind (1904) | Герман Гессе. Петер Каменцинд (Р. Эйвадис, 1995).

В следующем примере (11) с помощью глагола *können* одному из героев дается **инструкция**: как выбраться с места действия, чтобы не встретиться с одной особой. Таким образом, *können* в данном контексте берет на себя функции глагола *sollen*:

(11) “Verdammt!” sagt Brüggemann. “Wie komme ich hier raus? Ist dies eine Sackgasse?” “Zum Glück nein”, erwidere ich. “Sie können hinten herum durch die Gärten zur Bleibtreustraße entkommen”. – Черт побери! – говорит Брюггеман. – Как же мне отсюда выбраться? У вас тут тупик? – К счастью, нет, – отвечаю я. – Вы *можете* уйти садами, через Блейбтройштрассе. Erich Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956) | Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск (В. Станевич, 1961).

В речевой формуле **просьбы** в виде вопроса глагол *können* является еще и маркером вежливости:

(12) “*Kann* ich den Herrn Direktor sprechen?” fragte eine Kinderstimme. – Могу я поговорить с господином директором? – спросил детский голос. Erich Kästner. Pünktchen und Anton (1931) | Эрих Кестнер. Кнопка и Антон (Е. Вильмонт, 2001).

В ситуации **уговаривания/убеждения** *können* употребляется часто в клишированных фразах и оборотах в сочетании с глаголами речевых или мыслительных действий: *могу* поклясться, *можете поверить* и т.п., смягчая, таким образом, скрытый императив. Например:

(13) Gott ist viel barmherziger als die Priester, das *können* Sie mir glauben. – Бог гораздо милосерднее священника, *поверьте* мне. Erich

Maria Remarque. Der schwarze Obelisk (1956) | Эрих Мария Ремарк. Черный обелиск (В. Станевич, 1961). Русский перевод здесь эксплицитно выражает эту иллюкуцию.

Подводя итог, можно сказать, что научно-популярные статьи и учебная литература, т.е. тексты информативного типа требуют соблюдения общепринятых нейтральных норм в использовании конкретных маркеров деонтической модальности. Для текстов юридических договоров – текстов оперативного типа – характерно наличие уже устоявшейся лексики и структур и стремление к их максимальной контекстной однозначности. Наибольшее разнообразие способов выражения побуждения к действию наблюдается в текстах художественной литературы – текстах экспрессивного типа – с индивидуальным стилем и отходом от усредненных норм. В художественном дискурсе наблюдается изоморфизм модальных глаголов в качестве иллюкутивных маркеров различных ситуаций деонтической модальности. Системный характер данного явления мы связываем с этимологией этой группы глаголов, передававших исконно разные оттенки душевного состояния человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. 3-е изд. М., 2005.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотип. М., 2004.
3. Гетьман З.А., Архипович Т.П. Модальность как общетекстовая категория // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 2. С. 34–48.
4. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом медиадискурсе (на материале немецкого языка): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2011.
5. Горбачевская С.И. Немецкие модальные частицы как иллюкутивные индикаторы (опыт сравнительно-сопоставительного анализа) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 1. С. 21–30.
6. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание. Л., 1976.
7. Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания. М., 2003.
8. Милосердова Е.В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). Воронеж, 1991.
9. Рогожников И.Н. Семантическая структура немецких модальных глаголов в составе директивных речевых актов: Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
10. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
11. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса: Монография. М.: Флинта; Наука, 2010.
12. Томсон Г.В. Юрислингвистика. Модальное поле нормативных актов [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Современные исследования

социальных проблем». 2015. № 2. С. 326–338. URL: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/5413> (дата обращения: 20.11.2019).

13. Языкознание. БСЭ. М., 1998.

ИСТОЧНИКИ

- A** – Abkommen zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Russischen Föderation zur Vermeidung der Doppelbesteuerung auf dem Gebiet der Steuern vom Einkommen und vom Vermögen. URL: <https://germania.diplo.de/blob/1238758/7bdb0f47ea3b7b881ecd14df70334385/1996-abkommen-doppelbesteuerung-data.pdf>
- G** – Gewinn. Das Wirtschaftsmagazin für Ihren persönlichen Vorteil. Oktober 2017
- GG** – Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/aufgaben/rechtsgrundlagen/grundgesetz>
- HB** – Harvard Business manager, deutsche Ausgabe/ spezial. Hamburg, 2019. URL: <http://ruscorporara.ru/new/search-para-de.html>

Svetlana I. Gorbacevskaja, Varvara A. Leonteva

WAYS OF EXPRESSING DEONTIC MODALITY IN TEXTS OF DIFFERENT GENRES (BASED ON THE GERMAN LANGUAGE MATERIALS)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Deontic modality is a modality of motivation for action, for compliance with certain laws, requirements and norms. It can be expressed in the form of an order / appeal, prescription, instruction, request, recommendation, permission, persuasion, reasoning, etc. The aim of the study is to show how the genre of the text can influence the choice of explicit and implicit means and ways of expressing this type of modality in the German language, which is realized during a specific discursive practice. Popular science, legal and literary texts became our empirical material. Particular attention was paid here to the phenomenon of isomorphism of modal verbs as markers of various situations of deontic modality. Isomorphism in this case is understood as the uniformity of the ways of expressing modal shades of an utterance in different linguistic forms. Due to this characteristic of German modal verbs, which are combined into one group, primarily based on the commonality of their etymological roots, the same verb can be a marker of different situations of deontic modality, which the article shows in the use of the verb *können* as an example.

Key words: deontic modality; genre of text; explicit and implicit means of expression; linguistic isomorphism.

About the authors: *Svetlana I. Gorbacevskaja* – PhD, Associate Professor at Department of German language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gorbacevskaja@mail.ru); *Varvara A. Leonteva* – PhD student, Lecturer at Department of German language and culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: varvara.leonteva.94@mail.ru).

REFERENCES

1. Arakin V.D. 2005. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov: Ucheb. posobiye. 3-e izd.* [Comparative typology of English and Russian languages: Text-book. allowance. 3rd ed.] Moscow, FIZMATLIT. (In Russ.)
2. Akhmanova O.S. 2004. *Slovar lingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e. stereotipnoye* [Dictionary of linguistic terms. 2nd edn, stereotyped]. Moscow, Editorial URSS. (In Russ.)
3. Getman Z.A., Arkhipovich T.P. 2006. Modalnost kak obshchetekstovaya kategoriya [Modality as a general text category]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 34–48. (In Russ.)
4. Golodnov A.V. 2011. *Persuazivnost kak universal'naya strategiya tekstoobrazovaniya v ritoricheskom mediadiskurse (na materiale nemetskogo yazyka)* [Persuasiveness as a universal strategy for text formation in rhetorical media discourse (based on the material of the German language)]. Abstract of dissertation ... Dr. philol.. Specialty: 10.02.04, Germanic languages, St. Petersburg. (In Russ.)
5. Gorbachevskaya S.I. 2005. Nemetskiye modalnyye chastitsy kak illokutivnyye indikatory (opyt sravnitel'no-sopostavitelnogo analiza) [German modal particles as illocutionary indicators (the experience of comparative analysis)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 21–30. (In Russ.)
6. Zhirmunsky V.M. 1976. *Obshcheye i germanskoye yazykoznaniye* [General and Germanic linguistics]. Leningrad, Nauka. (In Russ.)
7. Zelenetsky A.L., Novozhilova O.V. 2003. *Teoriya nemetskogo yazykoznaniya* [The theory of German linguistics]. Moscow, Academy. (In Russ.)
8. Miloserdova E.V. 1991. *Semantika i pragmatika modalnosti (na materiale prostogo predlozheniya sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Semantics and pragmatics of modality (based on a simple sentence of the modern German language)]. Voronezh, Voronezh State University Publishing House. (In Russ.)
9. Rogozhnikova I.N. 2006. *Semanticheskaya struktura nemetskikh modalnykh glagolov v sostave direktivnykh rechevykh aktov* [Semantic structure of German modal verbs in directive speech acts]. Diss. ... Cand. philol. sciences. Specialty: 10.02.04 Germanic languages, Volgograd, 2006. (In Russ.)
10. Romanova T.V. 2004. *Modalnost kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v sovremennoy memuar'noy literature* [Modality as a text-forming category in modern memoir literature]. Diss. ... Dr. philol. Specialty: 10.02.01 Russian language, St. Petersburg. (In Russ.)
11. Solganik G.Ya. 2010. *Ocherki modal'nogo sintaksisa: monografiya* [Essays on modal syntax: monograph]. Moscow, Flinta: Science. (In Russ.)
12. Thomson G.V. 2015. *Yurislingvistika. Modalnoye pole normativnykh aktov* [Legal linguistics. Modal field of regulations]. *Electronic scientific journal "Contemporary Studies of Social Problems"*, no. 2, pp. 326–338. URL: <http://journals.org/index.php/sisp/article/view/5413> (accessed: 20.10.2020). (In Russ.)
13. Yazykoznaniye. 1998. BSE. [Linguistics. BSE]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. (In Russ.)

SOURCES

- A – Agreement between the Federal Republic of Germany and the Russian Federation for the avoidance of double taxation in the field of taxes on income and property. URL: <https://germania.diplo.de/blob/1238758/7bdb0f47ea3b7b881ecd14df70334385/1996-abkommen-doppelbestattung-data.pdf> (accessed: 20.10.2020).
- G – Gewinn. The business magazine for your personal benefit. October 2017.
- GG – Basic Law for the Federal Republic of Germany. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/verbindungen/rechtsgrundlagen/grundgesetz> (accessed: 20.10.2020).
- HB – Harvard Business manager, German edition / special. Hamburg, 2019. URL: <http://ruscorporu.ru/new/search-para-de.html> (accessed: 20.10.2020).

М.А. Давыдова

**РОЛЬ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ
КОНЦЕПТОСФЕРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕДВОЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ У. ЧЕРЧИЛЛЯ)¹**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В фокусе настоящей статьи – исследование роли когнитивной метафоры в создании индивидуальной концептосферы У. Черчилля на материале предвоенного дискурса политика. Метафора является одним из наиболее сильных и частотных средств воздействия на аудиторию, используемых политическими лидерами. Она выполняет разные функции в политической коммуникации, основной из которых является когнитивная, заключающаяся в описании нечего нового, сложного и/или абстрактного посредством более простых и конкретных образов. Через призму когнитивного подхода анализу подвергаются не только собственно метафоры, включая развернутую метафору, но и метафорические эпитеты, перифразы и др. Отдельное внимание уделяется рассмотрению сферы-источника (домен-источник, донор) и сферы-мишени (домен-цель, магнит) метафорической экспансии в дискурсе У. Черчилля. Автором анализируются некоторые из восьми ключевых концептов, эксплицируемых когнитивной метафорой, которые были выделены в результате сплошной выборки из предвоенных выступлений политического деятеля. В заключение делается вывод о ключевой роли когнитивной метафоры в моделировании индивидуальной концептосферы. Рассмотрению эмпирического материала предшествует обзор фундаментальных исследований, посвященных теории концептуальной метафоры, концепту и концептосфере как ключевым понятиям когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная метафора; индивидуальная концептосфера; когнитивный подход; когнитивная функция; сфера-источник; сфера-мишень; концепт; концептуализация.

Многие современные исследования метафоры базируются на определении метафоры, предложенном Аристотелем, в трудах ко-

---

Давыдова Мария Александровна – аспирант кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mdav95@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

того данный феномен осмысляется как скрытое сравнение на основе принципа аналогии, представляющее собой определенный литературный прием, выполняющий в тексте эстетическую функцию [Аристотель, 1976]. Будучи сложным комплексным явлением, метафора изучается в рамках разных направлений и подходов лингвистической науки [см.: Арутюнова, 1990; Лагута, 2003; Скляревская, 1993]. В соответствии со спецификой настоящей работы нас интересует когнитивный подход к исследованию природы метафоры, отраженный в трудах отечественных и зарубежных исследователей (А.Н. Баранов, 1990; 1994; Е.С. Кубрякова, 1996; Г.Г. Молчанова, 2007, 2019; А.П. Чудинов, 2001, 2006, 2013, 2016; Э.В. Будаев, 2006, 2008, 2011; Lakoff, G., & Johnson, M., 1980; Earl R. MacCormac, 1990 и др.). Согласно Е.С. Кубряковой, когнитивная метафора представляет собой «одну из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания»². Как подчеркивает профессор Г.Г. Молчанова, «когнитивная концептуальная метафора обладает большой силой воздействия в силу ряда факторов: она упрощает, делает более доступными для понимания абстрактные и сложные процессы, она опирается на символическую систему, скрытую в сознании человека, в ней соединено рациональное и идеальное, логическое и эмоциональное» [Молчанова, 2007: 565]. В вышеперечисленных определениях емко сформулирована когнитивная функция метафоры, заключающаяся в конструировании нового знания и описании нечто сложного и/или абстрактного посредством обращения к более простым и конкретным образам и явлениям действительности.

Помимо когнитивной метафоры, другими ключевыми терминами когнитивной лингвистики, используемыми в настоящей статье, являются «концепт» и «концептосфера». Впервые введенный в отечественный научный оборот в 1928 г. С.А. Аскольдовым-Алексеевым, концепт получил последовательное развитие в трудах ряда отечественных исследователей (Д.С. Лихачев, 1977, 1993; С.Х. Ляпин, 1977; Е.С. Кубрякова, 1988; Ю.С. Степанов, 1997; И.А. Стернин, З.Д. Попова, 2001, 2007; Г.Г. Молчанова, 2000, 2008, 2010, 2011, 2012, 2014, 2015; В.В. Красных, 2003; В.И. Карасик, 2004; А.А. Залевская, 2001; С.Г. Воркачев, 2004; М.В. Пименова, 2004 и др.). Согласно Е.С. Кубряковой: «Концепт – это оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей

---

² Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

картины мира <...>» [Кубрякова, 1996: 90]. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления и речемыслительной деятельности <...>» [Болдырев, 2014: 39]. В данной статье рассматривается когнитивная метафора как инструмент экспликации концептов в составе индивидуальной концептосферы. В качестве рабочего определения концептосферы мы используем дефиницию, предложенную Д.С. Лихачевым, который впервые ввел в научный оборот рассматриваемый термин: «В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом», мы можем назвать концептосферами» [Лихачев, 1992: 153]. Наряду с концептосферой, некоторыми исследователями используются такие понятия, как «когнитивное пространство» (индивидуальное когнитивное пространство и коллективное когнитивное пространство), а также «когнитивная база» для характеристики структурированной совокупности знаний и культурноспецифичных представлений, носителями которых является определенный социум, между которыми, однако, не всегда возможно провести четкое разграничение [Стернин, 2007: цит. по: В.В. Красных, 2003: 61]. В настоящей работе рассматривается индивидуальная концептосфера как часть концептосферы национального языка и национальной культуры.

Специфика функционирования метафор в дискурсе У. Черчилля не раз становилась объектом изучения как отечественных, так и зарубежных исследователей, в фокусе внимания которых были разные аспекты рассматриваемого когнитивного и лингвистического явления (Т.Н. Зубакина, 2014; Ю.А. Кричун, 2014; М. Осборн, 1967; У. Риккерт, 1977; И. Носек, 1994). В связи с этим подчеркнем, что отличие нашей работы состоит в том, что анализ концептуальной метафоры проводится на материале такого жанра, как публичные выступления У. Черчилля, при этом анализу подвергаются различные типы метафор, не ограниченные какой-либо отдельной сферой метафорической экспансии. Более того, следует отметить, что в основе предпринятого исследования лежит когнитивный подход.

Итак, анализ сплошной выборки примеров когнитивной метафоры, содержащихся в предвоенных речах У. Черчилля за период 1938–1939 гг., позволил выделить восемь доминантных концептов: 1) концепт *ЖЕРТВА*; 2) концепт *ВРАГ*; 3) концепт *КАТАСТРОФА / ТРАГЕДИЯ*; 4) концепт *ВЕЛИКОБРИТАНИЯ*; 5) концепт *СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА*; 6) концепт *СОЖАЛЕНИЕ/ДОСАДА*; 7) концепт *ОБОРОНОСПОСОБНОСТЬ*; 8) концепт *НАДЕЖДА/ОПТИМИЗМ*.

Ввиду ограничений по объему текста рукописи мы рассмотрим только первые четыре из упомянутых выше концептов, эксплицируемых когнитивной метафорой. Примеры когнитивной метафоры были извлечены из следующих сборников³.

1. Концепт *ЖЕРТВА*

Когнитивные метафоры, эксплицирующие данный концепт в рассматриваемый период, содержательно связаны с экспансионистскими действиями Германии по захвату территорий ряда государств, среди которых Чехословакия, Австрия и Эфиопская империя. Так, Австрия предстает в образе пленного, обращенного в рабство: “Austria **has been laid in thrall**, and we do not know whether Czechoslovakia will not suffer a similar attack”. В другом фрагменте мы видим Австрию немощной, обессилившей, в результате чего она пала под ударом врага, который повалил ее с ног: “The public mind has been concentrated upon the moral and sentimental aspects of the Nazi conquest of Austria – **a small country brutally struck down**, its Government **scattered to the winds**”. Устойчивая единица “scattered to the winds” подчеркивает молниеносность, стремительность, силу и последствия удара, нанесенного со стороны Германии; адвербиальная единица “brutally” дополняет фразовый глагол “to strike down”, указывая на жестокость действий противника. Другие отобранные нами примеры содержат указания на критическое положение Чехословакии, также подвергшейся нападению со стороны Германии: “**She can be convulsed politically, she can be strangled economically**, she is practically surrounded by superior forces, and, unless something is done to mitigate **the pressure of circumstances**, she will be forced to make continuous surrenders, far beyond the bounds of what any impartial tribunal would consider just or right, until “finally **her sovereignty, her independence, her integrity, have been destroyed** <...>” / “Do not let anyone suppose that this is a mere question of hardening one’s heart and keeping a stiff upper lip, and standing by **to see Czechoslovakia poleaxed or tortured** as Austria has been <...>”. Как явствует из примеров, для описания бедственного состояния Чехословакии У. Черчилль прибегает к использованию лексем, обозначающих физические страдания (“to convulse”), а также насильственные действия с применением физической силы (“to strangle”, “to poleaxe”, “to torture”). В представленном примере используется когнитивная метафора персонификации, на что также косвенно указывает употребление

---

³ Churchill W. Arms and the Covenant. N.Y., 2013; Churchill W. Into Battle. N.Y., 2013.

личного местоимения “she” в 3-м лице ед. ч. для обозначения страны, что позволяет изобразить Чехословакию как живое существо, как человека, испытывающего страдания, причиненные жестокими действиями со стороны обидчика. Критическая ситуация также описывается с помощью когнитивной метафоры со сферой-источником «строительство» (“her sovereignty, her independence ... have been destroyed”), позволяющей представить суверенитет и независимость страны как здание, которое можно не только построить, но и разрушить. Катастрофические последствия нападения Германии на Чехословакию описываются также посредством цепочки метафорических эпитетов, а также архетипичной метафоры, что иллюстрирует следующий текстовый фрагмент: “**Silent, mournful, abandoned, broken, Czechoslovakia recedes into the darkness. She has suffered in every aspect by her association with the Western democracies and with the league of Nations, of which she has always been an obedient servant** <...>”

2. Концепт *ВРАГ*

Когнитивные метафоры, вербализующие данный концепт, содержат указания на жестокие действия Германии по отношению к ряду стран. Анализ практического материала позволил выявить ряд концептуальных признаков, или компонентов рассматриваемого концепта [Болдырев, 2014]. Итак, среди концептуальных признаков нами были выделены следующие: 1) ненасытность, жадность; 2) тиран, диктатор; 3) тот, кто попирает многовековые устои и несет угрозу мировой цивилизации; 4) опасность. Рассмотрим подробнее каждый из вышеупомянутых концептуальных признаков. Итак, с целью показать ненасытность, жадность и жажду завоеваний со стороны Германии, демонстрирующей с каждым годом все более экспансионистский настрой, У. Черчилль нередко апеллирует к *концептуальной метафоре со сферой-источником «пища», «еда»*: “I know nothing to convince me that if the evil forces now at work are suffered to **feed upon** their successes an upon their victims our task will be easier when finally we are all united” / “The might behind the German Dictator increases daily. **His appetite may grow with eating**”. Гитлеровская Германия предстает в образе ненасытного хищника, безжалостно поглощающего свою добычу; однако, утолив голод, хищник ненадолго успокаивается и начинает переваривать пищу, что на время приносит некоторое успокоение будущим потенциальным жертвам: “Very likely this immediate crisis will pass, **will dissipate itself and calm down. After a boa constrictor has devoured its prey**

it often has a considerable digestive spell". Гитлер изображается безжалостным диктатором, тираном, который рождает хаос и разрушения: "In the second place, the **dictator Powers** of Europe are **striding on from strength to strength and from stroke to stroke**, and the Parliamentary democracies are **retreating abashed and confused**". Наконец глава фашистской Германии предстает в образе дикаря, кому чужды понятия святого, непреходящих ценностей цивилизованного мира, что иллюстрируется следующей развернутой концептуальной метафорой: "<...> the Nazi power, that power **spurns Christian ethics**, which **cheers its onward course by a barbarous paganism**, which **vaunts the spirit of aggression and conquest**, which **derives strength and perverted pleasure from persecution**, and uses, as we have seen, with **pitiless brutality the threat of murderous force**". Несомненно, враг несет опасность, что находит отражение в следующих примерах концептуальных метафор: "Europe is confronted with a **programme of aggression, nicely calculated and timed, unfolding stage by stage** <...>" В данном примере исходящая от Германии агрессия как нечто неосозаемое приобретает, однако, материальное воплощение и сравнивается с заранее запланированной и просчитанной программой. Возрастающая мощь врага описывается посредством метафорического эпитета: "Where shall we be two years hence, for instance <...> when all the small nations will have fled from Geneva to pay homage to the **ever-waxing power** of the Nazi system <...>?"

3. Концепт КАТАСТРОФА / ТРАГЕДИЯ

Предупреждая о трагических последствиях нападения Германии, У. Черчилль прибегает к использованию когнитивной метафоры со сферой-источником «природа» (*природоморфная метафора* в терминологии А.П. Чудинова, 2001), таким образом сравнивая катастрофические последствия вражеской агрессии с негативным воздействием природной мощи или опасностями, которые таит в себе ландшафт нетронутой дикой природы: "How many friends would be alienated, how many potential allies should we see go, one by one, **down the grisly gulf**, how many times would bluff succeed, until behind bluff ever-gathering forces had accumulated reality?" / Why should we delay until we are confronted with a general **landslide** of those small countries passing over, because they have no other choice, to the overwhelming power of the Nazi régime?" / "Why **be edged and pushed farther down the slope** in a disorderly expostulating crowd of embarrassed States?" Помимо выделенных примеров концептуальной природоморфной метафоры, в представленных фрагментах текста содержатся и дру-

гие метафорические словоупотребления, включая метафорические эпитеты, описывающие разрушительную силу и мощь гитлеровской Германии (“**overwhelming power**”), а также смятение и страх, в котором пребывают пострадавшие страны (“**disorderly expostulating crowd of embarrassed States**”).

4. Концепт *ВЕЛИКОБРИТАНИЯ*

С упомянутым выше концептом тесно связан концепт *ВЕЛИКОБРИТАНИЯ*, в котором посредством эксплицирующих его концептуальных метафор родина У. Черчилля представлена в образе очередной возможной жертвы, в случае если ее постигнет судьба других стран, например, таких, как Австрия и Чехословакия. “**I have watched this famous island descending incontinently, fecklessly, the stairway which leads to a dark gulf. It is a fine broad stairway at the beginning, but after a bit the carpet ends. A little farther on there are only flagstones, and a little farther on still these break beneath your feet**”. В данном текстовом фрагменте с помощью приема антитезы и развернутой концептуальной метафоры образ великого государства противопоставлен пропасти /бездне (концептуальная природо-морфная метафора), в которую может погрузиться эта страна, спускаясь по лестнице, ведущей в эту самую бездну. В двух последующих примерах У. Черчилль описывает величие своей страны посредством ряда развернутых концептуальных метафор (“great British nation standing up before all the world”/ “such a nation rising in its ancient vigour”) и в то же время подчеркивает смятение будущих поколений историков, в случае если им придется исследовать крах и падение под ударом захватчиков его «победоносной нации» (“a victorious nation”), что в представлении У. Черчилля кажется нечто неправдоподобным, недоразумением. Эта мысль вербализуется следующими метафорами: “by the mystery of our affairs”/ “with everything in hand”, “suffered themselves to be brought low”: <...> “but if **mortal catastrophe** should overtake the British nation and the British Empire, historians a thousand years hence will still be baffled by **the mystery of our affairs**. They will never understand how it was that a victorious nation, **with everything in hand**, suffered themselves to be **brought low**, and to cast away all that they had gained by measureless sacrifice and absolute victory—**gone with the wind!**” / “We should lay aside every hindrance and endeavour by uniting the whole force and spirit of our people to raise again a **great British nation standing up before all the world; for such a nation rising in its ancient vigour**, can even at this hour save civilization”.

Итак, в данной работе были представлены примеры концептуальных метафор, вербализующих некоторые из доминантных концептов, выявленных в предвоенных выступлениях У. Черчилля. Когнитивный анализ военных речей У. Черчилля позволил выявить особую роль концептуальной метафоры в вербализации значимых для политика концептов, а также ее роль как инструмента воздействия на аудиторию, средства наиболее эффективной трансляции идей в тяжелых условиях предвоенного времени, когда над многими странами нависла угроза нападения со стороны Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976.
2. *Баранов А.Н.* Дескрипторная теория метафоры. М., 2014.
3. *Большаков Н.В.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2014.
4. *Гилберт М.* Черчилль: биография. М., 2018.
5. *Зубакина Т.Н.* Метафорическое моделирование историко-культурного события (на материале мемуаров У. Черчилля “The Second World War”): Дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2014.
6. *Кричун Ю.А.* Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики (на материале речей У. Черчилля): Дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011.
7. *Лагута О.Н.* Метафорология: теоретические аспекты. Новосибирск, 2003.
8. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1993. № 1. С. 3–9.
9. *Маккормак Э.* Когнитивная метафора // Теория метафоры. 1990. С. 358–387.
10. *Молчанова Г.Г.* Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация: учебное пособие. М., 2007.
11. *Молчанова Г.Г.* Когнитивная синестезийная метафора и теория напряженности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 9–20.
12. *Молчанова Г.Г.* Концептуальная метафора в политическом диалоге мемов и антимемов // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 565–572.
13. *Молчанова Г.Г.* Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности (эволюция метафоры или метафора эволюции) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 7–12.
14. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.
15. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика: монография. М., 2007.
16. *Склярская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб., 1993.
17. Теория метафоры: Сборник: Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М., 1990.
18. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
19. *Nosek J. W. S.* Churchill’s use of metaphors // *Studia Anglica Posnaniensia* XXIX. 1994. P. 41–47.
20. *Osborn M.* Archetypal metaphor in rhetoric: The light-dark family // *Quarterly Journal of Speech*. 1967. № 53: 2. P. 115–126.
21. *Rickert William E.* Winston Churchill’s archetypal metaphors: A mythopoetic translation of World War II // *Central States Speech Journal*. 1977. № 28: 2. P. 106–112.

Maria A. Davydova

**THE ROLE OF COGNITIVE METAPHOR IN SHAPING
POLITICAL LEADER'S CONCEPTUAL SPHERE
(ON THE BASIS OF W.S. CHURCHILL'S PRE-WAR SPEECHES)⁴**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper focuses on the cognitive metaphor as part of W.S. Churchill's conceptual sphere. Metaphor is known to be one of the most powerful and frequent means of influencing the audience used by political leaders. It performs various functions in political communication, the main of which is cognitive, which consists in describing something new, complex, and / or abstract through simpler and more concrete images. The cognitive analysis allows for applying a broad approach to the material concerned. Thus, not only are metaphors, including those extended, studied, but metaphorical epithets, metonymies, periphrases, etc. are as well. Special emphasis is placed on the source domains and target domains of the metaphors analyzed. The paper addresses some of the eight key concepts explicated by the cognitive metaphor, which were identified as a result of a continuous sampling method used to analyze the politician's pre-war speeches. The author concludes by stressing the key role of the cognitive metaphor in modeling the individual conceptual sphere. The data analysis is supported by a profound literature review covering fundamental works in the field of the theory of conceptual metaphor, concept study, and conceptual sphere.

Key words: cognitive metaphor; individual conceptual sphere; cognitive approach; individual conceptual sphere; cognitive function; source domain; target domain; concept; conceptualization.

About the author: *Maria A. Davydova* – Post-graduate Student, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mdav95@mail.ru).

REFERENCES

1. Aristotele. 1976. *Aristotel'*. Soch. V 4-h t. [Aristotle. Works in 4 vol.]. Vol. 1. Moscow, Mysl. (In Russ.)
2. Baranov A.N. 2014. *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptive theory of metaphor]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
3. Boldyrev N.V. 2014. *Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku* [Cognitive semantics. Introduction to cognitive linguistics]. Moscow, Izdatel'skii dom TGU im. G.R. Derzhavina. (In Russ.)

---

⁴ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

4. Gilbert M. 2018. *Churchill': biografiya* [Churchill: biography]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Atikus. (In Russ.)
5. Zubakina T.N. 2014. *Metaforicheskoe modelirovanie istoriko-kul'turnogo sobytiya (na materiale memuarov U. Cherkhillya "The Second World War")* [Metaphor modelling of a historical and cultural event: on the basis of W.S. Churchill's memoirs "The Second World War"]: dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.19. Perm. (In Russ.)
6. Krichun Yu.A. 2011. *Yazykovaya lichnost' politicheskogo deyatelya: diskursivnye kharakteristiki (na materiale rechei U. Cherkhillya)* [The linguistic identity of the political leader: on the basis of W/S. Churchill's speeches]: dis. ...kand. filol. nauk: 10.02.19. Krasnodar. (In Russ.)
7. Laguta O.N. 2003. *Metaforologiya: teoreticheskie aspekty* [Metaphorology: theoretical aspects]. Novosibirsk, Novosib. gos. un-t. (In Russ.)
8. Likhachev D.S. 1993. Kontseptosfera russkogo yazyka [Conceptual sphere of the Russian language]. *Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz.*, no. 1, pp. 3–9. (In Russ.)
9. Makkormak E. 1990. *Kognitivnaya metafora* [Cognitive metaphor]. In N.D. Arutyunova and M.A. Zhurinskiy (eds.) *Theory of metaphor*. Moscow, Progress Publ., pp. 358–387. (In Russ.)
10. Molchanova G.G. 2007. *Angliiskii kak nerodnoi: tekst, stil', kul'tura, kommunikatsiya: uchebnoe posobie* [English as a foreign language: text, style, culture, communication]. Moscow, OLMA Media Grupp. (In Russ.)
11. Molchanova G.G. 2018. Kognitivnaya sinesteziinaya metafora i teoriya napryazhennosti. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–20. (In Russ.)
12. Molchanova G.G. 2019. Kontseptual'naya metafora v politicheskom dialoge memov i antimemov [Conceptual metaphor in the political dialogue if memes and antimemes]. *Cognitive Linguistic Studies*, no. 38, pp. 565–572. (In Russ.)
13. Molchanova G.G. 2002. Yazykovye mekhanizmy variativnoi interpretatsii deistvitel'nosti (evolyutsiya metafory ili metafora evolyutsii). *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 7–12. (In Russ.)
14. Nikitin M.V. 2007. *Kurs lingvisticheskoi semantiki* [The Course on Linguistic Semantics]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.N Gertsena. (In Russ.)
15. Popova Z.D, Sternin I.A. 2007. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]: monografiya. Moscow, AST: "Vostok-Zapad". (In Russ.)
16. Sklyarevskaya G.N. 1993. *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. Saint Petersburg, Nauka. (In Russ.)
17. *Theory of metaphor*. 1990. Ed. by N.D. Arutyunova and M.A. Zhurinskiy. Moscow, Progress Publ. (In Russ.)
18. Chudinov A.P. 2001. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991—2000)* [Russian in the metaphorical "mirror": cognitive study of political metaphor]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. (In Russ.)
19. Nosek J. 1994. Churchill's use of metaphors. *Studia Anglica Posnaniensia XXIX*, pp. 41–47.
20. Osborn M. 1967. Archetypal metaphor in rhetoric: The light-dark family. *Quarterly Journal of Speech*, no. 53: 2, pp. 115–126.
21. Rickert William E. 1977. Winston Churchill's archetypal metaphors: A mythopoeitic translation of World War II. *Central States Speech Journal*, no. 28: 2, pp. 106–112.

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Nellie G. Avetisyan

GROWING TREND TOWARDS BORROWING FROM ENGLISH – THREAT TO THE RUSSIAN LANGUAGE?

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In fact, a mass influx of foreign words, expressions and notions into the native language is a very serious issue. Due to the concern of the public opinion and danger to the Russian language and Russian culture, the growing trend towards borrowing from English is becoming particularly important. Firstly, in post-Soviet Russia the influx of Anglicisms increased sharply. Some authors began copying English terms that had not been commonly used in Soviet scientific literature before. Secondly, it was later, during the Perestroika years, that young people started taking an active interest in Anglo-Americanisms, and Russian calques of English words emerged on the pages of newspapers. Thirdly, many Anglicisms that could be easily dispensed with came into the business community and the language of other professional circles. Fourthly, at a stage of transition from socialism to capitalism, the process of borrowing not only new notions, but also new institutions from Western countries, primarily from the USA, got accelerated. This context raises an issue of the need for adopting a reasonable state policy to protect the Russian language not only from contamination, but also from introducing meanings that are alien to Russian national interests. However, there is also another point of view. In some specialists' opinion, there are more positive changes occurring in the Russian language than negative ones. The language keeps developing vigorously and becoming more emotional, with an active process of enriching the vocabulary of the Russian language currently underway. Thus, wouldn't it probably be more reasonable to be guided by the economic principle *laissez-faire* with regard to the language?

Key words: objective factors for borrowing; linguistic and extra linguistic factors; professional communication; new notions and institutions; enriching the national language; fear for the Russian language.

The development of mankind is known to go through changes of civilizations, when a rising civilization inherits many of the achievements attained by a declining one. It would be hard to imagine the modern world without the spiritual heritage of Ancient Greece and Ancient Rome, in-

---

Nellie G. Avetisyan – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ic_culture@fl.msu.ru).

cluding their linguistic heritage. It concerns both Romance languages and – in no small part – Germanic ones, primarily English, which essentially emerged as a synthesis of languages spoken by Germanic tribes of Angles and Saxons conquering the British Isles, on the one hand, and Scandinavians settling down in Western France, adopting French and conquering England in the late 11th century, on the other hand. This resulted in generating the Anglo-Norman dialect, which did not only serve as a language of the nobility, but also as a language of fiction until the end of the 14th century [Gurevich, 2005].

The pattern is as follows: countries lagging far behind advanced ones strive to adopt not only their knowledge and experience in the field of progress, but also technical equipment, technologies, and, quite commonly, even forms of state and public life. This is inevitably accompanied by borrowing the names of many phenomena, processes, machines, items of equipment, objects, etc. that are not familiar to off-track countries. *De facto*, their national languages get increasingly enriched, whereby, over time, foreign words, word combinations, notions, and terms tend to become an integral part of the native languages, so that they are no longer perceived as foreign ones. Triggered off by Peter the Great's reforms, Russian vocabulary started getting replenished with German, French, and – to a lesser extent – English words. After World War II, English turned into the main source of borrowed vocabulary. If used wisely, borrowed words, word combinations, expressions, and notions are known to enrich the relevant native language. Indeed, it would be hard to imagine modern business life in Russia without the so-called Anglo-Americanisms. "The predominance of international terms and term elements in English is attributable to interacting extralinguistic (worldwide spread of the English language, origins of many kinds of sports in English-speaking culture, and others) and linguistic factors (brevity of Anglicisms, absence of relevant terms in the recipient language, and others)" [Edlichko, Yafarov, 2016: 67].

On the one hand, in Soviet times, we used to have a socialist planned economy, with economics as a science being largely based on the political economy of socialism, whereas the notions and terms of the "bourgeois science" were ruthlessly eradicated and "swept out with an iron broom". Therefore, when the Russian economy started drifting towards a market development strategy and – willingly or unwillingly – fitting into the international division of labour, gaps related to missing new notions, terms, collocations and words came to be naturally filled in with those that already existed in the world economic science and practice.

As English was increasingly becoming a universal means of communication, particularly in the economic, scientific, and technical field, it turned into the main source of replenishing Russian vocabulary in the

new reality. Thus, such notions as *маржа* (*margin*), *фьючерсные контракты* (*futures contracts*), *форекс* (*Forex*), *оффшор* (*offshore*), *IPO*, and others came into use. Also, English synonyms emerged for notions and terms previously existing in pre-revolutionary Russia, but long-forgotten over the years of Soviet rule. For example, *трейдер* (*trader*) for *торговец* or *брокер* (*broker*) for *маклер*, *биржевик*, and others.

On the other hand, it is not by chance that our time has come to be called “Information Age”. The computer, software, Internet, laptop, net-book, mobile phone, iPhone, iPad, Twitter, Facebook, and alike – all these new products, as well as many others, first appeared in the USA. Even though some new developments originated in other countries, they became publicly known in English. Initially, the description of computer operation is known to have been available in English only. At the same time, the process of informatization was developing by leaps and bounds, so that Russian programmers and users kept borrowing English terms based on the principle of calquing, without even trying to use Russian synonyms, when available and frequently heard.

The business community deserves a special mention. The language of business has to be concise and requires notions, terms and words to be generally understood and even commonly used in the relevant field. “The conventional laws of business communication in English prescribe the need for message brevity, clarity and precision...” [Kochetova, 2018: 27]

Nevertheless, firstly, it should not be treated as an absolute rule, considering that the business environment is a rather broad community. There is big business, including international business, but there are also medium-sized and small-scale enterprises. Similarly, there are both accomplished businessmen and novices, who, for example, do not understand many terms and words borrowed from English and need them to be explained.

Secondly, the business community is naturally interested in enjoying a favourable public opinion in all countries in general and in Russia in particular, where Communist propaganda used to portray private entrepreneurs in an exclusively negative light (as *эксплуататоры* – *exploiters*, *паразиты* – *parasites*, etc.) to three generations of people in Soviet times. To crown it all, the first post-Soviet years saw the nation plundered by means of privatization, loans-for-shares auctions and financial pyramids, and it came to be widely believed that the newly-rich, especially billionaires, had risen to wealth and power by robbing ordinary people.

Taking all the above into account, the language of mass media directly related to the business community and used to express its interests and promote socially beneficial entrepreneurial activities should be comprehensible to the public. Whereas organizers and performers engaged in the entertainment business (show business) could probably be excused

for constantly juggling foreign terms – for the most part, obviously English ones, – considering that they generally tend to copy American forms of “visual mainstream”, provoking an unflattering coverage in the reviews by serious Russian cultural studies specialists, the same actions are, however, impermissible for the entrepreneurial community.

Nowadays business is much spoken about on TV, on the radio, in the newspapers, magazines and journals intended both for economists and for the public. At the same time, there are strictly business-oriented media, such as, for instance, RBC TV company, economic journals (*Экономика России: XXI век – Ekonomika Rossii: XXI Vek*, *Экономическое развитие России – Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*, *Вопросы экономики – Voprosy Ekonomiki*, *Экономическая наука в современной России – Ekonomicheskaya Nauka v Sovremennoy Rossii*, *Бизнес-журнал – Business-Zhurnal*, and others), newspapers (*Экономика и жизнь – Ekonomika i Zhizn*, *Коммерсантъ – Kommersant*, *Экономическая газета – Ekonomicheskaya Gazeta*, *РБК-daily – RBC-daily*), as well as printed media dedicating not only individual articles, but also complete sections to the subject of economics (not to mention online editions). Here differentiation is definitely called for, but, unfortunately, it is not often the case.

Let us give a long list of Anglicisms occurring both in mass media intended for specialists and in those targeted at the general audience: *ликвидность (liquidity)*, *банковская интервенция (bank intervention)*, *консорциум (consortium)*, *холдинг (holding)*, *банк-ремитент (remitting bank)*, *бартер (barter)*, *бенефициар (beneficiary)*, *брокер (broker)*, *брокераж (brokerage)*, *дилер (dealer)*, *чартер (charter)*, *валоризация (valorization)*, *капитализация (capitalization)*, *толлинг (tolling)*, *дисконт (discount)*, *тендер (tender)*, *клиринг (clearing)*, *менеджер (manager)*, *маркетинг (marketing)*, *брендинг (branding)*, *франчайзинг (franchising)*, *франшиза (franchise)*, *лизинг (leasing)*, *мониторинг (monitoring)*, *мерчандайзер (merchandiser)*, *солидарная и субсидиарная ответственность (solidary and subsidiary liability)*, *котировка (quotation)*, *локаут (lock-out)*, *преференциальные льготы (preferential benefits, preferential margins)*, *ноу-хау лицензиара (licensor's know-how)*, *брокерские операции (broker operations, brokerage operations)*, *консигнационные операции (consignment operations, based on the English word for грузополучатель – consignee)*, *флуктуации рынка (market fluctuations)*, *маржинальный доход (marginal income)*, *депозитарий (depository)*, *детенишен (detention, denoting demurrage charges)*, *риэлтор (realtor)*, *дистрибьютор (distributor)*, *дивиденд (dividend)*, *терминал (terminal)*, *транзит (transit)*, *транзакция (transaction)*, *трансферт (transfer)*, *фондирование (funding)*, *инжиниринговые услуги (engineering services)*, *роялти (royalty)*, *рецессия*

(recession), опцион (option), банковские авуары (bank assets), консолидированный бюджет (consolidated budget), and others.

It is quite understandable and reasonable to use English borrowings in specialized economic literature, as well as among businesspeople, without giving potentially long-winded Russian translations of the Anglicisms. For example, what does the word хеджинг (hedging) mean? An encyclopaedia of business terms provides the following definition: it is “*Hedging involves taking an offsetting position in a derivative in order to balance any gains and losses to the underlying asset. Hedging attempts to eliminate the volatility associated with the price of an asset by taking offsetting positions contrary to what the investor currently has. The main purpose of speculation, on the other hand, is to profit from betting on the direction in which an asset will be moving*”¹. Such notions as солидарная and субсидиарная ответственность (solidary and subsidiary liability) would require similarly long explanations. These are but a few examples.

However, literature and content intended for the mass reader, TV viewer and radio listener might well manage without many Anglicisms or avoid using them altogether by describing an object or phenomenon with Russian words, instead, or replacing them with Russian synonyms whenever available. Thus, the word combination суверенный долг (sovereign debt), which has been frequently applied to European debtor nations (Greece, Ireland, Spain, Italy, Portugal) recently, actually refers to государственный долг (government debt, or state debt). The Russian word for бонус (bonus) would be премия (bonus), дисконт (discount) – скидка на цену (amount off the price), волатильность (volatility) – изменчивость (changeability) or колебание цен (price fluctuation), валоризация (valorization) – переоценка (revaluation), пересмотр (review, revision), индексация (indexation), depending on the context, etc. Most Russians do not probably know what IPO (Initial Public Offering) stands for, but it could be briefly and precisely described as первая публичная продажа акций (first public sale of shares), or sometimes as привлечение денежных средств через выпуск акций (raising money through issue of shares), depending on the situation. The word маржа (margin), in turn, tends to be misused by some of our public officials. However, since it is so widely used, it might well be replaced with well-known Russian words доход (income) or прибыль (profit) without further specification or explained as разница между себестоимостью продукции и ее ценой (difference between the cost of a product and its price), or sometimes as разница между ценой покупки и продажи (difference between purchasing and selling prices), taking into account

---

¹ Beers B. Hedging vs. Speculation: What’s the Difference? // Investopedia. 2019. URL: <https://www.investopedia.com/ask/answers/difference-between-hedging-and-speculation/> (accessed: 24.06.2020).

that the meaning of the word may vary depending on the context. Therefore, it would be better to avoid using English terms with multiple meanings in mass media or in business people's public presentations for a broad audience.

In fact, a mass influx of foreign words, expressions, notions, etc. into the native language is a very serious issue. If we take a look at a long list of borrowed words in many fields, we will see that there was no objective need for quite a few of them. Supposing that they were still objectively required to some extent, it could only be a backlash against numerous and frequently absurd prohibitions under Soviet rule. Let us try to list all the factors in a certain order.

Firstly, Marxism-Leninism ideologists claimed that the doctrine was the crowning achievement of theoretical thinking and gave answers to all issues facing the society. Therefore, there was no sociology as a separate branch of social science in the USSR for a long time. As soon as it was allowed (within a very narrow framework, though), researchers naturally started taking guidance from Western literature, first and foremost, literature in English. Some authors began copying English terms scrupulously, so that *страты* (*strata*), *маргиналы* (*marginal people*), *элиты* (*elites*) came into use in our literature, as well as other similar terms that previously had not been common in Soviet scientific literature. In post-Soviet Russia the influx of Anglicisms into sociology increased sharply. As a matter of fact, Soviet social studies were lagging far behind the development of social thought in the West, and the pattern is as follows: in order to catch up with the greatly advanced, it is necessary to borrow a lot from them.

Secondly, it was later, during the Perestroika years, that young people started taking an active interest in Anglo-Americanisms, and Russian calques of English words emerged on the pages of newspapers even though the latter had quite adequate Russian synonyms: *секьюрити* (*security*) for *охранник* or *охрана*, *бодигард* (*bodyguard*) for *телохранитель*, *фейс* (*face*) for *лицо*, *баксы* (*bucks*) for *деньги*, etc. Further development of communications and direct contacts between our young people and their foreign peers gave rise to a certain kind of youth language subculture, which found its expression, among other things, in jargon, or slang, generated on the basis of Anglicisms (such as *шузы*, *герла*, *тин* – meaning *shoes*, *girl*, *teenager*, correspondingly).

Thirdly, many Anglicisms that could be easily dispensed with obviously came into the business community. What can serve as a justification, however, is that, firstly, Russian synonyms for a whole range of English words still fail to convey the complete or exact meanings of the relevant notions. This even applies to such well-known words as, for example, *холдинг* (*holding*), *бартер* (*barter*) or *пейдер* (*raider*). Secondly, the fast

shift from planned economy to its market counterpart left little time to search for Russian synonyms relevant to English words, let alone the fact that there was no one to address that issue.

Besides, from the very outset, representatives of the newly-emerged Russian business arising out of the centrally planned economy took guidance from developed Western countries, whereby Anglicisms facilitated young Russian businessmen's communication with their Western colleagues rather than impeding the process.

Fourthly, at a stage of transition from socialism to capitalism, the ruling class, as well as – to some extent – the general public, believed that the West would assist us in changing to new forms of life. In order to speed up the process, it was allegedly necessary to get rid of the Soviet heritage in the state and social order of the country as soon as possible. This resulted in borrowing not only new notions, but also new institutions from Western countries, primarily from the USA. It gave rise to such a phenomenon as the President's administration (*администрация Президента*) here, like in the USA, as well as the American government structure (the highest public office *President (Президент)*, which was not typical of Russia, emerged as far back as the Perestroika years). We got *mayors (мэры)* and *vice-mayors (вице-мэры)*, *prefectures (префектуры)* and *prefects (префекты)*, *municipalities (муниципалитеты)*. Overnight, mediocre *institutes (институты)* turned into *universities (университеты)*, whereas *vocational training schools (профтехучилища)* engaged in training qualified workers became *colleges (колледжи)*. Nevertheless, the level of higher education is known to have decreased rather than increased as a result of the transformation, and the number of qualified workers experienced a dramatic decline. It does not take much insight to realize that there was no one to combat the attack of Anglo-Americanisms on the Russian language in that atmosphere.

However, there is no reason to think that earlier or later our authorities will not come to realize the need for adopting a well-thought-out law, making it possible to pursue a reasonable state policy for protecting the Russian language both from contamination and from introducing meanings that are not in line either with the traditions of our people or with our national interests. Here it would be relevant to remember the experience of the French. As far back as 1975, *the Law on the Use of the French Language* was adopted to be further supplemented with a new law in 1994, which came to be known as *the Toubon Law* after its author. "... Speaking at the opening session of the IOF summit in Yerevan on 11th October 2018, the President of France called for strengthening the role of French in internal relations and the operation of international organizations, such as the UN and European Union. French should become a language of innovative "initiatives", "language of creativity and cre-

ation"... – as opposed to English, which has become a “language of consumption” and “everyday language” [Kryukova, 2019: 39].

Yet, there is another point of view: there is no need to fear for the Russian language. Such, for instance, is the standpoint of Professor A.D. Shmelev, Head of the Department of Russian Speech Culture at V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences. “Nowadays there is a lot of talk about language changes, they are regarded as damage to the language. Speaking about an influx of borrowings, numerous speech mistakes penetrating public speech are mentioned. It seems to me that changes of this kind are a myth, to a great extent. In reality there is no special influx of borrowings or jargon words. The conditions of language operation are slightly changing. Say, where there used to be Soviet slogans, now there are advertising posters. What is really happening, however, is a certain system shift in the meanings of a number of words, which shows a certain change in the system of values reflected in the language. The word *карьера* (*career*) used to have only two derivatives in the dictionary: *careerist* (*карьерист*) and *карьеризм* (*careerism*). They were negatively coloured. Now they are losing their negative colouring, and the word (*career*) is more frequently used in a positive meaning. All this suggests that the system of values is changing in the Russian language. But for the time being, it is difficult to say how normative this change will become. To many people oriented towards the old system of values, such cases of usage as *успешный человек* (*successful person*), *эффективный менеджер* (*efficient manager*) would seem to be a mere linguistic mistake”².

He also considers the law on the Russian language adopted here in 2005 to be an extreme failure. Similarly, some other philologists emphasize that there are more positive changes in the Russian language than negative ones; the language keeps developing and becoming more emotional and “linguistically creative”. With regard to the nature of the impact of borrowings on the Russian language, there was no consensus among the participants in the 1st International Scientific Conference “Culture of the Russian Language”, which took place in Moscow in October 2007, either. The problem of linguistic borrowings was not in the focus of attention there, though.

Thus, there are essentially two approaches here. One would be to let the language figure out by itself what should be absorbed and what could be disposed of. The other approach suggests that language specialists should first reflect upon the problem and conceptualize it properly, take an agreed position and then give recommendations to the authorities so

---

² As cited in: Does the Internet Litter the Russian Language? // Filolingvia. 03.11.2007. URL: <http://filolingvia.com/publ/235-1-0-1284> (accessed: 24.06.2020). (In Russ.)

that we do not get yet another rough law on governmental policies with regard to the Russian language. The future will show which approach is to prevail.

REFERENCES

1. Edlichko A.I., Yafarov R.Kh. 2016. Protsessy internatsionalizatsii terminologii [Processes of Internationalization and Nationalization in Terminology]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 61–70. (In Russ.)
2. Gurevich A.Ya. 2005. *Pokhody vikingov* [Viking Campaigns]. Moscow, KDU. (In Russ.)
3. Kochetova M.G. 2018. Angliiskii yazyk i kul'tura mezhnatsional'nogo obshcheniya [The English language and the culture of international communication]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 23–30. (In Russ.)
4. Kryukova O.A. 2019. Ehpilingvisticheskaya sostavlyayushchaya politicheskogo diskursa na primere vystuplenii frankoyazychnykh politikov [Epilinguistics in Political Discourse (a case study of French Politicians Performances)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 36–44. (In Russ.)

Н.Г. Аветисян

ВОЗРАСТАЮЩАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА – УГРОЗА РУССКОМУ ЯЗЫКУ?

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Массовое вторжение в родной язык иностранных слов, выражений, понятий – это на деле очень серьезная проблема. Из-за обеспокоенности общественного мнения и опасности для русского языка и русской культуры возрастающая тенденция заимствования из английского языка приобретает особое значение. Во-первых, в постсоветской России приток англицизмов резко усилился. Некоторые авторы стали копировать английские термины, ранее не принятые в советской научной литературе. Во-вторых, уже в годы перестройки к англо-американизмам активно потянулась молодежь, и на страницах газет стали мелькать русские кальки английских слов. В-третьих, много англицизмов, без которых вполне можно было бы обойтись, пришло в бизнес-сообщество и в язык других профессиональных кругов. В-четвертых, на этапе перехода от социализма к капитализму ускорился процесс заимствования в странах Запада, и прежде всего в США, не только новых для нас понятий, но и институтов. В этой атмосфере возникает вопрос о необходимости принятия разумной государственной политики по защите русского языка не

только от засорения, но и от привнесения в него смыслов, чуждых национальным интересам. Однако существует и другая точка зрения. По мнению многих специалистов, положительных изменений в русском языке больше, чем отрицательных. Язык продолжает активно развиваться, становится более эмоциональным; происходит активный процесс обогащения словарного состава русского языка. Так, может быть, разумней руководствоваться в отношении языка экономическим принципом *laissez-faire*?

Ключевые слова: объективные факторы для заимствования; лингвистические и экстралингвистические факторы; профессиональная коммуникация; новые понятия и институты; обогащение родного языка; опасение за русский язык.

Сведения об авторе: *Аветисян Нелли Гургеновна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ic_culture@fl.msu.ru).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гуревич А.Я.* Походы викингов. М., 2005.
2. *Едличко А.И., Яфаров Р.Х.* Процессы интернационализации терминологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 61–70.
3. *Кочетова М.Г.* Английский язык и культура межнационального общения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 23–30.
4. *Крюкова О.А.* Эпилингвистическая составляющая политического дискурса на примере выступлений франкоязычных политиков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 36–44.

М.Л. Касаткин

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО
ОТРАЖЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
РЕАЛИЙ ГЕРМАНИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье представлен анализ прецедентных высказываний, актуализирующийся в информативном пространстве политического дискурса, который находит отражение в различных типах медиатекстов. Выполняя ряд функций в политическом медиадискурсе прецедентные высказывания выступают в качестве эффективного средства описания общественно-политических реалий. Кроме того, включение в речь прецедентных феноменов придает последней большой диапазон свойств, которые задаются адресатом – динамичность, убедительность, риторическую привлекательность, остроту и др., – которые способны оказать прагматическое воздействие на адресата путем выстраивания диалога не только с автором, но и, следуя теории интертекстуальности, со всем культурным контекстом. В результате анализа газетных медиатекстов политической направленности онлайн-формата автор приходит к выводу о том, что в рамках политического дискурса доминирующее значение приобретают текстообразующая, персуазивная, оценочная и экспрессивная функции, которые максимально способствуют реализации глобальных функций прецедентных высказываний: смыслообразующей и прагматической. Примеры, иллюстрирующие изменившиеся и постоянно меняющиеся общественно-политические реалии в условиях «новой нормальности», реакцию на нее политиков и журналистов, подчеркивают актуальность работы.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс; медиадискурс; медиатекст; прецедентные высказывания; инвариантность; цитирование; лингвопрагматика; интертекстуальность.

Изучение прецедентных феноменов вообще и прецедентных высказываний (ПВ) в частности стало в последние десятилетия одной из популярных тем лингвистических исследований, что напрямую связано с развитием теорий прецедентности, интертекстуальности, вертикального контекста. Неоднократно указывалось, что исследо-

---

Касаткин Михаил Леонидович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mich_kass@mail.ru).

вание прецедентных феноменов связано с анализом преимущественно трех видов дискурса: художественного, где интертекстуальность реализуется через «диалог писателя с другими авторами, культурами и эпохами», политического, где прецедентность часто берет на себя функцию как рациональной, но еще чаще экспрессивной вербализации собственного мнения, и, наконец, медиадискурса, в котором одновременно реализуется целый ряд функций как общего, так и специального свойства, например, экономии речевых усилий [Габец, 2016: 113].

Представленная работа напрямую соприкасается с двумя последними из вышеприведенных видов дискурсивных практик – политического и медийного дискурсов, в центре внимания работы оказываются ПВ в их канонической трактовке, согласно которой последние входят в когнитивную базу языковой личности, многократно воспроизводятся в речи носителей и определяются как репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [Караулов, 1987: 216].

Будучи одним из важных средств обеспечения интертекстуальности, ПВ, как и другие виды прецедентных феноменов, хранятся в когнитивной базе языковой личности в виде «инвариантов существующих и возможных представлений о тех или иных феноменах» [Захаренко, 1997: 84]. Понятие инвариантности в разных ее проявлениях – структурном, семантическом, функциональном – определяется исследователями как характерное свойство прецедентных феноменов, в частности, цитат [Полубиченко, 2018: 37], и представляет собой плодотворную почву для анализа языковых единиц в конкретных контекстах, в нашем случае – в контексте анализа функционирования ПВ в политическом дискурсе Германии.

Еще одним свойством прецедентных феноменов является многофункциональность, их употребление обладает прагматической природой и в различных контекстах выполняет различные функции: номинативную, персуазивную, юридическую, парольную, эстетическую, кумулятивную, текстообразующую, фатическую, оценочную [см.: Габец, 2016: 114]. Реализация каждой функции в отдельности или комплексно будет способствовать реализации глобальной смыслообразующей функции.

Представленный материал направлен на выявление и описание функционального потенциала ПВ и его прагматического воздействия. Примеры иллюстрируют общественно-политические реалии страны прошедшего 2020 г. Неудивительно, что в центре внимания и политиков, и журналистов, и общественности в целом находилась и находится проблема коронавируса, которая и задает тональность

всего общественно-политического дискурса. Последний традиционно регулярно включает ПВ, источником которых являются сами политики – бывшие и действующие, обеспечивая тем самым определенную преемственность:

*Frau Bundeskanzlerin, vor fünf Jahren sagten Sie an dieser Stelle: “Wir schaffen das”. Ist das ein Satz, der Ihnen auch in der Coronakrise über die Lippen gekommen wäre, den Sie sich aber verkniffen haben, weil Sie erlebt haben, dass er das Land auch polarisiert hat?*¹

В приведенном вопросе на традиционной августовской пресс-конференции бундесканцлера одна из представительниц СМИ сознательно цитирует слова главы правительства А. Меркель пятилетней давности. Вошедшая в активный обиход в 2015 г. и ставшая чрезвычайно популярной фраза “*Wir schaffen das*” («*Мы справимся*») все прошедшие годы сопровождала проблематику, связанную с миграцией. Прозвучавшее в свое время высказывание стало не только лозунгом, но и символом уверенности страны в собственных силах, способности принять и социализировать сотни тысяч беженцев, что в значительной степени удалось, хотя действия правительства подвергались и подвергаются жесточайшей критике. Ожидалось, что в контексте пандемии, нового вызова, который, как и «миграционный кризис», потребует оперативных действий со стороны государства, поскольку речь идет о жизни людей, эта фраза вновь прозвучит и заиграет новыми красками. Об этом, в частности, свидетельствует полный ожиданий, датируемый началом марта 2020 г. заголовок в люксембургском издании “*Luxemburger Wort*”:

*Corona-Virus wird zu Merkels “Wir schaffen das” 2.0*²

Трансформация ПВ путем добавления комбинации цифр, традиционно означающих улучшенную систему (ср., Web 2.0), что уже само по себе носит знаковый характер, в политическом контексте предполагает более совершенный подход к новому вызову, с которым предстоит справиться главе правительства. Однако анализ прошедших с начала пандемии событий показывает, что этого не произошло, о чем свидетельствует наличие сослагательного наклонения в прозвучавшем на конференции вопросе. Данное предложение с большой долей вероятности прозвучало бы и в новых условиях, если бы не ряд негативных накопившихся за последние годы обстоятельств, которые были вызваны наплывом мигрантов и привели к «поляри-

---

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel am 28.August 2020. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-am-28-august-2020-1781008> (accessed: 29.08.2020).

² Corona-Virus wird zu Merkels „Wir schaffen das“ 2.0 // Luxemburger Wort, 11.03.20. URL: <https://www.wort.lu/de/international/corona-virus-wird-zu-merkels-wir-schaffen-das-2-0-5e691b9eda2cc1784e358227> (accessed: 11.03.2020).

зации страны», в результате чего изначально выражение приобрело неоднозначную, зачастую негативную коннотацию. Отсюда высокая степень уверенности в том, что в текущих условиях эта фраза больше не прозвучит из уст бундесканцлера:

“Wir schaffen das” wird sie nicht mehr sagen... Nein, ihren berühmten Satz von damals, den will Angela Merkel nicht wiederholen³.

Кстати, и сама А. Меркель, отвечая на данный вопрос, признала, что упомянутая фраза была произнесена пять лет назад своевременно и совершенно «в особой ситуации», отражением которой и являлась, после чего она была подхвачена СМИ и общественностью и начала «жить своей жизнью».

Прозвучавший в самом начале полуторачасовой конференции вопрос был призван реализовать фатическую функцию, но сквозивший в нем явно некомплементарного характера скепсис скорее обеспечил реализацию оценочной функции, что во многом задавало тон всей конференции: критический, оценочный, в меру экспрессивный.

В условиях «новой нормальности» особое значение приобретают старые проверенные временем ценности и нормы. Исследованием реализации ценностного потенциала языковых единиц или высказываний занимается аксиологическая лингвистика, в рамках которой «ценностный план коммуникативной личности рассматривается через нормы поведения, закрепленные в языке» [Карасик, 2002: 29]. Данное замечание будет справедливо экстраполировать и на общество в целом, в рамках которого действующее законодательство на основе общепринятых норм и ценностей регулирует деятельность всего социума. Жизнь и достоинство гражданина провозглашаются государством в качестве главной общественной ценности. В частности, статья 1 Основного закона ФРГ фиксирует, что достоинство человека неприкосновенно:

Die Würde des Menschen ist unantastbar. Sie zu achten und zu schützen ist Verpflichtung aller staatlichen Gewalt⁴.

Неудивительно, что данная статья конституции регулярно цитируется политиками, причем в зависимости от ситуации коннотация данного параграфа может видоизменяться, ситуация же определяется не только конкретными политическими реалиями, но и медиадискурсом в целом, и собственно медиатекстами, в частности, в которых эти реалии были представлены и проинтерпретированы. В связи с этим будет уместным такую характерную черту массмедиа,

---

³ Schuler K. “Wir schaffen das” mag sie nicht mehr sagen // Zeit, 28.08.20. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2020-08/angela-merkel-sommerpressekonferenz> (accessed: 29.10.2020).

⁴ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_1.html (accessed: 25.10.2020).

как их «способность влиять на общественное и индивидуальное сознание с помощью идеологизированных концептов и интерпретаций, отражающих определенные системы ценностей...» [Добросклонская, 2009: 85].

Auch in dieser Rede Angela Merkels durfte der Satz nicht fehlen: “Die Würde des Menschen ist unantastbar”. Wann immer die Kanzlerin den ersten Artikel der Verfassung zitiert, weiß man, es geht um Migration⁵.

Unzählige Bemerkungen aus der Parteispitze bis hin zum Parteivorsitzenden Alexander Gauland, bis zu Björn Höcke verletzen Artikel 2 des Grundgesetzes “Die Würde des Menschen ist unantastbar” in brutalster Weise. Für die Spitze der AfD ist die Würde von einigen Menschen antastbar⁶.

Damit spricht Igor Levit einer ganzen gesellschaftlichen Gruppe kollektiv die Menschenwürde ab. Das ist ein klarer Bruch mit Artikel 1 des Grundgesetzes, der die Würde des Menschen für „unantastbar“ erklärt⁷.

Если в первом случае бундесканцлер, ссылаясь на конституцию, традиционно пытается защитить мигрантов и тем самым оправдать предпринятые шаги в сфере миграционной политики (персуазивная функция, проявляющаяся в намерении оправдать), то во втором случае трансформированное ПВ (частично путем добавления, частично путем редукции морфемы un-) звучит как обвинение партии «Альтернатива для Германии» и ее лидеров в правом экстремизме, где отчетливо реализуются номинативная и оценочная функции. Наконец в третьем фрагменте слово «неприкосновенно» заключено в кавычки. Таким образом уже сам председатель партийной фракции АДГ в Бундестаге Э. Вайдель в своем открытом письме обвиняет президента страны Ф.-В. Штайнмайера в злоупотреблении служебным положением и несоблюдении принципов внепартийности: по ее словам, присуждая высокую государственную награду пианисту Игорю Левиту, стороннику крайне левых взглядов, оскорбительно отзывавшегося о вышеназванной партии, президент тем самым потворствует расколу страны и нарушению главной конституционной нормы. В представленном открытом письме президенту, помимо ярко выраженной оценочной и персуазивной функции, ПВ является

---

⁵ Von Altenbockum J. Ein Satz wie Blei // FAZ, 22.11.18. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/angela-merkel-im-bundestag-die-wuerde-des-menschen-ist-unantastbar-15902270.html?GEPc=s3> (accessed: 20.10.2020).

⁶ Friedman M. AfD: Die Gefahr wächst – sage keiner, er habe es nicht gewusst // Frankfurter Rundschau, 07.06.20. URL.: <https://www.fr.de/politik/afd-gefahr-waechst-sage-keiner-habe-nicht-gewusst-13259018.html> (accessed: 07.06.2020).

⁷ Alice Weidel: Offener Brief an Frank-Walter Steinmeier // Ostkurier, 04.10.20. URL: <https://oskurier.de/2020/10/alice-weidel-offener-brief-an-frank-walter-steinmeier> (accessed: 05.10.2020).

важнейшим средством когерентности всего текста, способствуя логическому выстраиванию мысли и убеждения.

Однако «чемпионом» по количеству комментариев в различных СМИ стала интерпретация вышеназванного конституционного положения председателем Бундестага В. Шойбле. В своем интервью изданию Tagesspiegel второй, согласно конституции, по важности политик в государстве поставил под сомнение защиту человеческой жизни как высшую ценность:

*Aber wenn ich höre, alles andere habe vor dem Schutz von Leben zurückzutreten, dann muss ich sagen: Das ist in dieser Absolutheit nicht richtig. Grundrechte beschränken sich gegenseitig. Wenn es überhaupt einen absoluten Wert in unserem Grundgesetz gibt, dann ist das **die Würde des Menschen. Die ist unantastbar**. Aber sie schließt nicht aus, dass wir sterben müssen⁸.*

Понятие достоинства является одним из базовых прав личности в философской и политико-правовой мысли Германии. В принятой после войны конституции права человека и человеческое достоинство стали не только главной составной частью базового права (Grundrecht), но и «символом своеобразного разрыва с предшествующей политико-правовой традицией и основой самого конституционного проекта» [Юрлова, 2016: 83]. *Ср.: Das Grundgesetz ist von dem Gedanken beseelt, dass sich Vergleichbares nie wiederholen darf. Deshalb stellt die Verfassung den einzelnen Menschen in den Mittelpunkt. Artikel 1 lautet nicht: “**Die Würde des Deutschen ist unantastbar**”, sondern “**Die Würde des Menschen ist unantastbar**”⁹.*

Неудивительно, что слова Шойбле вызвали широкую общественную полемику. Диапазон комментариев варьировался от слов понимания и поддержки до критических замечаний и даже обвинений политика в нарушении этических норм: *Ср.: Ein Politiker, der mitten in einer Pandemie mit demonstrativer Lässigkeit erklärt, dass wir eh alle sterben müssen...¹⁰*

*Ich habe im Moment wirklich die Befürchtung, dass **die Würde angekratzt wird**, etwa wenn Sterbenden nicht die Hand gehalten werden darf,*

---

⁸ Schäuble will dem Schutz des Lebens nicht alles unterordnen // Tagesspiegel, 26.04.20. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/bundestagspraesident-zur-coronakrise-schaeuble-will-dem-schutz-des-lebens-nicht-alles-unterordnen/25770466.html> (accessed: 20.10.2020).

⁹ Keller L. Die falschen Freunde der Konservativen // n-tv, 16.02.20. URL: https://www.n-tv.de/politik/politik_kommentare/Die-falschen-Freunde-der-Konservativen-article21579464.html (accessed: 23.10.2020).

¹⁰ Stockowski M. Ist nur ja das Leben // Spiegel, 28.04.20. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/corona-lockerungen-des-lockdowns-ist-ja-nur-das-leben-kolumne-afd64641c-527b-431f-a2a1-9e2c15b74ed0> (accessed: 21.10.2020).

*wenn eine Beerdigung stattfindet – das weiß ich von Kollegen – und dann darf nicht die ganze Familie kommen, weil maximal zehn Personen kommen dürfen. Was ist mit dieser Würde?*¹¹

В ситуации, когда не позволено достойно проводить в последний путь умершего родственника, человеческое достоинство действительно оказывается ущемленным, что многими воспринимается как диссонанс на фоне многочисленных заверений политиков о благих намерениях при введении все новых ограничительных мер. Несмотря на то что само высказывание президента парламента, в грамматически трансформированном виде воспроизводящее закреплённый в конституции оригинал, достаточно органично вписывается в канву всего интервью (текстообразующая функция ПВ), читатель неоднозначно воспринимает переход в рамках этого же интервью к психологическим, социальным и особенно экономическим резонам выхода из локдауна. Излишняя зацикленность на экономической составляющей выступила мотивацией и для заголовка «Достоинство человека не поддается денежному расчету»:

*Corona-Krise: Die Würde des Menschen ist unverrechenbar*¹² (Frankfurter Rundschau: 02.04.2020).

В статье представлены рассуждения и критика на тему невозможности применения однородных критериев к экономике, с одной стороны, и к этической составляющей жизни индивида (достоинство) – с другой. С опорой на философию Эммануила Канта, который придавал человеческому достоинству абсолютную, не поддающуюся расчету, внутреннюю ценность, являющуюся выражением его свободы, автор призывает при принятии текущих решений в обязательном порядке учитывать моральную и этическую составляющую. ПВ, образованное методом замещения, выступает как декларатив и выполняет ярко выраженную текстообразующую функцию: производная часть ПВ (определение *verrechenbar*) и ключевое слово – «достоинство» – фигурируют практически в каждом абзаце, усиливая, тем самым, намерение автора исполнить свою просветительскую миссию и убедить читателя (персуазивная функция) в своем видении проблемы выхода из локдауна. Как известно, последний был значительно ослаблен в летние месяцы, что действительно повлияло на улучшение деловых настроений, что отразилось, в частности, в аналитических комментариях экономистов:

---

¹¹ “Vor dem Tod kann der Staat uns nicht schützen” // Deutschlandfunk, 28.04.20. URL: https://www.deutschlandfunk.de/wuerde-des-menschen-in-corona-zeiten-vor-dem-tod-kann-der.694.de.html?dram:article_id=475670 (accessed: 20.10.2020).

¹² Schmid Noerr G. Corona-Krise: Die Würde des Menschen ist unverrechenbar // Frankfurter Rundschau, 02.03.20. URL.: <https://www.fr.de/kultur/gesellschaft/corona-krise-wuerde-menschen-unverrechenbar-13636694.html> (accessed: 04.04.2020).

*Was interessiert mich die Pandemie von gestern?*¹³ (finanz.net)

В заголовке узнается отсылка к сказанной Конрадом Аденауэром фразе “*Was kümmert mich mein Geschwätz von gestern?*” Прозвучала она в определенном историческом контексте и имела свое продолжение (... , *nichts hindert mich, weiser zu werden*), но цитируется, нередко в трансформированном виде, исключительно первая часть. В связи с этим уместно привести слова Л.В. Полубиченко, которая справедливо замечает, что «популярные цитаты, как правило, не воспроизводятся дословно, а цитируются применительно к условиям нового контекста: что остается от цитирования от оригинального речения определяется тем, какая именно из сторон его триединой сущности – содержание, форма или функция – выдвигается на первый план, подчиняя себе остальные» [Полубиченко, 2018: 37]. В вышеприведенном высказывании с элементами замены не только объекта, но и сказуемого, несмотря на узнаваемость формы будет доминировать функциональная сторона, которая в оригинале – словах первого бундесканцлера Германии – была выражена во второй части фразы. В новом общественно-экономическом контексте потенциальный читатель – экономист, финансовый аналитик, инвестор – после прочтения заголовка в праве ожидать от статьи доказательства изменения экономической ситуации в экономике и доводы в целесообразности проявления активности на рынке. И, действительно, автор далее приводит ряд макроэкономических показателей, свидетельствующих об оживлении рынка. И хотя тема второй волны пандемии летом не исключалась, эффект положительных ожиданий от новой постпандемийной экономической реальности в данном тексте возобладал.

Подводя итоги, можно утверждать, что общественно-политический дискурс активно вовлекает в свое поле прецедентные феномены. Предметом нашего исследования являются ПВ, источником которых стали известные высказывания немецких политиков прошлого и настоящего. Выявленные функции ПВ разнообразны: они иллюстрируют, аргументируют, уточняют, детализируют, эмоционально стимулируют и т.д., раскрывая таким образом коммуникативно-прагматический потенциал, который закладывает в них автор. В большинстве контекстов представленным единицам свойственна мультифункциональность.

В зависимости от жанра медиатекста на передний план чаще всего выходят следующие функции: 1) текстообразующая, доминирующая в публицистике; 2) персуазивная, характеризующая вы-

¹³ Was interessiert mich die Pandemie von gestern? // finanzen.net, 09.07.20. URL.: <https://www.finanzen.net/nachricht/aktien/corona-was-interessiert-mich-die-pandemie-von-gestern-9053421> (accessed: 10.07.2020).

ступления политиков и их интерпретантов, помогающая аргументировать позиции и побуждать реципиента к действию; 3) оценочная, проявляющаяся как в публичных выступлениях, так и в аналитических материалах, дает оценку текущим и прошедшим событиям и главным действующим лицам. Кроме того, в зависимости от контекста свою реализацию находят и другие функции ПВ: номинативная, юридическая, эстетическая, парольная и др.

Включение в речь прецедентных феноменов придает последней целый диапазон задаваемых адресантом свойств – динамичность, убедительность, остроту, точность, риторическую привлекательность, эффектность, актуальность и т.д., – которые способны оказать прагматическое воздействие на адресата путем выстраивания диалога не только с автором, но и со всем культурно-историческим и общественно-политическим контекстом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Габеев А.А.* Функции прецедентных феноменов в деловом дискурсе // Вестник Самарского университета. 2016. № 3.1. С. 113–119.
2. *Добросклонская Т.Г.* Лингвистические способы выражения идеологической модальности в медиатекстах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 85–94.
3. *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов. Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103.
4. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
6. *Полубиченко Л.В.* Типология цитатной речи: от сферы функционирования к сфере фиксации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 37–46.
7. *Юрлова М.Д.* Достоинство как Grundrecht в германской политико-правовой традиции // Вестник Северного Арктического федерального университета. 2016. № 4. С. 83–87.
8. *DUDEN. Deutsches Universalwörterbuch.* 2. völlig neu bearbeitete Auflage – Mannheim, Wien; Zürich, 1989.

Mikhail L. Kasatkin

PRECEDENT UTTERANCES AS A LINGUO-PRAGMATIC MEANS OF REFLECTING SOCIO-POLITICAL REALIA IN GERMANY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article gives an analysis of precedent statements from the informative space of political discourse, reflected in different types of media texts. Fulfilling a number

of functions in political discourse precedent statements act as an effective means of describing socio-political realia. Moreover, precedent phenomena make the speech more dynamic, convincing, attractive, vivid, and these features influence the addressee, helping him to communicate not only with the speaker, but, following the theory of intertextuality, with the whole cultural context. Analyzing online newspaper media texts dealing with political matters the author comes to the conclusion that in political discourse the most important functions are text-forming, persuasive, evaluative and expressive, which facilitate realization of the global functions of precedent statements - semantic and pragmatic functions. Examples illustrating the changing socio-political realia in conditions of «new normality» and how politicians and journalists react on it make the article timely.

Key words: political discourse; media discourse; media text; precedent utterances; invariance; citation; linguopragmatic research; intertextuality.

About the author: *Mikhail L. Kasatkin* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mich_kass@mail.ru).

REFERENCES

1. Gabec A.A. 2016. Funkcii precedentnyh fenomenov v delovom diskurse. [Functions of Precedent Phenomena in Formal Discourse]. *Samara State University Bulletin*, no. 3.1, pp. 113–119. (In Russ.)
2. Dobrosklonskaya T.G. 2009. Lingvisticheskie sposoby vyrazheniya ideologicheskoy modal'nosti v mediatekstah [Linguistic Ways Means of Expressing Ideological Modality in Media Texts]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 85–94. (In Russ.)
3. Zaharenko I.V., Krasnyh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. 1998. Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvoly precedentnyh fenomenov. [Precedent name and precedent utterance as symbols of precedent phenomena]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. statej*. Ed. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov [Language, perception, communication: collection of articles/ed. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov]. Moscow, Filologiya, no. 1, pp. 82–103. (In Russ.)
4. Karasik V.I. 2002. Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena. (In Russ.)
5. Karaulov Yu.N. 1987. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
6. Polubichenko L.V. 2018. Tipologiya citatnoj rechi: ot sfery funkcionirovaniya k sfere fiksacii [The topology of quotation: from the sphere of functioning to the sphere of fixation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 37–46. (In Russ.)
7. Yurlova M.D. 2016. Dostoinstvo kak Grundrecht v germanskoj politiko-pravovoj tradicii [Dignity as Grundrecht in German Political and Legal Tradition]. *North Arctic Federal University Bulletin*, no. 4, pp. 83–87. (In Russ.)
8. DUDEN. 1989. *Deutsches Universalwörterbuch*. 2. völlig neu bearbeitete Auflage – Mannheim, Wien, Zürich, Dudenverlag. (In Germ.)

Т.Г. Орлянская

РЕГЛАМЕНТИРУЮЩАЯ ОСНОВА ЯПОНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ КАТА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Каждый язык отличается уникальным набором лингвоспецифичных обозначений предметов или явлений реального мира, передающих сугубо определенные образ жизни и образ мышления представителей данной языковой общности. Японские ключевые слова также очень ярко и точно характеризуют определенный образ мышления и образ жизни японцев и позволяют судить о базовых ценностях японской культуры. Ключевые слова и их анализ помогают понять и объяснить самобытность японской культуры и ментальности. Являясь частью языковой картины мира, данные языковые единицы – красноречивое свидетельство культурно-концептуальной картины мира, формирующей и объясняющей национально-самобытные мировосприятие и категоризацию действительности японцев. Сформированная веками и укоренившаяся в глубине сознания японцев приверженность форме, норме и регламентации жизни, выраженная в японском языке словом *ката*, – цементирующая основа японского национального самосознания и важный фактор понимания своеобразия японской культуры и ментальности. Культивированное веками, надлежащее и единственно правильное, «катаизированное» выполнение того или иного действия или предписания и, соответственно, единственно правильное поведение в той или иной ситуации для японцев не просто принятые нормы механического исполнения. Это своеобразная философия жизни «по-японски», сопряженная с морально-этическими нормами общества. Именно это «скрытое знание» и отличает японцев от представителей других национальностей. Анализ ключевых слов представляется наглядным и эффективным методом познания культуры, необходимым для успешной коммуникации с представителями других народов, успешного ведения бизнеса и эффективного обучения иностранных студентов.

Ключевые слова: японские ключевые слова; японская культура; японская языковая картина мира; японская культурная картина мира; базовые ценности японской культуры; японская идентичность; межкультурная коммуникация; ключевое слово *ката*.

Орлянская Татьяна Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatorly@yandex.ru).

Джон Локк еще в XVII в. написал, что даже скромное знание нескольких языков легко убедит каждого в истинности положения о том, что в одном языке может оказаться большое количество слов, которым нет соответствия в другом. Это показывает, что население одной страны по своим обычаям и по своему образу жизни образвало такие разные сложные идеи, которых население другой никогда не создавало [Локк, 1985].

Актуально данное умозаключение и по сей день и по отношению к далекой в культурном плане, а также зачастую трудной для понимания иностранцев японской культуре. Почему мы столь разные? Почему столь многое вызывает удивление и непонимание у других народов? Этими вопросами задаются представители разных культур в большей или меньшей степени. В данной статье я рассмотрю еще одну грань [Орлянская, 2019а; Орлянская, 2019б] японской ментальности, проникнуть в понимание которой поможет знакомство с ключевым словом-понятием *ката*. Каждый язык отличается уникальным набором лингвоспецифичных обозначений предметов или явлений реального мира, передающих сугубо определенные образ жизни и образ мышления представителей данной языковой общности. Японские ключевые слова также очень ярко и точно характеризуют определенный образ мышления и образ жизни японцев и позволяют судить о базовых ценностях японской культуры.

Поскольку в первом и исконно японском веровании синтоизме доминирует организующая социум ритуально-культуовая составляющая, то в древности в Японии у каждого рода был человек, отвечающий за ежедневное исполнение синтоистских ритуалов. Некоторые исследователи японской культуры считают, что это и положило начало формированию традиции регламентации и формализации не только социальных норм поведения, но и всей жизни японцев в целом. Большое значение в этом процессе сыграло и историческое этническое единство японского общества. Американский исследователь Б. Лафайет де Мент в своей книге “Behind the Japanese Bow” пишет о том, что четко определенная форма или техника выполнения того или иного действия, по-японски *ката*, сформированная на заре японской цивилизации и практикуемая столетиями, является ключом к разгадке самобытности японской культуры, а также обуславливает проявления японцев на всех уровнях. По его мнению, в древности японцы утвердились во мнении, что форма является реальностью сама по себе и превосходит содержание: “Doing things the right way was often more important than doing the right things!” [Boye Lafayette De Mente, 1993: 2]. Для японцев существовал внутренний порядок (человек) и естественный, или природный (микрокосм), взаимодействующие между собой при по-

мощи правильного порядка, или формы, выполнения действий – *kata*. Исследователь приводит мнение японского профессора мифологии Казуо Мацумура: “Japan has no genuine philosophy as such, only form”.

Неудивительно, что для выражения безысходности или бесполезности чего-либо в японском языке существует и активно используется устойчивое и часто употребляемое выражение *Shikata ga nai*, которое буквально переводится как «нет способа/формы сделать», а в переводе на русский означает «ничего не поделаешь». Японский опыт показывает, что научиться можно всему при условии правильной (без отклонения от нормы) и многолетней тренировки. Это основа, суть и разгадка совершенства известных на весь мир разновидностей японского традиционного искусства и боевых искусств – каллиграфии, икебаны, чайной церемонии, театров кабуки и но, каратэ, сумо, кендо, дзюдо и айкидо. В статье «Своеобразие японской культуры» я пишу о том, что сформированная веками и укоренившаяся в глубине сознания японцев приверженность форме, норме и регламентации жизни *kata* является цементирующей основой японского национального самосознания и важным фактором понимания своеобразия японской культуры и ментальности. Стилизованы, ритуализированы и церемониальны и образ мышления, и образ жизни, и образ речи японцев. В этом сила и слабость японского общества. Церемониальны и регламентированы все проявления японцев: использование палочек для еды, угол наклона для приветствия, порядок написания иероглифов, проведение мероприятий, манера общения и поведения, очередность приема ванны членами семьи, организация бюджета и т.д. [Орлянская, 2009]. Об этом же пишет и Б. Лафайет Де Мент: “The same obsession with form and process is repeated endlessly in every area of private and public life in Japan” [Boye Lafayette De Mente, 1993: 59]. По его мнению, регламентированная форма жизнедеятельности японцев хоть и будет меняться, но не искоренится: “It is obvious that the *kata*-ized behavioral conditioning of the Japanese is diminishing rapidly, and it will continue to decrease. But its influence is such that it will be a significant factor in both the character and personality of the Japanese for the foreseeable future” [Boye Lafayette De Mente, 1997: 18].

На бытовом уровне такое «катаизированное» мышление и поведение могут иметь и негативные проявления. Поскольку пристрастие к инструкциям и регламенту требует от японцев, например, вешать надпись «нет выхода» даже в таких неподходящих для выхода местах, как окна, то, попадая в иное пространство без привычных инструкций, скажем, путешествуя за границей, японцы теря-

ются и нередко оказываются в кризисных ситуациях, поэтому предпочитают путешествовать группами и не покидать пределы родины в одиночку.

Сказывается данная особенность менталитета и при личном общении. Работая в университете Хоккайдо и являясь мамой ученика японской школы, по просьбе родительского коллектива школы я должна была провести мастер-класс по приготовлению русского борща для 37 одноклассников моего сына, а также нескольких учителей и мам. Все дети были поделены на несколько групп и под моим руководством должны были готовить несколько «групповых кастрюль» борща, копируя мои действия. Проблема возникла с самого начала на этапе обсуждения рецепта, поскольку привычные нам формулировки «соли и перца – по вкусу, а зелени – на глаз», не нашли понимания у японской аудитории. Учителям необходимо было знать точное количество всего, включая соль, перец и остальные специи. Позже, ознакомившись с японскими кулинарными книгами, я, действительно, обнаружила точное количество абсолютно всех ингредиентов и поняла, что для японцев мелочей не бывает. Все должно быть учтено, прописано и регламентировано. На все существует давно установленный порядок исполнения: как оставлять обувь в прихожей, как упаковывать и дарить подарки и в каких случаях, как начинать и заканчивать письма, как кланяться, как благодарить и провожать гостей и т.д., и, самое главное, – как общаться!

По этой причине для детей, которые, например, по долгу службы отца или матери даже незначительное время проживали в другой стране, существуют специальные центры, направленные на помощь в адаптации таких «не совсем японцев» к жизни в обществе, поскольку за время отсутствия в стране у них не были сформированы необходимые знания, умения и навыки для надлежащего проживания в обществе.

Культивированное веками, надлежащее и единственно правильное, «катаизированное» выполнение того или иного действия или предписания и соответственно единственно правильное поведение в той или иной ситуации для японцев не просто принятые нормы физического исполнения. Это своеобразная философия жизни «по-японски», сопряженная с морально-этическими нормами общества. Отличное от требуемого поведения или исполнения чего-либо может приравниваться к нарушению норм общества. Это именно то, что отличает японцев от других народов, и именно то, что не позволяет представителям других наций стать частью данного общества. Жить по-японски означает точно знать или чувствовать, как поступить и что сказать в разных ситуациях в соответствии с общепринятыми

нормами морали и этики окружающих. Этому надо учиться с рождения.

И если на бытовом уровне незнание многочисленных особенностей японского менталитета может ограничиться лишь незначительной курьезной ситуацией, то в профессиональном или деловом общении такое одностороннее или взаимное непонимание представителей разных культур может привести к полному прекращению отношений или их длительному разрыву.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брюхова Е.И., Гуревич Т.М. Ложь в русской и японской культуре: морально-нравственный аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 167–174.
2. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Соч.: В 3 т. / Ред. И.С. Нарский, А.Л. Субботин. М., 1985. Т. 1.
3. Орлянская Т.Г. Истоки своеобразия японской культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 4. С. 46–57.
4. Орлянская Т.Г. Ключевое слово японской культуры SUMIMASEN // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019а. № 1. С. 184–191.
5. Орлянская Т.Г. Ключевые слова японской культуры GIRI и НАJI // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019б. № 3. С. 77–83.
6. Орлянская Т.Г. Национальная культура через призму пословиц и поговорок (на материале японского, русского и английского языков) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 3. С. 27–51.
7. *Boye Lafayette De Mente*. Behind the Japanese Bow. An In-Depth Guide to Understanding and Predicting Japanese Behaviour. Passport Books. U.S.A., 1993.
8. *Boye Lafayette De Mente*. The Japanese Have a Word for It. USA. Passport Books, 1997.

Tatiana G. Orlyanskaya

REGULATORY BASIS OF THE JAPANESE MENTALITY KATA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Each language is characterized by a unique set of language-specific means to designate various phenomena of the real world, which characterize a peculiar way of thought and life of a given nation. Japanese key words also give vivid and accurate reflection of the Japanese way of life and thinking and let us reveal the core values of Japanese culture. Key words in question and their analysis help to get insight into and explain the uniqueness of Japanese culture and mentality. Such words are the essential components of the Japanese language worldview. They serve as the eloquent testimony of the cultural worldview, which molds and explains the peculiarities of the culturally determined and unique way of life and thought of the Japanese.

Centuries-old and deep-rooted in the Japanese consciousness commitment to form, norm and life regulation, expressed in Japanese in the keyword *KATA*, functions as an integrating framework of the Japanese consciousness and a key factor of penetrating into the specificity of the Japanese identity. Cultivated over the centuries, the appropriate and the only possible *kata-ized* way of doing something, and as a result, the only possible pattern of behavior in different situations is not confined to the widely accepted mechanical process of doing something. It is a sort of philosophy of the “Japanese way” in compliance with the norms of the Japanese morality and ethics. This “hidden” knowledge of living “in” or “out” of *kata* distinguishes the Japanese from other nationalities. The analysis of the key words can be considered as a bright and effective method of penetrating in the nuances of a culture. The knowledge of key words is of vital importance for successful communication with the representatives of another culture, doing business with them as well as for effective teaching international students.

Key words: Japanese keywords; Japanese culture; Japanese language worldview; Japanese cultural worldview; core values of the Japanese culture; intercultural communication; Japanese identity; Japanese keyword *kata*.

About the author: *Tatyana G. Orlyanskaya* – PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Foreign Language Teaching, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatorly@yandex.ru).

REFERENCES

1. Bryukhova E.I., Gurevich T.M. 2019. Lozh v russkoi i yaponskoi kul'ture: moral'no-nravstvennyi aspekt [Lie in Russian and Japanese culture: moral aspect]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 167–174. (In Russ.)
2. Locke J. 1985. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [An essay concerning human understanding] ed. by I.S. Narskii, A.L. Subbotin. Moscow, vol. 1. (In Russ.)
3. Orlyanskaya T.G. 2009. Istoki svoebraziya yaponskoi kul'tury [Origins of the Japanese culture identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 46–57 (In Russ.)
4. Orlyanskaya T.G. 2019. Klyuchevoe slovo yaponskoy kul'tury SUMIMASEN [Key word of the Japanese culture SUMIMASEN]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 184–191. (In Russ.)
5. Orlyanskaya T.G. 2019. Klyucheveye slova yaponskoy kul'tury GIRI i HAJI [Key words of the Japanese culture GIRI and HAJI]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 77–83. (In Russ.)
6. Orlyanskaya T.G. 2003. Natsional'naya kul'tura cherez prizmy poslovits i pogovorok [National culture through the prism of proverbs and sayings (on the material of the Japanese, Russian and English languages)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 27–51. (In Russ.)
7. Boye Lafayette De Mente. 1993. *Behind the Japanese Bow. An In-Depth Guide to Understanding and Predicting Japanese Behaviour*. Passport Books. U.S.A.
8. Boye Lafayette De Mente. 1997. *The Japanese Have a Word for It*. USA. Passport Books.

А.И. Едличко, С.В. Токарева

**ОТРАЖЕНИЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА
В ПРОТЕСТНОМ ПРАВОПОПУЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ:
СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ТАКТИЧЕСКИЙ УРОВНИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена анализу коммуникативных стратегий и тактик в протестном правопопулистском дискурсе современной Германии при освещении проблемы миграции. Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, активным развитием в настоящее время политического протестного движения в немецкоязычных странах в целом и в Германии частности, а также формированием правопопулистского дискурса и, с другой стороны, недостаточной степенью изученности его коммуникативных характеристик. Целью работы является выявление особенностей коммуникативного поведения представителей партии «Альтернатива для Германии (АдГ)» на тактическом и стратегическом уровнях. В статье раскрываются понятия коммуникативных стратегий и тактик, исследуется специфика наиболее характерных из них, анализируются лексические и грамматические категории. Обращается внимание на экспрессивность и преимущественно пейоративную окрашенность речевых средств, используемых при реализации выявленных стратегий и тактик. Рассматриваемые явления иллюстрируются примерами из текстов АдГ. В результате анализа авторы приходят к выводу о том, что при освещении миграционного кризиса реализуются базовые стратегии политического дискурса, а именно самопрезентации, борьбы за власть, удержания власти и убеждения, при этом задействуется лишь ограниченное число тактик.

Ключевые слова: протестный правопопулистский дискурс; Германия; Альтернатива для Германии (АдГ); миграция; стратегия; тактика.

Стратегический и тактический уровни речевого воздействия являются ключевыми категориями исследования политического дискурса в целом и в протестного дискурса в частности. А.В. Голод-

---

Едличко Анжела Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ang299@yandex.ru).

Токарева Станислава Владимировна – аспирант кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: stanislava.tokareva@yandex.ru).

нов, рассматривая коммуникативные стратегии (КС) с позиции теории речевых актов, понимает под стратегией «производимый адресантом <...> комплекс операций по выбору и реализации способа осуществления прототипического образца речевого акта в конкретной ситуации общения» [Голоднов, 2010: 97]. В КС выделяют такие составляющие, как цель и средства ее достижения, план и условия его осуществления, прогнозирование коммуникативного события, а также результат реализации речевого действия [Голоднов, 2010: 97–98; Чернявская, Молодыченко, 2014: 57].

Существующие классификации КС в рамках политического дискурса варьируются в зависимости от общих vs. частных целей и их последовательности, функций, содержания, интенций и модели поведения участников коммуникативной ситуации, их политической позиции и других параметров, об этом см. подробнее [Шейгал, 2000: 70; Иссерс, 2008: 104–106; Klein, 2009: 2115–2126; Niehr, 2014: 82–87].

Согласно разработанной О.Н. Паршиной теории коммуникативного поведения политической элиты, выделяются четыре основные КС, в рамках которых реализуются определенные тактики:

1) **КС самопрезентации** (коммуникативные тактики (КТ) создания положительного образа адресанта, солидаризации с адресатом, дистанцирования и др.);

2) **КС борьбы за власть** (КТ обвинения, иллюстрирования негативных сторон оппонента, навешивания ярлыков, сравнений и оскорблений, манипуляции, гиперболизации, отвлечения внимания и др.);

3) **КС удержания власти** (КТ признания существования проблем, комментирования, указания способов устранения проблем, единения, апеллирования к эмоциям адресата и учета его ценностных установок и др.);

4) **КС убеждения** (КТ обещания, призыва, сопоставительного анализа, иллюстрирования, обоснованной оценки предмета или ситуации) [Паршина, 2007: 42–116].

В ходе политической коммуникации возможна реализация не одной, а одновременно нескольких КС, имеющих разную степень доминантности. Экспликация КС и КТ осуществляется с помощью лексических, грамматических и фонографических средств, актуализирующих базовую категорию политического дискурса – оппозицию «свой – чужой», которая рассматривается как «ключевой фактор формирования внутригрупповой идентичности <...> посредством противопоставления антагонистическому образованию» [Чернявская, Молодыченко, 2014: 32]. Для языка правого популизма характерно использование особого лексикона, имеющего негативную семантику [Едличко, 2015: 85].

Рассмотрим кратко КС и КТ, которые используются в политической коммуникации политической партии «Альтернатива для Германии» (АдГ)¹. Материалом для данного исследования послужили 33 статьи из журнала АдГ “AfD Kompakt”² и 42 поста со страницы партии в социальной сети Facebook³ за период с 2018 по 2020 г. Объем статьи позволяет привести наиболее репрезентативные, на наш взгляд, контекстные примеры. В текстах АдГ (программах, речах, докладах представителей партии) освещаются различные аспекты внешней и внутренней политики: отношения между властью и обществом, вопросы экономики, социальной жизни, культуры, образования и науки, здравоохранения. К одной из насущных проблем, которые непрерывно обсуждаются в выступлениях представителей партии, относится миграционный кризис.

Тактика дистанцирования является одним из важных приемов реализации **КС самопрезентации**. «Образ адресанта» [Голоднов, 2010: 185] формируется и укрепляется не только с помощью КТ солидаризации с адресатом и создания круга «своих», но и с помощью других тактик. При этом замена лексемы *Flüchtling* ‘беженец’, семантика которой указывает на неблагоприятные причины миграции, а именно бедственное положение на родине, осуществляется с помощью слов *Migranten* ‘мигранты’ и *Einwanderer* ‘переселенцы’, см. примеры (1), (2), (3). Лексема *Flüchtling* нередко используется в кавычках, см. пример (8) и является пейоративным наименованием, вызывающим сомнение в правомерности статуса беженца.

В приведенном ниже примере (1) говорится о решении Европейского суда (*EuGH*) о депортации нелегальных переселенцев (*illegale Einwanderer*). АдГ призывает к действиям партий Большой коалиции – основным сторонникам миграции – при помощи эллиптического восклицательного предложения, состоящего из инфинитива глагола изменения состояния *aufwachen* ‘просыпаться’. Усеченная форма ироничного обращения *GroKo*⁴ свидетельствует о неуважении к политическим оппонентам, а указание на их бездействие по отношению к мигрантам, которые характеризуются пейоративным эпитетом *illegal* и использование глагола перемещения *abschieben*

¹ Партия «Альтернатива для Германии» (АдГ, нем. Alternative für Deutschland, AfD) – правопопулистская евроскептическая партия Германии, основанная в 2013 г. Выступает против распространения ислама в Германии. С 2017 г. партия является третьей по численности в Бундестаге.

² AfD Kompakt. URL: <https://afdkompakt.de/> (accessed: 28.06.2020).

³ AfD. URL: <https://www.facebook.com/alternativefuerde/> (accessed: 28.06.2020).

⁴ Большая коалиция (нем. Große Koalition, GroKo) – коалиция партий «Христианско-демократический союз Германии» (ХДС), «Христианско-социальный союз» (ХСС) и «Социал-демократическая партия Германии» (СДПГ), являющихся самыми крупными партиями, входящими в Бундестаг.

‘высылать; выдворять (из страны)’, демонстрирует желание АДГ дистанцироваться от беженцев и правящих сил:

(1) *Richtungsweisendes Urteil des EuGH: Illegale Einwanderer dürfen sofort wieder abgeschoben werden! GroKo! Aufwachen!*⁵

В контексте (2) о скопившихся беженцах на границе Турции и Греции подчеркивается поддержка мигрантов канцлером Германии при помощи гибридного наименования “*Merkel help*”-*Plakate* ‘плакаты «Меркель помоги»’. При этом первый компонент композитного окказионализма – написанный на английском языке (с целью привлечения внимания мировой общественности) текст с плаката беженцев, апеллирующих к канцлеру. Однако использование данного контекста в композите подчеркивает незнание переселенцами немецкого языка. Пунктуационная ошибка (пропущенная запятая после обращения) фокусирует внимание на неграмотности и способствует созданию негативного языкового портрета мигрантов, у которых отсутствует желание полноценной интеграции в немецкий социум:

(2) *Mit “Merkel help”-Plakaten stehen die von Erdogan herangekarrten Migranten an der türkisch-griechischen Grenze*⁶.

Еще одним текстовым средством дистанцирования от враждебной референтной группы является метафорическое наименование *die von Erdogan herangekarrten Migranten* ‘мигранты, приволоченные Эрдоганом на тележках’ с причастием прошедшего времени от разговорного экспрессивного глагола перемещения *herankarren*, что делает акцент на чуждости беженцев и навязанности обязательств перед ними другими странами, в частности Турцией.

В контексте (3) об обещании Ангелы Меркель неповторения миграционного кризиса 2015 г. перед читателем возникает персонафицированный образ Германии – *der deutsche Michel* ‘немецкий Михель’:

(3) *Obwohl auch Merkel vor der letzten Bundestagswahl dem deutschen Michel versprochen hatte, dass es eine Wiederholung von 2015 nicht geben werde, kommt nun – in den entscheidenden Stunden, um den Migranten die Aussichtslosigkeit ihres Unterfangens zu verdeutlichen! – kein Wort aus dem Munde dieser Frau*⁷.

---

⁵ Gericht: Illegale Einwanderer dürfen sofort wieder abgeschoben werden. URL: <https://afdkompakt.de/2020/03/04/gericht-illegale-einwanderer-duerfen-sofort-wieder-abgeschoben-werden/> (accessed: 24.07.2020).

⁶ Schweizer zu Merkels Migranten-Misere: „Sie treibt Iraker, Iraner und Afghanen ... Richtung Deutschland.“ URL: <https://afdkompakt.de/2020/03/05/schweizer-zu-merkels-migranten-misere-sie-treibt-iraker-iraner-und-afghanen-richtung-deutschland/> (accessed: 25.07.2020).

⁷ AfD. Op. cit.

Фразеологическое сочетание *der deutsche Michel* получило во времена Возрождения значение «недалекий, простоватый немец», так как часто применялось для описания малограмотного аполитичного бюргера в отличие от образованной элиты. Как видно из вышеприведенного примера (3), немецкий Михель противопоставляется образу политического лидера не только с помощью использования фамилии действующего руководителя, но и словосочетания *diese Frau* ‘эта госпожа’. При этом указательное местоимение *diese* подчеркивает дистанцию между разными референтами – канцлером страны и ее народом, а также указывает на манипулятивный характер высказываний Меркель, пытающейся ввести «простоватого немецкого Михеля» в заблуждение. Используемая в данном контексте парентеза (*in den entscheidenden Stunden, um den Migranten die Aussichtslosigkeit ihres Unterfangens zu verdeutlichen!*) концентрирует внимание адресата на скептической позиции АДГ по вопросу беженцев, о которой свидетельствует экспрессивное словосочетание *die Aussichtslosigkeit ihres Unterfangens* ‘бесперспективность их авантюры’.

Актуализация оппозиции «свой – чужой» и КТ дистанцирования нередко достигается не только благодаря противопоставлению наименований двух референтов или референтных групп (*der deutsche Michel – Merkel, Deutsche – Flüchtlinge, unsere Steuerzahler – andere Länder, deutsche Polizisten – türkische Islamisten, wir – sie* и др.), но и с помощью лексем, именующих определенные социальные категории. Для подтверждения этого приведем пример из текста о финансовых затратах Германии на мигрантов:

(4) *Wir Steuerzahler blechen nun für Flüchtlings-Bürge!*⁸

В данном контексте инициальный компонент *Steuer* – ‘налог’ лексемы *Steuerzahler* противопоставляется финальному компоненту *Bürge* ‘гарантии’ окказионального композита *Flüchtlings-Bürge*, эксплицитно указывая на ненужные затраты с помощью разговорного глагола *blechen* ‘раскошелиться’. Средством номинации, актуализирующим контекстное отношение дистанцирования партии и народа от чужаков, выступает личное местоимение *wir* ‘мы’. Таким образом достигается контраст между трудолюбивым законопослушным немецким народом и беженцами, которые воспринимаются как находящиеся на иждивении у немцев бездельники. Разговорные языковые единицы используются для создания экспрессивного языкового портрета партии как организации, близкой к народу.

---

⁸ Millionen-Skandal im Bundestag: Kaum ein „Flüchtlings-Bürge“ muss wirklich zahlen! URL: <https://afdkompakt.de/2020/03/01/millionen-skandal-im-bundestag-kaum-ein-fluechtlings-buerge-muss-wirklich-zahlen/> (accessed: 24.07.2020).

В контексте (5) дается негативная оценка участию немецких полицейских в мусульманском празднике:

(5) *Warum feiern deutsche Polizisten so ungeniert mit türkischen Islamisten und warum kann eine solche Organisation, die offensichtlich nichts auf unsere Demokratie gibt, überhaupt als Verein in Deutschland ihr Unwesen treiben und ihre extremistischen Lehren weiterverbreiten?*⁹

Высказывание представляет собой риторический вопрос, в котором прослеживаются сарказм и ирония говорящего. Особенностью КТ дистанцирования в данном примере являются топонимы, этнонимы и лексемы, транслирующие ценностные ориентиры разных народов и их отличия. Немецкие полицейские (*deutsche Polizisten*) как защитники демократии и жизни граждан Германии (топоним *Deutschland*) противопоставлены турецким исламистам (*türkische Islamisten*). Слово *Islamisten*, имеющее, наряду с лексемами *Terrorist* ‘террорист’ и *Extremist* ‘экстремист’, пейоративную окрашенность, способствует созданию отрицательного образа носителя чужой и враждебной мусульманской культуры. Дистанцирование разных социумов отражается и в идеологической лексике: при описании немецкой культуры делается акцент на ее демократичности в словосочетании *unsere Demokratie*. Мусульманский мир характеризуется негативно коннотированным словосочетанием *ihre extremistischen Lehren* ‘их экстремистские учения’, которое указывает на агрессивность и противозаконность распространения в демократической стране. Отрицательное впечатление подкрепляется фразеологизмом *ihre Unwesen treiben* ‘бесчинствовать’. Контакт между представителями немецкой и турецкой культур описывается при помощи оценочного прилагательного *ungeniert* ‘бесцеремонный’, что демонстрирует возмущение партии подобным поведением со стороны своих сограждан. Эффект дистанцирования также достигается при помощи противопоставления притяжательных местоимений *unser* ‘наш’ и *ihre* ‘их’ и указательного местоимения *solcher* ‘такой’.

Тактика навешивания ярлыков КС борьбы за власть также занимает важное место в высказываниях АдГ при освещении миграционных проблем:

(6) *Schmarotzer, Abzocker, Gefährder – islamistischer Hassprediger erschwindelt 18.000 Euro Corona Hilfe*¹⁰.

⁹ AfD. Op. cit.

¹⁰ Schmarotzer, Abzocker, Gefährder – islamistischer Hassprediger erschwindelt 18.000 Euro Corona Hilfe. URL: <https://afdkompakt.de/2020/04/18/schmarotzer-abzocker-gefaehrder-islamistischer-hassprediger-erschwindelt-18-000-euro-corona-hilfe/> (accessed: 25.07.2020).

Из примера (6) видно, что описание мигрантов с помощью лексем-ярлыков с инвективной семантикой (*Schmarotzer* ‘нахлебник, тунеядец’, *Abzocker* ‘пройдоха’, *Gefährder* ‘потенциальный преступник’, *Hassprediger* ‘проповедник ненависти’) ставит целью вызвать у адресата негативные эмоции. Пейоративность высказывания усиливается благодаря стилистическому приему триколона в первой части предложения.

КТ манипуляции указанной КС часто осуществляется при помощи подачи неаргументированной информации как единственно верной. В контексте (7) о поведении предположительно зараженных коронавирусом беженцев в отношении полицейских помимо негативно коннотированного прилагательного *achtlos* ‘безразличный’ используется модальный глагол *sollen* ‘быть должным’ в своем субъективном значении ‘говорят, полагают’ в конструкции *sollen Polizisten bespuckt haben* ‘по слухам оплевали полицейских’:

(7) *Asylbewerber sollen Polizisten trotz Corona-Verdacht bespuckt haben! Wer sich so achtlos verhält, gehört ABGESCHOBEN!*¹¹

Субъективное значение заключается в передаче полученной от третьих лиц информации, о достоверности которой нельзя говорить с уверенностью. В восклицательном предложении используется также разговорный оборот *gehört abgeschoben* (глагол *gehören* + причастие прошедшего времени), который по своему значению эквивалентен пассивной конструкции с модальным глаголом *sollen* в объективном значении: *soll abgeschoben werden* ‘должен быть депортирован’. Информация, вводимая при помощи глагола *sollen* в субъективном значении, перестает восприниматься как слух и приобретает большую убедительность. Так у адресата создается образ беженцев, умышленно совершающих противоправные действия, несмотря на отсутствие непосредственных доказательств.

Следующий пример (8) также повествует о сомнительности статуса беженцев и о выгодах, которые они получают в Германии:

(8) *Nirgendwo werden vermeintliche „Flüchtlinge“ so hofiert wie hier, nirgendwo gibt es so viel Essen, Kleidung, Taschengeld, so viele schöne Wohnungen, Führerscheine wie in Merkels Schlaraffenland!*¹²

В данном контексте манипулятивный эффект достигается с помощью экспрессивного эпитета *vermeintlich* ‘мнимый’, характеризующего легитимность статуса беженцев (слово *Flüchtlinge* закавычивается). Чтобы подчеркнуть, как много ресурсов тратится на мигрантов, адресант использует усиленное анафорой перечисление

¹¹ Asylbewerber in Corona-Quarantäne sollen Polizisten bespuckt haben. URL: <https://afdkompakt.de/2020/04/08/asylbewerber-in-corona-quarantaene-sollten-polizisten-bespuckt-haben/> (accessed: 24.07.2020).

¹² Schweizer zu Merkels Migranten-Misere ... Op. cit.

so viel Essen, Kleidung, Taschengeld, so viele schöne Wohnungen, Führerscheine ‘так много еды, одежды, карманных денег, так много красивых квартир, водительских удостоверений’, в котором повторяющийся компонент *so viel* имеет оценочный характер. Помимо этого в контексте присутствует сравнительный оборот *wie in Merkels Schlaraffenland* ‘как в стране изобилия Меркель’, в котором прецедентный феномен *Schlaraffenland* ‘страна изобилия’ (досл. «страна ленивых обезьян») описывает сказочную страну, где всевозможные блага присутствуют в избытке и доступны каждому просто так, а труд является грехом. Данная отсылка к немецкому фольклору акцентирует внимание адресата на легкости, с которой беженцам, по мнению АдГ, нелегально получившим свой статус, достаются различные привилегии, а немцы добиваются их тяжелым трудом.

Тактика обращения к эмоциям КС удержания власти направлена на создание общественного резонанса. В приведенных ниже контекстах говорится о преступлениях мигрантов: убийстве беженцем из Сирии гражданина Германии (9) и протестах в лагере беженцев против самоизоляции (10):

(9) *Skandalurteil: 2 Jahre Bewährung für das Leben von Markus H.*¹³

(10) *Kinder-Schutzschild & IS-Flagge: Flüchtlings-Randale nach Isolation!*¹⁴

В обоих случаях следует отметить номинальный стиль высказываний, концентрирующий внимания адресата на самом важном. В контексте (9) за эмоциональное воздействие отвечают антитеза *2 Jahre – das Leben* ‘два года – ‘жизнь’), в которой срок за убийство в два года противопоставляется целой жизни человека, и композит с негативной семантикой *Skandalurteil* ‘скандальный приговор’. В примере (10) в слове *Kinder-Schutzschild* ‘щит из детей’ также наблюдается аксиологическая оппозиция двух частей одного композита: инициальный компонент *Kinder* ‘дети’ имеет положительную эмоциональную окрашенность, так как соотносится с одной из важнейших ценностей в жизни человека, в то время как финальный компонент *Schutzschild* ‘щит’ называет предмет обмундирования военного и ассоциируется с войной, вследствие чего имеет негативную коннотацию. Столкновение положительной и отрицательной эмоциональной окрашенности в одной лексеме вызывает у адресата

---

¹³ Syrer prügelt Deutschen tot, lacht drüber und bekommt 2 Jahre auf Bewährung. URL: <https://afdkompakt.de/2020/03/27/syrer-pruegelt-deutschen-tot-lacht-drueber-und-bekommt-2-jahre-auf-bewahrung/> (accessed: 25.07.2020).

¹⁴ Kontaktverbot auch zu Eurem Schutz, liebe „Flüchtlinge“! URL: <https://afdkompakt.de/2020/03/25/kontaktverbot-auch-zu-eurem-schutz-liebe-fluechtlinge/> (accessed: 27.07.2020).

внутренний конфликт и чувство возмущения. Композит *Flüchtlings-Randale* ‘буйство беженцев’ имеет высокую степень экспрессивности благодаря наличию пейоративного компонента (разговорного слова *Randale* ‘дебосш, скандал’). Использование прецедентного феномена *IS* в композите *IS-Flagge* ‘флаг ИГИЛ’ отсылает адресата к одной из наиболее агрессивных террористических организаций современности, что многократно усиливает негативное впечатление, производимое данным высказыванием.

Тактика призыва КС убеждения, реализуемая в обращенных к народу высказываниях, характерна для текстов предвыборных кампаний. В некоторых случаях одновременно с призывом к народу чувствуется имплицитный призыв к другим политическим силам:

(11) *Strafbares Verhalten kann nur mit der sofortigen Abschiebung quitiert werden*¹⁵.

(12) *Auch ausländische Straftäter gehören verurteilt!*¹⁶

В рамках названной тактики в текстах АдГ особое место занимают модальные глаголы долженствования и разрешения в объективном значении, как *können* ‘мочь (иметь разрешение)’ (11), а также разговорная конструкция из глагола *gehören* + причастия прошедшего времени (12), эквивалентная по своей семантике пассивной конструкции с модальным глаголом *sollen* в объективном значении ‘быть должным (в соответствии с чьим-л. указанием)’. Данные глаголы выражают необходимость осуществления действия, к которому призывает адресант, и образуют составные сказуемые вместе с глаголом социальных действий *gehören verurteilt* ‘должны быть осуждены’ (12) и интерактивным глаголом *kann quitiert werden* ‘можно отреагировать’/‘можно ответить’ (11), обычно употребляющимися в пассивном залоге и указывающими на конкретное действие или процесс. Особенностью высказываний такого типа является их нацеленность одновременно и на народ, и на правительство, так как именно руководство страны имеет юридическое право на осуществление предлагаемых мер, при этом население призывается к одобрению и содействию в их реализации. В обращениях к адресату используются пейоративные лексемы, создающие образ врага, с которым адресант призывает бороться. Примером средств создания такого образа являются слова с семой «противоправность» в словосочетаниях *strafbares Verhalten* ‘наказуемое поведение’ (11) и *ausländische Straftäter* ‘иностранные преступники’ (12). С целью

---

¹⁵ Schon wieder Randle in Thüringer Asylheim – Staatsschutz ermittelt! URL: <https://afdkompakt.de/2020/03/18/schon-wieder-randle-in-thueringer-asylheim-staatsschutz-ermittelt/> (accessed: 24.07.2020).

¹⁶ AfD. Op. cit.

усиления эмоционального эффекта на адресата используются восклицательные предложения.

Тактика иллюстрирования отрицательного КС убеждения отражает как свершившиеся события, так и потенциально возможные:

(13) *Während des Prozesses lachte er mehrfach. Sabri H. zeigte keinerlei Reue. Sein Kommentar zu der schrecklichen Tat: "Das ist passiert, das ist das Leben"*¹⁷.

В приведенном контексте (13) демонстрируется варварство мигрантов на примере поведения на суде беженца из Сирии, убившего гражданина Германии. Экспрессивность описания достигается использованием положительно коннотированной лексемы *lachen* 'смеяться', усиленной наречием *mehrfach* 'множественно' для описания трагической ситуации, в то время как лексема *Reue* 'раскаяние' отрицается с помощью наречия *keinerlei* 'нисколько', антонимичного слову *mehrfach*. Негативный образ дополняет сочетание *schreckliche Tat* 'ужасное преступление', в котором существительное с семой «противоправность» подчеркивается пейоративным эпитетом.

В заключение следует отметить, что протестный правопопулистский дискурс является составной частью политического дискурса и обладает такими характеристиками последнего, как статусная ориентированность, гибридность канала трансляции информации, а также полифункциональность. Протестный правопопулистский дискурс АдГ ориентирован на сохранение политических и культурных ценностей народа, его национальной идентичности посредством различных КС и КТ. Проведенный анализ показал, что при освещении миграционного кризиса АдГ придерживается стратегий самопрезентации, удержания власти, убеждения и борьбы за власть. В их реализации наблюдаются следующие особенности: аксиологическая наполненность высказываний, которая проявляется в наличии лексических единиц, транслирующих ценностные установки партии; использование разнообразных отрицательно и положительно коннотированных слов и словосочетаний для создания оппозиции «свой – чужой»; преимущество средств эмоционального воздействия над средствами аргументации. Говоря о коммуникативном поведении АдГ в целом, следует отметить его преимущественно манипулятивный и нередко агрессивный характер высказываний, высокую степень эмоциональности, которая выражается в средствах образности, эмоционально окрашенной лексике и экспрессивном синтаксисе с большим количеством восклицательных предложений. Высказывания во всех стратегиях обладают интертекстуальностью, так как содержат отсылки к различным прецедентным феноменам.

---

¹⁷ Syrer prügelt Deutschen tot ... Op. cit.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голоднов А.В.* Персуазивная коммуникация: стратегии и тактики воздействия (на материале современной немецкоязычной рекламы). СПб., 2010.
2. *Едличко А.И.* Язык Третьего рейха и тенденции его проявления в современном немецком протестном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 80–92.
3. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
4. *Паршина О.Н.* Российская политическая речь: Теория и практика. М., 2007.
5. *Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н.* История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М., 2014.
6. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000.
7. *Klein J.* Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache der Politik // A. Gardt, U. Fix, J. Knape (Hgg.) Rhetorik und Stilistik. Rhetoric and Stylistics. Berlin: de Gruyter, 2009. S. 2112–2131.
8. *Niehr T.* Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014.

Anzhela I. Edlichko, Stanislava V. Tokareva

THE REFLECTION OF THE MIGRANT CRISIS IN THE PROTEST RIGHT-WING POPULIST DISCOURSE OF TODAY'S GERMANY: STRATEGIC AND TACTICAL LEVELS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the analysis of communication strategies and tactics in the right-wing populist German discourse of today's Germany when covering the problem of migration. The aim of the work is to identify the features of the communicative behavior of the representatives of this discourse at the tactical and strategic levels. The relevance of this study is conditioned, on the one hand, by the active development of the current political protest movement in German-speaking countries, as well as the formation of right-wing populist discourse and, on the other hand, by an insufficient degree of study of its communicative characteristics. The work reveals the concepts of communicative strategies and tactics, studies the specifics of the most characteristic strategies and tactics, lexical and grammatical categories. The attention is drawn to the expressiveness and predominantly pejorative connotation of speech means used in the implementation of the identified strategies and tactics, which are illustrated by examples from the texts of the Alternative for Germany (AfD) party. The authors come to the conclusion that the basic strategies of political discourse (self-presentation, struggle for power, retention of power and persuasion) are implemented in the framework of the migration crisis coverage, while only a limited number of tactics are used.

Key words: right-wing populist discourse; Germany; Alternative for Germany (AfD); migration; strategies; tactics.

About the author: *Anzhela I. Edlichko* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Lan-

guages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ang299@yandex.ru); *Stanislava V. Tokareva* – Postgraduate Student at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: stanislava.tokareva@yandex.ru).

REFERENCES

1. Golodnov A.V. 2010. *Persuazivnaya kommunikaciya: strategii i taktiki vozdejstviya (na materiale sovremennoj nemeckoyazyčnoj reklamy)* [Persuasive Communication: Strategies and Tactics (Based on Modern German Advertising)]. Saint-Petersburg, Asterion Publ. (In Russ.)
2. Edlichko A.I. 2015. *Yazyk Tret'ego rejha i tendencii ego proyavleniya v sovremennom nemeckom protestnom diskurse* [The Language of the Third Reich and its Manifestations in Modern German Protest Discourse]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 80–92. (In Russ.)
3. Issers O.S. 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moscow, LKI Publ. (In Russ.)
4. Parshina O.N. 2007. *Rossijskaya politicheskaya rech': Teoriya i praktika* [Russian Political Speech: Theory and Practice]. Moscow, LKI Publ. (In Russ.)
5. Chernyavskaya V.E., Molodychenko E.N. 2014. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskij obraz "svoih" i "chuzhih"* [History in the Political Discourse: "We/They" Opposition]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)
6. Shejgal E.I. 2000. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. (In Russ.)
7. Klein J. 2009. Rhetorisch-stilistische Eigenschaften der Sprache der Politik. *Rhetorik und Stilistik. Rhetoric and Stylistics* / A. Gardt, U. Fix, J. Knape (Hgg.). Berlin, de Gruyter. S. 2112–2131.
8. Niehr T. 2014. *Einführung in die Politolinguistik. Gegenstände und Methoden*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

А.В. Павловская

«РОСТБИФ СТАРОЙ АНГЛИИ»: МЯСО КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БРИТАНЦЕВ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена проблемам национальной идентичности, обострившимся в эпоху международной культурной глобализации. Одним из важнейших факторов, объединяющим нации и народы, сегодня является традиционная национальная пища. На фоне все нарастающих тенденций глобализации в сфере культуры в последние годы наблюдается своеобразный подъем «гастрономического национализма» в отдельных странах и регионах, как своего рода вызов культурной унификации современности. Пища нередко становится как важнейшим национальным стереотипом для внешнего мира, так и национальным объединителем для самих носителей той или иной культуры. Для жителей Великобритании такого рода национальным символом стали говядина и ростбиф, играющие важную роль как в представлениях иностранцев о британцах, так и как национальный символ для самих жителей Британских островов, в первую очередь англичан. В статье на широком культурологическом материале и на протяжении длительного периода – от доисторических времен до дня сегодняшнего – рассматривается история становления говядины в качестве национального символа английского народа. Привлекаются самые разнообразные историко-культурные источники информации: исторические и статистические данные, фольклор, английские дневники и мемуары, записки иностранцев о стране, художественная литература и изобразительные материалы, пресса, кулинарные книги, материалы интернета. Рассматриваемая проблема имеет важное значение как часть региональных исследований, ибо вопросы идентичности, как и анализ факторов ее формирующих, является ключевыми в регионоведении.

Ключевые слова: национальная идентичность; традиции питания; стереотипы; культура Великобритании; глобализация; история еды.

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований, факультет иностранных языков и регионоведения, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: annapavl@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Неисповедимы пути национальной идентичности. Несколько лет назад британская газета Daily Mail, одна из самых массовых в стране (2-е место по тиражу), провела широкомасштабный опрос среди своих читателей и выявила «50 вещей, которые любят англичане». На первом месте неожиданно для всех оказался скромный сэндвич с беконом, на втором жареное мясо, на третьем чашка чая. В первую десятку также попали «фиш энд чипс» и йоркширский пудинг. Для сравнения: королеве удалось «занять» 15 место, а Шекспир, Джеймс Бонд, Гарри Поттер и футбол не попали даже в первую тридцатку!² Наглядная иллюстрация того, что в эпоху глобализации именно пища частенько является национальным объединителем [Молчанова, 2013; Раевская, Киселева, 2015; Борисова, 2019; Загряжкина, 2011].

Хорошо известно, что пищевые привычки часто становятся национальными стереотипами, перерастающими в прозвища: итальянцев презрительно называют «макаронниками», французов – «лягушатниками», а вот англичан в Европе называют «бифи» (bif или bife), «говядниками» и уже давно³. И небезосновательно. Говядина стала не просто пищей, но и символом английской нации как для внешнего мира, так и для своей самоидентификации. Об этом и пойдет речь в статье.

Уже первые описания образа жизни жителей британских островов, постоянно упоминая крупный рогатый скот. Юлий Цезарь, высадившийся в Британии в середине I в. до н.э., оставил одну из наиболее ранних развернутых характеристик местных жителей. Он их разделил на две группы – «туземцев», которые «питаются молоком и мясом и одеваются в шкуры», а также не сеют хлеба, т.е. скотоводов, и приморских выходцев из Бельгии, земледельцев, чье хозяйство похоже на галльское, у них тоже «скота очень много»⁴. Отметим также, что галлы славились своей склонностью к разведению свиней и слабостью к их мясу, что не попало в поле зрения великого полководца, но было отмечено многими другими авторами. Так, с древнейших времен, говядина и свинина на равных царили на столе жителей Британских островов.

Коровы и быки нередко фигурирует в мифах и легендах Британских островов. Средневековая валлийская легенда, уходящая корнями вглубь времен, рассказывает о легендарном правителе корну-

² Bacon butties, roast dinners and a cuppa: 50 things we love best about Britain show we're a nation of food lovers // Daily Mail, 3 February 2012. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2095973/50-things-love-best-Britain-nation-food-lovers.html> (accessed: 01.06.20).

³ Why do the French call the British 'the roast beefs'? // BBC News. 3 April 2003. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/2913151.stm (accessed: 24.08.2020).

⁴ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне. М., 1948. С. 95–96.

олльских земель Герайнте, сыне Эрбина, который упоминается и в цикле о Короле Артуре, и в Триадах острова Британии, его реальное правление относят к V в. Однажды волею судеб он оказался в старинном замке, где встретил разорившегося бывшего правителя окрестных земель. Желая принять рыцаря, хозяин отправил в город красавицу-дочь, чтобы она принесла «все лучшие яства и напитки, что найдешь там». Вскоре она вернулась в сопровождении слуги, несущего кувшин с медом и телячью ногу; она же несла ковригу хлеба и сладкие булочки. «Мне не удалось достать ничего лучше, – пожаловалась она, – никто уже не дает нам в долг». – «Что ж, этого вполне достаточно», – сказал Герайнт, и они стали ждать, когда сварится мясо⁵. Телятина здесь праздничное блюдо, но «не дотягивает» до высокого уровня рыцаря. И ее варят, как это было принято делать с говядиной практически всегда, вплоть до нового времени. Справедливости ради отметим, что свиньи, как миф и как пища, в валлийских легендах занимают больше места, чем мясо быков, на которых пахали, и коров, которых доили.

С древнейших времен на землях Британских островов предпочитали два вида мяса – говядину и свинину. Шотландцы в большей степени предпочитали первое, ирландцы – второе. Англичане же с уважением относились к обоим видам мясной пищи, хотя здесь были свои особенности. Свинина, вместе со всеми беконами и ветчинами, всегда была любимой повседневной пищей как богатых, так и бедных. Говядина во все времена ценилась высоко (в отличие от остальной Европы), однако все-таки была большей редкостью, ее преимущественно ели люди состоятельные или жители городов, хотя и в деревенских похлебках она встречалась. А со временем говядина стала своего рода пищевым символом страны, предметом национальной гордости.

Долгое время слово “mete” означало пищу вообще, в значении «мясо животных» его используют с XIV в., при этом оба значения существуют параллельно: “grene-mete”, «зеленое мясо» это овощи, а “white-mete”, «белое мясо», молоко⁶. В более поздний период слово «мясо» без указания животного чаще всего означало говядину, реже свинину.

Отличительной чертой английской пищевой культуры была вообще склонность к значительному по количеству потреблению мяса, причем в самые разные эпохи, что редкость в земледельческой традиции. Да, похлебки, каши и хлеб заняли свое ключевое место на столе жителей островов. Но не вытеснили с него мясную пищу. Было

⁵ Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. М., 1995.

⁶ Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/word/meat> (accessed: 22.08.2020).

ли это наследие былой пастушеской жизни, воспоминание о которой сохранилось дольше, чем у других народов? Сказался ли присущий культурной традиции консерватизм? Обеспечило ли подобную возможность историческое развитие страны и размер острова, позволявшего наладить продажу продуктов питания, в том числе и мяса, повсеместно, включая сельскую местность? Сейчас сказать трудно. Однако это свидетельствует о той большой роли, которую вкусы (в прямом, пищевом смысле) народов играли в формировании их гастрономической традиции: отказ от регулярного употребления мяса у других народов происходил не вынужденно, а в силу предпочтений.

В английском королевском сборнике кулинарных рецептов XIV в. “The Forme of Cur” («Способы приготовления еды») говядина упоминается многократно, в первую очередь как основа для бульона, а также похлебки из потрохов. Предлагаются и блюда из говяжьего языка, блюдо популярное в высшем обществе. Часто встречается телятина, всегда вареная (в сборнике вообще практически нет упоминаний о жарке мяса), которую подают в бульоне, который называют соусом. Например, «телятина в желто-зеленом соусе» представляла собой вареные куски мяса, к которым в бульон добавляли шафран и точеную петрушку (отсюда и цвет), а также вино и уксус для вкуса. Загущали такой «соус», как правило, растертым белым хлебом.

Мясо часто использовали в пирогах. Вот рецепт пирожков с телятиной из сборника XIV в.: «Возьми вареную телятину и мелко ее источи. Возьми сваренные вкрутую и источенные яйца, добавь чернослив, финики, кедровые орешки (пинии), специи, сахар и соль, смешай с толченым мясом. Положи в маленькие корзиночки из теста, закрой тестом же и запекай». Сладости часто добавляли в мясной фарш, это считалось признаком высокого вкуса. Рецепт этих пирожков разъясняет загадку названия одного из рождественских блюд, доживших до наших дней: маленькие пирожки в форме корзиночек с начинкой из размолотых сухофруктов и орехов и сегодня называют “mincemeat pie”, буквально «пирожки с молотым мясом», вот только мясо сегодня в них уже не добавляют.

Исследователи королевского кулинарного сборника, фактически первого в Англии, часто сетуют на отсутствие описаний больших жареных кусков мяса, а то и животных целиком на вертеле, с которыми ассоциируется средневековая кухня знати, тем более королевского двора. Делается вывод, что в то время такого рода практики приготовления мяса в Англии не существовало. Во-первых, одного сборника рецептов недостаточно для столь глобальных выводов. А во-вторых, иллюстрированные манускрипты, относящиеся к тому

же периоду или чуть более позднему как созданные в Англии, так и во Фламандии для английских заказчиков, включают картинки, на которых мясо жарится на большом вертеле на углях⁷. Повара чем-то поливают его из большой ложки, крутят вертел или просто наблюдают, чтобы не подгорело. Правда, мясо это как правило либо большие птицы, либо поросенок, либо баран, однако ни один вид жарки на вертеле в “The Forme of Cury” не попал, вероятно, сам способ был настолько стар и традиционен, что не нуждался в записи в книгу рецептов⁸.

Статистика свидетельствует о том, что в Средние века в Англии аристократы предпочитали говядину, она составляла более 70% мяса, подаваемого на стол, остальное, как правило, отводилось свинине⁹. Однако говядину ели и в других слоях общества. В «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера, созданных в те же годы, что и сборник королевских рецептов, купец говорит о том, что «предпочтет телятины кусок Куску говядины» (правда, иносказательно). А в поэме его современника Уильяма Лэнгленда о Петре-Пахаре избаловавшиеся рабочие требовали только «свежеизготовленного мяса или рыбы, изжаренных или испеченных»¹⁰.

Во времена Шекспира говядина – уже символ английской нации. В его исторической драме «Генрих V» французы говорят об английских солдатах: «Эти люди сильно смахивают на бульдогов. Они лезут напролом, оставив разум вместе с женами дома. Дайте им хороший кусок говядины да добрый меч в руки, – и они будут жрать, как волки, и драться, как дьяволы»¹¹. Поражение же английской армии при Генрихе VI французы приписывают отсутствию говядины: «Им худо без похлебки и без мяса»¹². В оригинале «мясо» звучит как «жирное мясо быков» (“fat bull-beeves”). Нет сомнения, что Шекспир обыгрывал уже существовавшие в то время стереотипы.

В его произведениях говядина предстает и в других ипостасях. Например, как мясо простых людей. В комедии «Укрощение строптивой» медник-пьяница из вводной части говорит: «не зовите меня ни вашей милостью, ни вашей честью. Хересу я отродясь не пил, а если вы мне компот хотите дать, то дайте компот из говядины».

⁷ Bedford Hours (1410–1430); Luttrell Psalter (1320–1340); Romance of Alexander (1338–1344); The Maastricht Hours (XIV c.).

⁸ The Forme of Cury. By Samuel Pegge. Forgotten Books, 2008. Использовался также перевод Крыжановского С.В. с сайта URL: <http://medievalcooking.com/texts/tfoc.html> (accessed: 12.06.20).

⁹ Food in Medieval England. Oxford University press, 2006. P. 93.

¹⁰ Ленгленд У. Видение Уильяма о Петре Пахаре. Л., 1941. С. 247.

¹¹ Шекспир В. Генрих V. Перевод Е. Бирюковой // Полн. собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М., 1959.

¹² Шекспир В. Генрих VI. Перевод Е. Бирюковой // Там же. Т. 1. М., 1959.

А Петруччо, «укрошая» жену Катарину, морит ее голодом. Его слуга предлагает самые простые блюда, на которые она, голодная, соглашается (он же отказывает ей под тем предлогом, что они ее недостойны). Среди них: телячьи ножки, «жирненькие рубцы», говядина с горчицей¹³.

Наконец, у Шекспира же мы сталкиваемся с неожиданным значением слова «говядина». В «Двенадцатой ночи» Сэр Эндрю Эгьючийк заявляет: «Иногда мне кажется, что у меня не больше ума, чем у любого христианина или обыкновенного человека. Но я великий едок говядины и полагаю, что это вредит моему уму»¹⁴). В трагедии «Троил и Крессида» персонажи обзывают друг друга «ублюдок с телячьими мозгами!» и «тухлая говядина!»¹⁵ В знаменитом словаре английского языка Сэмюэла Джонсона XVIII в. находим выражение “beef-witted” в значении «глупый, скучный»¹⁶. Происхождение этого выражения трудно объяснить, однако, как видим, оно оказалось довольно устойчивым.

Говядина становится знаком «английскости» как внутри страны, так и вне ее, неотъемлемой принадлежностью «старой доброй Англии». Эксцентричная путешественница Леди Мэри Уортли-Монтегю, автор писем из Османской Турции, где она находилась с мужем-дипломатом в начале XVIII в., в одном из писем иронизировала над «честным английским эскавайером», который искренне считает, что только в «Старой доброй Англии» можно получать удовольствие от жизни, твердо знает, что самые изысканные вина Греции хуже английского пива, а мясные деликатесы Италии не столь вкусны, как говяжий стейк¹⁷.

Закрепил позиции говядины, как символа английского мира, да еще и в конкретной форме ростбифа, знаменитый английский писатель и драматург первой половины XVIII века Генри Филдинг. В его шуточной пьесе «Опера Граб-стрита, или у жены под башмаком» (“Grub-Street Opera”) хорошенькая кухарка поет:

Когда ростбиф был главной английской едой,
Благороден был сердцем придворный седой,
Храбрецом и героем солдат молодой.
О наш ростбиф английский,
Старый ростбиф!

---

¹³ Шекспир В. Укрощение строптивой / Пер. М. Кузмина М., 1990.

¹⁴ Шекспир В. Двенадцатая ночь / Пер. М.Л. Лозинского // Там же. Т. 1. М.; Л., 1937.

¹⁵ Шекспир В. Троил и Крессида / Пер. Т. Гнедич // Там же. Т. 5. М., 1959.

¹⁶ A Dictionary of the English Language. In 2 v-s. Vol. 1. L., 1785.

¹⁷ The Letters and Works of Lady Mary Wortley Montagu. In 2 volumes. L., 1861. V. 1. P. 401-402

Но с тех пор, как с французов мы взяли пример,
Пляшем, варим рагу на французский манер,
Стали наши мужчины галантны сверх мер.
О наш ростбиф английский,
Старый ростбиф!¹⁸

(Пер. Ю. Кагарлицкого)

В переводе песня теряет не только количество куплетов, но и пафос. Пропало, например, начало, где «могучий ростбиф “облагораживал наши мозги и обогащал кровь”» и многое другое. Собственно, знаменитый писатель славился своим юмором и едкой иронией, что относится и ко вздохам о «старой могучей Англии», и к современному ему поколению «малоежек». Но сила таланта столь велика, что шутивая песенка приобрела статус чуть ли неофициального гимна, тем более что английский композитор Р. Леверидж вскоре сочинил для нее вполне помпезную музыку. В театрах ее исполняли перед началом новых постановок. Валлийцы и ирландцы откликнулись сочинением патриотических гимнов, чтобы «ослабить хватку *Ростбифа Старой Англии*». Песню до сих пор исполняют во время торжественных обедов Королевского военно-морского флота Великобритании, Королевского полка артиллерии и Корпуса морской пехоты США. А моряки считают чуть ли не народной песней¹⁹.

Визуализировал идею знаменитый английский художник XVIII в. Уильям Хогарт, создавший картину «Ворота Кале или О, Ростбиф Старой Англии». Противостояние с «худосочными» французами реализовалось здесь во всей красе. Действие происходит во Франции. В центре картины повар, несущий кусок превосходной говядины, такой огромный, что повар согнулся под его тяжестью. Мясо предназначено для английской таверны «Серебряный лев». Францисканский священник жадно щупает жирное мясо. Тощие французские солдаты едят жидкую похлебку и с восторгом, и завистью смотрят на говядину. На переднем плане шотландский беженец (после якобитского восстания 1745 г.) печально отвернулся, перед ним кусок хлеба и сырая луковица. Торжество мяса, можно назвать эту картину, быстро ставшую знаменитой в стране.

Наконец, примерно к этому же времени относится появление «Джона Буля», впервые описанного в серии памфлетов английского публициста Джона Арбетнота, которые были собраны им в книгу «История Джона Буля» [Arbuthnot, 2008]. Надо ли говорить, что английские персонажи в книге хранят верность говядине (часто

¹⁸ *Фильдинг Г.* Опера Граб-стрита, или У жены под башмаком // Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1954.

¹⁹ Romanticism in National Context. Cambridge University Press, 1988. P. 13; Footlights // The New York Times. 2001. January 7.

вкупе с элем), этим определяется их патриотизм. Сама его фамилия “Bull” – говорящая, означает «бык». Неожиданно для автора его персонаж стал своего рода персонификацией типичного англичанина, позднее часто изображаемого в карикатурах за поеданием кровавого ростбифа.

Как уже упоминалось народам часто приписывают любовь к тем или иным блюдам, нередко они становятся и их прозвищами, и национальными символами той или иной страны. В той же песне Генри Филдинг кухарка поет еще одну шутливую песенку²⁰:

Ирландец ест картошку,
Француз по рагу тоскует,
Итальянец ест макароны,
Голландец – траву морскую,
Шотландец – башку баранью,
Валлиец питается сыром, сэр,
И ростбифом англичанин
Хвалится перед миром, сэр!
И если разрежу говяжий филей,
Пусть дьявол меня заберет поскорей!

(Кухарка отказывается отрезать кусок от большого ростбифа, чтобы спрятать на следующий день, как ей велит экономная хозяйка). Уже в то время во французский язык вошло ругательство “ros-bif” – «ростбифники», так стали называть англичан, в Португалии просто “bife” – «говядники». В середине XIX в. известный английский писатель Уильям Теккерей использует подобную кличку в своем романе «Виргинцы»²¹. «Если бы не мой белый мундир и кокарда, сказал он, я бы разделил судьбу других каналов из страны ростбифов, вполне ими заслуженную», – восклицает один из персонажей; в оригинале это звучит проще – «каналы Ростбифы».

В записках путешественников и иностранных публицистов Англии и говядина неразрывны, что вполне закономерно. Неожиданным оказывается позитивный настрой по этому вопросу у иностранцев, традиционно считающих английскую кухню недостойной внимания. А вот английской говядине отдают должное даже извечные антагонисты англичан французы. Интересно, что если сейчас англичан часто упрекают в том, что они пережаривают мясо, готовят “well-done” («хорошо прожаренный»), в XVIII–XIX вв. Англия славилась приготовлением своей говядины «с кровью», отличаясь этим от Франции и других стран. «Хорошо выдержанные, поджаренные на английский манер, то есть впросырь... – восхищается Александр

---

²⁰ Филдинг Г. Указ. соч.

²¹ Теккерей У.М. Виргинцы // Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1979.

Гримо, французский аристократ и гурман первой половины XIX в., – эти [бычьи] филеи в начале года более всего достойны быть поданными на жаркое компании многолюдной и оголодавшей». И далее: «Если же вы нарежете тонкими ломтиками внутреннюю вырезку и, поджарив несколько мгновений на решетке, положите на подогретое блюдо, добавив в качестве единственной приправы свежайшее коровье масло, смятое с душистыми травами, а в качестве единственного украшения – целные розовые картофелины, сдобренные коровьим же маслом, то вы получите кушанье, известное у англичан под названием *beef's teak* [так в оригинале. – А.П.]: в Англии кушанье это, ради которого стоит пересечь Ла-Манш, составляет основу обеда...» Такое замечание в устах француза дорогого стоит, даже если он и не преминул далее отметить, что английская говядина «слишком жирна, чтобы быть по-настоящему питательной; живот ею набить можно, а вот насытиться нелегко»²².

Проявил снисходительность и другой француз, великий не только писатель, но и кулинар-гурман Александр Дюма: «Я помню, что видел, как бифштекс появился во Франции после войны в 1815 г., когда англичане два или три года оставались в Париже. До тех пор наши кухни были так же различны, как наши взгляды и убеждения. Так что не без некоторого опасения наблюдали мы за тем, как бифштекс потихоньку старался поселиться в наших кухнях... Однако кое-что всегда отличает бифштекс французский от английского». И удивительным образом Дюма считает английский бифштекс лучше! «Правильные» бифштексы «надо есть в английских тавернах, где их подают слегка обжаренными в мадере или с анчоусным маслом или на листьях кресс-салата, хорошо политых уксусом», «чтобы в этом убедиться, каждый раз, когда я езжу в Англию, я ем бифштекс с удовольствием». Восхищается Дюма и английскими ростбифами: «Ничто не сравнится с этими четвертями туш, зажаренными целиком, которые перевозят в маленьких вагончиках по железным дорогам на расстояния, отделяющие друг от друга заведомо английских таверн. По части возбуждения аппетита ничто не сравнится с этими кусками говядины, столь ценными и толстым, и тонким, которые можно отрезать, как захочется, от огромной части туши весом в сотню ливров...» В предлагаемом им самим французском рецепте ростбиф... варится. И все-таки завершает свой гимн английским бифштексам великий писатель небольшой «ложкой дегтя»: «Чего совершенно нет в английской кухне, так это хороших соусов»²³.

²² Гримо де ла Реньер А. Альманах гурманов. М., 2014. С. 75, 78–80.

²³ Дюма А. Большой кулинарный словарь. М., 2006. С. 116–117, 179 (рецепт вареного ростбифа).

Русский адмирал П.В. Чичагов в молодости учился в морской школе в Англии (в 1790-е). Известный англофил, он не только женился на англичанке, а в старости получил английское гражданство, но и восхищался английской кухней: «Однако при первом же обеде я попал впросак. Когда на стол подали пастет, и мне поднесли большую порцию, а он был с бифштексом, и я нашел его отменным, то не желая показаться обжорливым и съесть всю порцию, я приберег себя для других блюд, намереваясь поближе познакомиться с английской кухней, но хозяйка школы заметила, что я слишком мало ем, и затем встали изо стола. Впоследствии я узнал, что существует обычай подавать подобный пирог каждую субботу, а в остальные дни недели обед состоял из превосходного говяжьего блюда, ежедневно сменяемого, затем из овощей и пудинга. Никогда в жизни моей не бывал я так здоров»²⁴.

Несколько более сложные отношения сложились с английской кухней у русского писателя И.А. Гончарова, путешествовавшего вокруг света в середине XIX в. на знаменитом (во многом, благодаря писателю) фрегате Паллада. В своих великолепных заметках о путешествии, наполненных бытовыми деталями, писатель дает разностороннюю картину жизни разных народов. Начиная описание Англии, он приводит распространенные в мире шуточные стереотипы: «Англия страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырым мясом, запивая его спиртом; говорят гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полям и лесам, а летом собираются в кучу; они угрюмы, молчаливы, мало общительны»²⁵. Знакомство с английской кухней началось для Гончарова в Англии, а затем продолжилось в английских колониях, которые он посетил – на мысе Доброй Надежды, в Шанхае, где моряки питались либо в гостях у англичан, либо в английских же гостиницах.

В целом, отдавая должное отличному качеству английской говядины и способу приготовления («все почти подаются *au naturel*, с приправой только овощей»), писатель считает саму такую пищу слишком тяжелой («тяжеловато, грубовато, а, впрочем, очень хорошо и дешево: был бы здоровый желудок») и постоянно жалуется на обилие мяса в английской кухне. Для любителя «щей да каши» это явный перебор.

Жалобы на мясные излишества проходят через всю книгу воспоминаний. В Портсмуте, во время проживания на старом английском корабле: завтрак, состоявший «из горы мяса, картофеля и овощей, то есть тяжелый обед». Обед на мысе Доброй Надежды в

---

²⁴ Записки адмирала Павла Васильевича Чичагова. М., 2002. С. 548.

²⁵ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. С. 34, 38, 47, 43, 114, 328, 331.

компании английских друзей: «Ричард снял крышку с другого блюда: там задымился кусок ростбифа. Я трогал его длинным и, как бритва, острым ножом то с той, то с другой стороны, стал резать, и нож ушел в глубину до половины куска. «Не портьте куска, – сказал мне барон, млея перед этой горой мяса, – надо резать искусно». Я передвинул блюдо к доктору, и тот с уменьем, тонкими ломтями, начал отделять мясо и раскладывать по тарелкам». Ужин в английской гостинице на мысе Доброй Надежды: «Ужин, благодаря двойным стараниям Бена и барона, был если не отличный, то обильный. Ростбиф, бифштекс, ветчина, куры, утки, баранина, с приправой горчиц, перцев, сой, пикулей и других отрав, которые страшно употребить и наружно, в виде пластырей, и которые англичане принимают внутрь, совсем загромождали стол, так что виноград, фиги и миндаль стояли на особом столе».

Не изменилась ситуация и в Шанхае, где Гончаров чрезвычайно интересовался местной едой, но так ни разу ее не попробовал. Раздражение на английскую кухню у писателя все нарастало. На завтраке в гостинице: «В столовой накрыт стол человек на двадцать. Перед одним дымится кусок ростбифа, перед другим стоит яичница с ветчиной, там сосиски, жареная баранина; после всего уж подадут вам чаю. Это англичане называют завтракать. Позавтракаешь – и хоть опять ложиться спать». В результате неизбежный вывод: «Оставляю, кому угодно, опровергать это: англичане в деле гастрономии – не авторитет».

Даже юные дамы питаются исключительно мясной пищей. Гончаров галантно замечает, что английские женщины «прекрасны, стройны, с удивительным цветом лица, несмотря на то что едят много мяса, пряностей и пьют крепкие вина»²⁶. Отметим, что на эту тему высказывался и британец Б. Шоу: «Вы сравниваете ее с вашими англичанками, которые уплетают мясо по пять раз в день, и, понятное дело, она вам кажется сильфидой»²⁷.

Богатая английская литература и многочисленные мемуары XVII–XX вв. полнятся блюдами из говядины. Гулливер и в стране лилипутов, и в стране великанов имеет одинаковый рацион. В первом случае он отметил, что их «говядина превосходна»: «Раз мне достался такой огромный кусок филея, что пришлось разрезать его на три части, но это исключительный случай. Слуги бывали очень изумлены, видя, что я ем говядину с костями, как у нас едят жаворонков». Среди великанов говядину едят все. Фермер, у которого сначала оказался герой: «Был полдень, и слуга подал обед, который

---

²⁶ Гончаров И.А. Фрегат «Паллада». Л., 1986. С. 34, 38, 47, 43, 114, 328, 331.

²⁷ Шоу Б. Другой остров Джона Булля // Полн. собр. пьес: В 6 т. Т. 2. Л., 1979.

состоял... только из одного большого куска говядины на блюде около двадцати четырех футов в диаметре... Фермерша отрезала ломтик говядины, накрошила хлеба на тарелку и поставила ее передо мною. И королева: «Ее величество имела обыкновение собственноручно класть мне на блюдо кусок говядины». Сама же королева «брала в рот сразу такой кусок, который насытил бы дюжину английских фермеров»²⁸.

В записках знаменитого мемуариста, чиновника морского ведомства времен Карла II и Якова II Стюарта Сэмюэля Пипса говядина не сходит со страниц: в ресторане «Тюрбан» он угощает знакомых «отличным говяжьим филеом», дома с женой «отлично пообедал жареными говяжьими ребрышками и сладким пирогом», на веселые пикники, которые устраивал частенько, к вину и пиву всегда брали говяжьи языки, а в подарок к Рождеству от приятеля получил «большой кусок говядины и три дюжины языков». Все это усердно пережевалось свинными окороками, до которых Пипс также был большой охотник²⁹.

Рассуждая о суетности жизни и быстротечности времени Уильям Теккерей обращает свои мысли к ростбифу. «Хотелось бы мне знать, какому разумному человеку не нравится ростбиф только потому, что он не вечен? – Рассуждает писатель. – Это тоже суета; но дай бог каждому из моих читателей, хотя бы их было пятьсот тысяч, всю свою жизнь съесть в обед хорошую порцию ростбифа. Садитесь, джентльмены, не стесняйтесь, желаю вам приятного аппетита. Вот с жирком, вот попостнее, вот подливка, а не угодно ли и хрену – не церемоньтесь. Еще стаканчик винца, мой милый Джонс, еще кусочек понежнее! Будем досыта вкушать от всего суетного и будем благодарны за это!»³⁰

Во всех жизненных ситуациях, разных слоях общества и в любое время дня едят говядину герои Диккенса. Юный Дэвид Копперфилд, оказавшись один в Лондоне, если «обедал сытно, как следует, то покупал сильно наперченной сухой колбасы и на пенни хлеба или кусок кровавого ростбифа за четыре пенса». А однажды расхрабрившись заказал ту самую «модную говядину», которая была так популярна в Париже. Во время его учебы в пансионе жареная и вареная говядина ежедневно сменяли друг друга. На вечеринке у друзей он угощается жареной говядиной с почками. Ужин его частенько состоит из вареной говядины, вина и хлеба³¹.

²⁸ Свифт Д. Сказка бочки. Путешествия Гулливера. М., 1987.

²⁹ Пипс С. Домой, ужинать и в постель. Из дневника. М., 2010.

³⁰ Теккерей У.М. Ярмарка Тщеславия // Собр. соч.: В 12 т. Т. 4. М., 1975.

³¹ Диккенс Ч. Дэвид Копперфилд / Пер. с англ. А.В. Кривцовой и Е. Ланна. М., 2018.

Герой романа «Большие надежды», покидая родную деревню и начиная новую жизнь, мечтает помочь ее жителям выбраться из убогой жизни: «Я пообещал себе, что в скором времени что-нибудь для них сделаю, и мысленно набросал план действий, согласно которому каждый житель нашей деревни должен был получить от меня обед из ростбифа и плумпудинга, пинту эля и целый галлон благосклонности»³².

Перенесемся более чем на сто лет вперед, пропустив тома книг, наполненных сочными кусками говядины, кровавыми ростбифами и мясными похлебками, в более близкую эпоху. Англичане всегда любили создавать волшебные миры, чаще всего представлявшие собой квинтэссенцию английской же жизни. Один из самых недавних – мир Гарри Поттера, со всеми национальными атрибутами: школа-пансион со странным распорядком и правилами, понятными только англичанам, строгая социальная иерархия, загадочные игры и спорт, увлекающие только местных жителей. И едят они самую что ни на есть традиционную еду, молодое поколение надо воспитывать на незыблемых принципах. Вот меню приветственного обеда в Хогвартсе: «Гарри посмотрел на стол и замер от изумления. Стоявшие на столе тарелки были доверху наполнены едой. Гарри никогда не видел на одном столе так много своих любимых блюд: ростбиф, жареный цыпленок, свиные и бараньи отбивные, сосиски, бекон и стейки, вареная картошка, жареная картошка, чипсы, йоркширский пудинг, горох, морковь, мясные подливки, кетчуп и непонятно как и зачем здесь оказавшиеся мятные леденцы». В обычные дни в школе волшебников подают пирог с говядиной и почками, «изрядный ломоть бифштекса», «говядину, приготовленную в горшочках», ростбиф, «мясо, запеченное в тесте», «йоркширский пудинг из говядины с почками» (отметим, что очень популярный в Англии йоркширский пудинг является запеченным тестом, которое традиционно подают с ростбифом, чтобы макать в мясной соус)³³.

Если уж английская литература столь богата «говяжьей» темой, то что и говорить о кулинарных книгах, которых с каждым веком выходило все больше. В самом популярном собрании рецептов XVIII в. «Искусство приготовления пищи, сделанное простым и доступным», глава о приготовлении мяса открывает книгу, а говядина – главу. Такая структура позднее переходила из книги в книгу, утверждая статус мяса, как главной пищи, а говядины, как царицы среди остальных видов мяса. в книге говядину варят, тушат, запе-

³² Диккенс Ч. Большие надежды / Пер. М. Лорие. М., 1960.

³³ Ролинг Дж.К. Гарри Поттер и Философский Камень / Пер. И. Оранского. М., 2000; Ролинг Дж.К. Гарри Поттер и Кубок Огня / Пер. М. Литвиновой. М., 2002.

кают и жарят. Искусство жарки давалось нелегко: в одном рецепте бифштекс отбивают скалкой и «жарят» в полпинте эля. К мясу подавали и «кетчуп», рецепты которого также приводятся в книге, в то время его в основном делали на основе грибного бульона (в разделе для «капитанов» основа кетчупа крепкое пиво)³⁴.

Сто лет спустя знаменитая повариха Миссис Биитон доверительно сообщает, что «с древнейших времен Великобритания славилась своими превосходными породами скота». Она подробно рассказывает о разделке животных, более детальной, чем у других народов, каждая косточка, кусок мяса и хрящик имеют свое название. Из большого куска, который Биитон называет словом «барон» (“baron”), спинка с вырезкой вместе получается ростбиф – «знаменитое национальное блюдо англичан, подаваемое на праздниках и по случаю радости и веселья»³⁵.

Еще сто лет спустя журналистка и социолог Дороти Хартли написала необычную книгу «Еда в Англии», в которой история, материалы путешествий по стране и рецепты собраны вместе и дополняют друг друга. Она еще застала поколение, которое «своим образом жизни во многом было сходно с тюдоровским» и записала множество традиционных рецептов³⁶. В самом начале книги Хартли заявляет, что «английская кухня старомодна, потому что нам она такой нравится». Она восхищается говядиной, утверждает, что в отличие от баранины, она никогда не бывает «безвкусной», имеет «гораздо более ярко выраженные вкус и текстуру». Главный совет – «в целом, чем проще и незатейливее приготовление говядины, тем лучше». Эта патриотка английской кухни вспоминает, как в некоторых английских городках видела огромные вертела, на которых по праздникам жарили быка целиком. На его приготовление уходило до 12 часов, а вертел по очереди вращали жители городка. Писательница приводит старинную английскую поговорку: «Жена, стейк и ореховое дерево – чем больше их бьешь, тем они лучше» (в оригинале рифмуется)³⁷.

В ХХI в. возрождение гастрономического патриотизма в Великобритании началось в числе прочего и с популяризации английской говядины и блюд из нее. Статья в *The Guardian* об английской говядине открывается заявлением: «Ничто – ни крикет, ни флаг св. Георгия – не является столь “английским”, как говядина. Она веками была символом и предметом национальной гордости англичан».

³⁴ *The Art of Cookery made Plain and Easy*. L., 1747. P. 38, 101.

³⁵ *Beeton I. The Book of Household Management*. L., 1861. P. 658.

³⁶ *Worsley L. In Praise of Dorothy Hartley's Food in England // The Telegraph*. 2012. 5 Nov.

³⁷ *Hartley D. Food in England*. L., 1999. P. iii, 72–76.

Журналист обращает внимание на то, что Англия, очевидно, была первой страной, где с XV в. скот начали выращивать именно на мясо, а не только для получения молока и рабочей силы. И сегодня, по его мнению, «наша говядина безопасна и полезна для здоровья, как никогда», и хотя, возможно, ее потребляют меньше, чем 200 лет назад, но «наша любовь к хорошему ростбифу неизменна»³⁸.

Знаменитые британские повара неустанно пропагандируют блюда из мяса говядины, как незаменимые для английского стола. Джейми Оливер даже подвергается регулярным нападкам, в том числе физическим, со стороны британских веганов. На своем сайте он постоянно выкладывает рецепты традиционных мясных блюд. Статьям и рецептам «в поддержку» британской говядины нет числа, ее место даже в нынешней культуре, где «красное» мясо изгоняется со здорового стола, весьма значительно, если речь идет об Англии. Отметим, что вероятно значительное для Европы число вегетарианцев в Англии связано именно с реакцией на традиционную избыточность мяса на английском столе.

Своеобразным апофеозом мясной темы в английской культуре является описание Рождества в знаменитой «Рождественской песне» Чарлза Диккенса. «Дух нынешних Святок» окружен всеми видами английских вкусностей: «На полу огромной грудой, напоминающей трон, были сложены жареные индейки, гуси, куры, дичь, свиные окорока, большие куски говядины, молочные поросята, гирлянды сосисок, жареные пирожки, плумпудинги, бочонки с устрицами, горячие каштаны, румяные яблоки, сочные апельсины, ароматные груши, громадные пироги с ливером и дымящиеся чаши с пуншем, душистые пары которого стлались в воздухе, словно туман»³⁹. Это своего рода английская пищевая утопия, созданная гением великого писателя и близкая, и понятная каждому англичанину.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борисова И.З.* Блины / *crêpes* как маркер бретонской региональной идентичности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2019. № 4. С. 80–87.
2. *Загряжкина Т.Ю.* Французская национальная идентичность: миф или реальность? // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2011. № 1. С. 39–54.
3. *Молчанова Г.Г.* Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2013. № 2. С. 20–26.

---

³⁸ *Renton A.* English beef: a proud tradition // *The Guardian.* 2012. 5 Nov.

³⁹ *Диккенс Ч.* Рождественская песнь в прозе / Пер. Т. Озерской. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/d12.txt> (дата обращения: 15.08.2020).

4. Раевская М.М., Киселева Л.Н. Испанская гастрономическая традиция как элемент социокультурной идентичности. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 77–87.
5. *Arbuthnot J.* The History of John Bull. The Project Gutenberg EBook, 2008. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2643/2643-h/2643-h.htm> (accessed: 02.08.2020).

Anna V. Pavlovskaya

**“THE ROAST BEEF OF OLD ENGLAND”:
MEAT AS A FACTOR OF BRITISH NATIONAL IDENTITY⁴⁰**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on the issues of national identity, which have become exceptionally acute in the era of international cultural globalization. Traditional national food is one of the most important factors that unite nations. With globalization tendencies being intensified there has been a peculiar upsurge of gastronationalism in particular countries and regions as a challenge to the current process of cultural unification. Food frequently becomes not only the most important national stereotype, but also a national unifier for people belonging to one culture. Being of paramount importance in foreigner’s perception of the British and being a national symbol for people living on the British Isles, especially for the English, beef and roast beef have turned into such a national symbol of Great Britain. The article based on a wide range of sources of cultural studies pertaining to a large period from ancient to modern times studies the history of transformation of beef into a national symbol of the English. The author refers to various historical and cultural sources: historical and statistical data, folklore, English memoirs and diaries, travel notes of foreigners about England, fiction literature and images, the print media, cookery books and the Internet. The issue considered is of fundamental importance as a part of regional studies since the issues of identity and the factors of its formation are the key aspects of Area Studies.

Key words: national identity; food traditions; stereotypes; British culture; globalization; history of food.

About the author: *Anna V. Pavlovskaya* – PhD in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: annapavl@mail.ru).

REFERENCES

1. Borisova I.Z. 2019. Bliny / crêpes kak marker bretonskoi regional’noi identichnosti [Pancakes / crêpes as a marker of Breton regional identity]. *Moscow State Univer-*

---

⁴⁰ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

- sity Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 80–87. (In Russ.)
2. Zagryazkina T.Yu. 2011. Frantsuzskaya natsional'naya identichnost': mif ili real'nost'? [The French national identity: a myth or a reality?] *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 39–54. (In Russ.)
  3. Molchanova G.G. 2013. Traditsii gastiki kak otrazhenie natsional'noi i regional'noi identichnosti [Gastic traditions as a reflection of national and regional identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 20–26. (In Russ.)
  4. Raevskaya M.M., Kiseleva L.N. 2015. Ispanskaya gastronomicheskaya traditsiya kak element sotsiokul'turnoi identichnosti [The Spanish gastronomic tradition as an element of socio-cultural identity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 77–87. (In Russ.)
  5. Arbuthnot J. 2008. *The History of John Bull*. The Project Gutenberg EBook. URL: <https://www.gutenberg.org/files/2643/2643-h/2643-h.htm> (accessed: 02.08.2020).

И.В. Моклецова

**СВОЕОБРАЗИЕ ЖАНРОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АНДРЕЯ Н. МУРАВЬЕВА
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Предметом данного исследования стала та часть творческого наследия А.Н. Муравьева, которая ранее не была предметом изучения в культурологических и филологических работах, а именно образцы дипломатических материалов (письма, служебные аналитико-исторические записки). Данное творчество рассматривается в статье как одно из направлений русского романтизма, в изучении которого отечественная наука накопила большой опыт. Проблемой реализации творческого потенциала художника в образцах деловой письменности ранее гуманитарии не занимались, новаторская постановка проблематики данной работы состоит в том, что в ней впервые прослеживается формирование стилистических особенностей служебной переписки Муравьева, выявляется своеобразие жанровой природы этих образцов деловой письменности в его творчестве. Новизна работы состоит в том, что впервые жанровая и стилистическая творческие составляющие рассматривается как основные в реализации авторского замысла с целью показать духовные ценности русского народа, защитить православное присутствие на Востоке. В статье используются сравнительно-исторический, системно-типологический, историко-функциональный методы, позволяющие комплексно рассмотреть сложное историко-культурное и литературное явление. Результаты работы свидетельствуют о том, что в выбранных для анализа произведениях («Записка о спасении древнего Херсониса», переписка с графом М.В. Воронцовым-Дашковым от 1847 г., «Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах»), Муравьев остается в рамках православного философско-религиозного мировоззрения и романтической эстетики 1820–1830-х годов. Актуальность изучения целостного миропонимания художника неизмеримо возросла в последние десятилетия, в силу чего результаты исследования могут быть использованы в курсах лекций по культурологии, русской классической литературе в высшей и средней школе, на семинарских и практических занятиях. Статья обращена ко всем, кого интересуют проблемы русской духовности, культурных и цивилизационных особенностей русского мира, дипломатической письменной культуры и художественной литературы.

Моклецова Ирина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: imokletsovamsu@mail.ru).

Ключевые слова: аксиология; история русской литературы; дипломатическая письменная культура; русская духовная культура; поэтика; жанр; жанры деловой переписки; стилистика дипломатических культурно-исторических записок; религиозное мировоззрение; романтическая эстетика; А.Н. Муравьев; «Записка о спасении древнего Херсониса»; «Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах».

Русский государственный и общественный деятель Андрей Николаевич Муравьев (1806–1874) – известный дипломат, путешественник, духовный писатель, стихотворец, драматург, агиограф, гимнограф, церковный публицист – оставил после себя значительное творческое наследие. Впервые объектом научного исследования становится жанровая и стилистическая особенности служебных записок и переписки Муравьева – поэта, писателя и дипломата.

Научный синкретизм нашего времени *актуализирует интерес* к изучению формирования и функционирования жанров деловой письменности в различных профессиональных и культурных сферах русской жизни на протяжении всего ее существования, что *придает новизну* нашему погружению в мир дипломатической переписки как в одну из форм самовыражения творческой личности. При этом стоит отметить, что литературный язык как язык письменности и различных сфер устного общения «социально дифференцирован; он выступает в виде функциональных разновидностей в сфере общения, и эти типизированные формы речевой деятельности в наибольшей мере отвечают коммуникативным запросам носителей языка – социального коллектива, профессиональной группы и т.п.» [Кожин, 1981: 17].

Среди дипломатов–писателей Муравьев не был одинок, его сослуживцы по дипломатическому ведомству – Д.В. Дашков, Ф.И. Тютчев и др. – составили особый круг выдающихся деятелей русской культуры, которые смогли реализовать свое художественное дарование как одно из проявлений служения Отечеству и достичь высоких результатов в формировании новой нормы русского литературного языка. В их эпистолярном и служебном наследии отразилось авторское видение проблем мирового сообщества и мировой истории, изложенное с помощью особо тонких стилистических приемов при соблюдении элементов канцелярского обихода, соответствующих требованиям дипломатического этикета. Можно отметить стилистические общие приемы, которые продиктованы задачами определенной социальной группы: используются пышные сравнения и образы при описании достоинств политики Российской империи,

создается героико-возвышенный образ императора России, присутствует тонкая ирония или насмешка над действиями противников и оппонентов, в официальной переписке высших сановников России с зарубежными партнерами вырабатывается дружески-доверительная интонация, располагающая к продолжению диалога и его открытости. Данным документам присуще соединение нейтрального официального стиля с эмоциональным. Используются выразительные сравнения, синтаксические конструкции, позволяющие уйти от обыденности деловой речи, передать авторские чувства (восторг, радость, религиозный или патриотический пафос).

Профессиональные занятия Муравьева, оказавшие мощное воздействие на его художественное творчество, почти закрыты для современного читателя, между тем они высветили не только его дипломатические способности решать на практике важные геополитические вопросы, но и позволили ему сформироваться в качестве незаурядного писателя-паломника.

Служебная переписка, историко-аналитические записки для служебного пользования Муравьева-дипломата не так давно стали появляться в печати, в чем оказались заинтересованы историки, филологи, востоковеды, занимающиеся историей русского присутствия на Святой земле, православного паломничества в России и Западной Европе, на Ближнем Востоке и Кавказе [Бежанидзе, 1999: 107–211; Платонова, 2005: 102–105; Лисовой, 2007: 7–21; Моклецова, 2014]. Деятельность Муравьева-писателя в Азиатском департаменте МИДа отразилась в служебных записках по поводу тех или иных процессов, шедших в международной политике его времени. Он превосходно знал историю взаимодействия не только дипломатических служб, но также историю христианских конфессий и других религий и верований, которые во многом определяли политику тех государств, с которыми Российская империя имела дело [Карташева, 2018]¹.

Жанровая природа и стилистическая особенность паломнических описаний Муравьева в настоящее время рассмотрены в общем контексте развития русской паломнической литературы [Хохлова, 2001; Хайруллина, 2006]. Эволюция художественных средств паломни-

---

¹ *Муравьев А.Н.* Записка о спасении древнего Херсониса: Два письма графу М.С. Воронцову / Подг. текста, коммент., илл. И.В. Моклецовой // Традиции и современность. 2011. № 11. С. 102–110; *Он же.* Указ. соч. // Моклецова И.В. Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А.Н. Муравьева: [монография]. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014. С. 305–311; *Он же.* Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах / Пер. с фр. и подг. текста З.И. Платоновой // Правосл. Палест. сб. Вып. 103. С. 106–129.

ческих описаний древнерусского и переходного периода XVIII в., несомненно, повлиявших на стиль Муравьева-писателя, который использовал достижения языка древнерусской литературы, также изучалась в отечественной науке [Малышева, 1998].

На протяжении 44 лет Муравьев служит в МИДе с осознанием своего поэтического призвания. Принадлежа к образованному кругу русского общества 1830–1840-х годов, Муравьев стал одним из создателей романтической русской литературы. Как следствие в его произведениях обнаруживается стремление к жанровому и стилистическому синтезу, что само по себе является выражением эстетических исканий русских романтиков [Александрова-Осокина, 2014; Моклецова, 2016]. Творчество Муравьева – образец развитого русского романтизма, в изучении которого отечественная наука накопила большой опыт, но *проблемой реализации творческого потенциала художника в служебной переписке* ранее наука не занималась. Наша задача – выявить своеобразие жанровой природы служебной переписки и служебных записок Муравьева и формирование стилистических особенностей этих образцов деловой письменности в творчестве писателя-дипломата.

Муравьев явился ярким выразителем творческих достижений своего времени, той стилевой дифференции, которая является частью исторически обусловленного расслоения литературного языка [Кожин, 1981: 18]. Муравьев стал *родоначальником жанра «путешествия по святым местам»* в русской культуре, выработал *собственный литературный стиль*. Большую роль в формировании стиля Муравьева-дипломата сыграло знание им античной и западноевропейской культур, свободное владение иностранными языками, влияние творчества Т. Тассо, Д. Мильтона, Р. Шатобриана [Хохлова, 2001].

История деловой письменности давно привлекает внимание отечественных исследователей, наибольший интерес вызывает ее роль в формировании русского литературного языка в древнерусский период: от открытий М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова до трудов В.В. Виноградова, А.А. Реформатского, Р.И. Аванесова, Ф.П. Филина, А.А. Зализняка, К.В. Горшковой, Б.В. Томашевского, Г.О. Винокура, А.И. Горшкова и др. Следует отметить работы О.В. Никитина, в которых деловая письменность рассматривается в переходный период от древнерусского к литературному языку XIX в. [Никитин, 2011]. Характерными чертами официально-делового стиля являются стандартизация, лаконичность, точность изложения; его отличают четкие, не оставляющие двойного толкования формулировки; он характеризуется сочетанием нейтральной лексики и книжной, специальной [Богданова, 2016].

Записки Муравьева обладают признаками *официально-делового стиля*, той разновидности литературного языка, которая функционирует в административно-управленческой и административно-общественной, правовой и дипломатической сферах деятельности. Важно отметить наличие *дипломатического подстиля*, который наиболее ярко проявляется в документах, создаваемых в дипломатической практике, и который обнаруживает себя в следующих жанрах – договоре, коммюнике, ноте, заявлении, меморандуме.

Записки Муравьева могут быть отнесены к *информационно-справочным документам*, рассчитаны на служащих определенного ведомства и – наряду с деловой/служебной перепиской – служат для разъяснения и решения сложных административно-управленческих («Записка о спасении древнего Херсониса»), собственно дипломатических вопросов в решении сложных геополитических и цивилизационных проблем («Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах»).

Среди канцелярских жанров отметим *жанры деловой переписки*: письмо-просьба, письмо-запрос, письмо-ответ, письмо-подтверждение, приглашение, сообщение, сопроводительное письмо, которых Муравьев за свою жизнь написал множество. Можно вспомнить два письма Муравьева графу М.С. Воронцову-Дашкову о судьбе древнего Херсонеса, которые обрамляют «Записку о спасении древнего Херсониса». Муравьев обращается к Воронцову как к высокопоставленному чиновнику другого ведомства, которому он не подчиняется, затрагивает вопрос, находящийся вне его компетенции, что накладывает определенные ограничения на стиль его речи.

Письма не лишены *публицистичности*, автор обращается к наместнику Новороссийского края от имени всех православных людей России, взывая к его благородству и разуму образованного человека: «...я умоляю Вас употребить все возможные средства для сохранения столь драгоценного для всех нас <...> малого куска земли», «пожертвовать некоторыми материальными выгодами для высокой нравственной цели и для достоинства целой России». При этом суть писем состоит в правильном, с точки зрения Муравьева, решении практических задач строительства чумного карантина в древнем Херсонесе, а также в обновлении Пицундского храма в Абхазии.

Жанр служебных записок становится для Муравьева экспериментальной площадкой: автор делает попытку восстановить стилистику различных древнерусских жанров – агиографии, гимнографии, светских повестей и проч. Этим отличается его «Записка о спасении древнего Херсониса», наверно, поэтому ее фрагменты будут воспроизведены в очерке игумена Херсонесского монастыря Евгения, посвященном кончине свт. Херсонского и Таврического Иннокентия

(Борисова)². Строй мысли православного автора, возвышенный религиозный пафос, строгий выбор деталей, запоминающиеся образы князя Владимира и уверовавшего во Христа простого народа в «Записке о спасении древнего Херсониса» предвещают повествование о деяниях прославленного церковного иерарха Черноморского юга России и служат для него своеобразным стилистическим камертоном.

В произведениях Муравьева «Записка о спасении древнего Херсониса» и «Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах» встречаются элементы *публицистического стиля*, такие как стремление к объективности изложения событий и фактов, аналитика затронутой актуальной проблематики, логичность, доказательность, рассудительность, открытое авторское видение цивилизационных и культурно-исторических процессов [Русский язык и культура речи, 2019]. Записки Муравьева призваны оказать на читающего эмоциональное воздействие, убеждающие в правдивости излагаемого материала и авторских оценок, следствием чего чиновниками должны быть приняты верные решения.

В «Записке о спасении древнего Херсониса» Муравьев использует следующие стилистические приемы: *риторические вопросы* («Как могла возникнуть такая страшная и горькая мысль? Кто из нас огласился бы очумить место, озаименованное гробницами предков или каким-либо семейным событием? Что скажет потомство? Что скажут современники? Не содрогнется ли Россия и не осудит ли нас вся Европа, услышав, что мы сами истребляем лучшее наше сокровище?»); *архаизмы* («сие», «сих», «чрез», «отколе», «даяния» (т.е. пожертвования), «самые развалины», «иноков»), *инверсии* (воссияло «*просвещение духовное*», довольно «*соблюдена будет*», «*основания коих*» доселе видны)³.

В своих записках Муравьев показывает глубокое знание христианских культурно-исторических реалий Крыма, уходящих в историческое прошлое многих народов и цивилизаций. Взывая к чувствам европейски образованного Воронцова («и не осудит ли нас Европа, услышав, что мы сами истребляем лучшее наше сокровище?»), тут же предлагает полноценный план реконструкции древних развалин, церковной застройки для проживающих там крымчан («обновить три малыя церкви, основания коих доселе видны посре-

---

² Евгений, игумен. Жизнь после смерти // Моклецова И.В. Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А.Н. Муравьева. С. 312–319.

³ Муравьев А.Н. Записка о спасении древнего Херсониса. С. 308–311.

ди развалин»), намечает перспективы будущего освоения данного священного места – поселение монахов («иноков»)⁴.

Автор органично сопоставляет в памятнике деловой письменности поэтически-возвышенный и административно-практические стилистические пласты. При этом сохраняются почтительный тон, принятый при обращении к вышестоящему чиновнику, свои планы автор высказывает последовательно, исходя из логики грамотного освоения данного места, сопровождая свои предложения таким словами: «если дозволено будет движимому усердием к отечественной святыне сказать свое мнение», «не мое дело рассуждать о новом месте, предполагаемом для карантина», «не надобно оставлять без внимания», «неприятно было бы видеть», «нет причин строить и великолепный храм»⁵.

Система доводов также построена на исторических соположениях и предвидениях: «неужели менее заслуживает внимания равноапостольный князь» (сравнение с героем войны 1828–1829 гг. капитаном I ранга А.И. Казарским), «не думаю, однако, чтобы такое ничтожное приобретение...» (о перспективах и результатах археологических раскопок Д.В. Карейши), «но что всего ужаснее и чему даже не хочется верить» (по поводу планов адмирала М.П. Лазарева)⁶. Весь текст – призыв к Воронцову оказаться на высоте своего положения и максимально использовать свои властные полномочия. Следует добавить, что план размещения казарм и госпиталя был согласован с императором Николаем Павловичем, несмотря на это Муравьев добивается своего: план застройки Карантинной бухты не затронет древнего Херсонеса.

Большой интерес с точки зрения реализации авторской стилистической направленности представляет еще одна записка Муравьева «Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах», обращенной к современной ему международной политике европейских государств в районе Средиземноморья и касающихся претензий французской общественности (дипломатов, ученых, религиозных деятелей) на право распоряжаться святынями региона в первую очередь – Иерусалима и его окрестностей. Этот рукописный документ был создан в 1851 г. для В.П. Титова, российского посланника в Константинополе, впоследствии издан на французском языке в сборнике «Религиозный вопрос» (1858) [Платонова, 2005: 105]. Эту записку высоко оценили не только коллеги по службе, но и церков-

---

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

ные иерархи – свт. Иннокентий Херсонский, Вселенский Патриарх Константин и др., видевшие размах римской экспансии на канонической православной территории.

Стиль данной записки отличает полемическая заостренность, которая сочетается со стилем «высокой» романтической прозы и религиозного пафоса автора, защищающего духовные ценности, церковную и государственную историю православных народов. При этом в работе Муравьева нет голословных обвинений, все исторические детали и реалии подаются им объективно, бескорыстно, в духе «рыцарства Святой земли». Героическое начало придает стилю записки особое звучание, она направлена на защиту не только русских интересов в регионе, но всего православного присутствия на Востоке.

Значение деятельности Муравьева в дипломатическом ведомстве России получило в дореволюционный и советский периоды неоднозначную и неполную оценку. В постсоветское время обнаруживаются все бóльшие достижения и заслуги дипломата – писателя, паломника, путешественника – перед русской культурой и дипломатической службой и главным делом его жизни – приближением русского паломника к святым местам Палестины и христианского Востока. На государственной службе Муравьев оставался романтическим поэтом, писателем-паломником, что сказалось на стиле принадлежащих его перу различных служебных документов. Эти материалы почти неизвестны современному читателю, но в свое время они сыграли важную роль в отечественной дипломатической культуре и практической деятельности, в наше время вновь становятся достоянием читающей публики и исследователей. Строгий официально-деловой стиль, высокая стандартизация речи сочетаются у Муравьева со стилем художественных поэтических и прозаических произведений, дополняющим высказывание романтической художественной экспрессивностью и образностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова-Осокина О.Н.* Художественная картина мира в паломнической прозе 1800–1860-х гг.: священное пространство, история, человек: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2014.
2. *Бежанидзе Г.В.* Три записки Андрея Николаевича Муравьева // Богосл. сб. Вестн. Правосл. Св. Тихоновского гум. ун-та. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 1999. Вып. 2. С. 107–111.
3. *Богданова Л.И.* Стилистика русского языка и культура речи. М., 2016.
4. *Карташева Н.В.* К.П. Победоносцев о природе национального своеобразия христианских церквей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 120–128.

5. *Кожин А.Н.* Литературный язык Киевской Руси. М., 1981.
6. *Лисовой Н.Н.* А.Н. Муравьев и его книга «Путешествие ко святым местам в 1830 году» // Муравьев А.Н. Путешествие ко святым местам в 1830 году / предисл. и коммент. Н.Н. Лисовой. М., 2007. С. 7–21.
7. *Мальшева Т.Н.* Эволюция художественных средств паломнических хождений XII – первой половины XVIII века: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1998.
8. *Моклецова И.В.* Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А.Н. Муравьева: [монография]. 2-е изд., испр. и доп. М., 2014.
9. *Моклецова И.В.* Эволюция паломнического жанра в русской литературе Нового времени // Мат-лы Межд. науч.-практ. конф. «Стратегия жанрового развития русской литературы в мировом историко-культурном контексте» (Брест, Беларусь, 16–17 марта 2016 г.). Брест, 2016. С. 120–127.
10. *Никитин О.В.* Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.). Лингвистические очерки. 2-е изд. М., 2011.
11. *Платонова З.И.* А.Н. Муравьев и вопрос о святых местах Палестины в канун Крымской войны / А.Н. Муравьев. Ответ г-ну Э. Боре на вопрос о святых местах / Пер. с фр. и подг. текста З.И. Платоновой // Правосл. Палест. сб. 2005. Вып. 103. С. 102–105.
12. *Русский язык и культура речи. Уч. и практикум для акад. бакалавр. Гл. 3. Функционально-стилистический состав книжной речи / Под ред. А.В. Голубевой, В.И. Максимова.* 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 110–168.
13. *Хайруллина О.Н.* Жанр паломнического очерка в русской литературе первой половины XIX века (на примере очерков А.Н. Муравьева и А.С. Норова) // Историческая поэтика жанра. Биробиджан: Приамурск. Гос. ун-т им. Шолом-Алейхема, 2006. С. 170–178.
14. *Хохлова Н.А.* Андрей Николаевич Муравьев-литератор. СПб., 2001.

Irina. V. Mokletsova

**THE DIVERSITY OF THE GENRES OF BUSINESS WRITING
IN THE CREATIVE LEGACY OF ANDREI N. MURAVYEV
(ISSUE STATEMENT)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The subject of this research is that part of the creative heritage of A.N. Muravyov that has not previously been the subject of study in cultural and philological works, namely, samples of diplomatic materials (letters, official analytical and historical notes). This work is considered in the article as one of the directions of Russian romanticism, in the study of which Russian science has accumulated a lot of experience. The problem of realization of creative potential of the artist in the samples of business writing has not been considered by scholars before, the innovative approach to the problem as presented in the article consists in tracing, for the first time in history, the formation of the stylistic features of official correspondence of Muravyev, revealing the peculiar genre of the nature of these samples of business writing in his work. The novelty of the work lies in the fact that for the first time genre and stylistic creative components are considered as the main ones in the imple-

mentation of the author's idea in order to show the spiritual values of the Russian people, to protect the Orthodox presence in the East. The work uses comparative-historical, system-typological, historical-functional methods that allow us to comprehensively consider a complex historical, cultural and literary phenomenon. The results of the work show that in the selected works for analysis ("A note on the salvation of ancient Chersonis", correspondence with count M.V. Vorontsov-Dashkov from 1847, "Answer to Mr. E. Bore on the question of Holy places"), Muravyov remains within the Orthodox philosophical and religious worldview and romantic aesthetics of the 1820s and 1830s. The relevance of studying the artist's holistic worldview has increased immeasurably in recent decades, so the results of the research can be used in courses of lectures on cultural studies, Russian classical literature in higher and secondary schools, seminars and practical classes. Russian literature is of interest to all those who are interested in the problems of Russian spirituality, cultural and civilizational features of the Russian world, diplomatic written culture and fiction.

Key words: axiology; history of Russian literature; written diplomatic culture; Russian spiritual culture; poetics; genre; genres of business correspondence; the style of diplomatic cultural and historical notes the religious worldview; romantic aesthetics; A.N. Muravyev; "A note on the salvation of the ancient Chersonese"; "Answer to Mr. E. Bore on the question of the Holy places".

About the author: *Irina V. Mokletsova* – Dr.habil in Philology, Professor of the Department of Comparative Study of Literatures and Cultures of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies of the Moscow State University (e-mail: imokletsovamsu@mail.ru).

REFERENCES

1. Aleksandrova-Osokina O.N. 2014. *Khudozhestvennaya kartina mira v palomnicheskoy proze 1800-1860-kh gg.: svyashchennoe prostranstvo, istoriya, chelovek* [An artistic picture of the world in the pilgrimage prose of the 1800s–1860s: sacred space, history, people]. Avtoref. ... dokt. filol. n. Moscow. (In Russ.)
2. Bezhanidze G.V. 1999. *Tri zapiski Andreya Nikolaevicha Murav'eva* [Three notes by Andrey Nikolaevich Muravyov]. In *Bogosl. sb. Vestn. Pravosl. Sv. Tikhonovskogo gum. un-ta. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*, v. 2, pp. 107–111. (In Russ.)
3. Bogdanova L.I. 2016. *Stilistika russkogo yazyka i kul'tura rechi* [Stylistics of the Russian language and culture of speech]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
4. Kartasheva N.V. 2018. K.P. Pobedonoscev o prirode nacional'nogo svoebraziya khristianskikh cerkvej [K.P. Pobedonostsev on the nature of the national identity of Christian churches]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 120–128. (In Russ.)
5. Kozhin A.N. 1981. *Literaturnyj yazyk Kievskoj Rusi* [Literary language of Kievan Rus]. Moscow, Russkij yazyk. (In Russ.)
6. Lisovoj N.N. 2007. *A.N. Murav'ev i ego kniga «Puteshestvie ko svyatym mestam v 1830 godu»* [A.N. Muravyov and his book "A Journey to Holy Places in 1830"]. In A.N. Murav'ev. *Puteshestvie ko svyatym mestam v 1830 godu* / predisl. i komment. N.N. Lisovogo. Moscow, Indrik, pp. 7–21. (In Russ.)

7. Malysheva T.N. 1998. *Ehvolyciia khudozhestvennykh sredstv palomnicheskikh khozhdenij XII – pervoj poloviny XVIII veka* [The evolution of artistic means of pilgrimage walks in the 12th – first half of the 18th century]. Diss. ... kand. filol. nauk. Moscow. (In Russ.)
8. Mokletsova I.V. 2014. *Russkie dukhovnye tradicii v literaturnom kontekste XIX veka i tvorcheskom nasledii A.N. Murav'eva* [Russian spiritual traditions in the literary context of the 19th century and the creative heritage of A.N. Muravyova]. 2-e izd., ispr. i dop. Moscow, Izd-vo MGU. (In Russ.)
9. Mokletsova I.V. 2016. *Ehvolyciia palomnicheskogo zhanra v russoj literature Novogo vremeni* [Evolution of the pilgrimage genre in Russian literature of the New Time]. In “*Strategiya zhanrovogo razvitiya russoj literatury v mirovom istoriko-kul'turnom kontekste*”. Brest, Izd-vo Brest. gos. un-ta im. A.S. Pushkina, pp. 120–127. (In Russ.)
10. Nikitin O.V. 2011. *Delovaya pis'mennost' v istorii russskogo yazyka (XI–XVIII vv.). Lingvisticheskie ocherki. 2-e izd* [Business writing in the history of the Russian language (XI-XVIII centuries). 2nd ed.]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
11. Platonova Z.I. 2005. *A.N. Muravyev i vopros o svyatykh mestakh Palestiny v kamun Krymskoj vojny* [Muravyov and the Question of the Holy Places of Palestine on the Eve of the Crimean War]. In A.N. Muravyev. *Otvét g-nu Eh. Bore na vopros o svyatykh mestakh* [Answer to Mr. E. Bore on the question of holy places] / per. s fr. i podg. teksta Z.I. Platonovoj. *Pravosl. Palest. Sb.*, v. 103, pp. 102–105. (In Russ.)
12. *Russkij yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Uch. i praktikum dlya akad. bakalavr. Gl. 3. Funkcional'no-stilisticheskij sostav knizhnoj rechi / pod red. A.V. Golubevoj, V.I. Maksimova. 4-e izd., pererab. i dop. Moscow, Izd-vo Yurajt, 2019, pp. 110–168. (In Russ.)
13. Khajrullina O.N. 2006. *Zhanr palomnicheskogo ocherka v russoj literature pervoj poloviny XIX veka (na primere ocherkov A.N. Murav'eva i A.S. Norova)* [The genre of the pilgrimage essay in Russian literature of the first half of the 19th century (on the example of the essays by A.N. Muravyov and A.S. Norov)]. In *Istoricheskaya poehtika zhanra* [Historical poetics of the genre]. Birobidzhan, Priamursk. Gos. un-t im. Sholom-Alejkhema, pp. 170–178. (In Russ.)
14. Khokhlova N.A. 2001. *Andrej Nikolaevich Murav'ev-literator* [Andrey Nikolaevich Muravyov is a writer]. Saint Petersburg, Izd-vo “Dmitrij Bulanin”. (In Russ.)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.В. Павловский

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА: К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ ЕВРОПЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается проблема границ европейских регионов. Что является маркером для проведения границы – леса, перелески, пашни, горы, береговая линия или культура региона? В полемике с немецким обществоведом К. Хаусхофером автор отстаивает культуру региона как единственное основание для определения границ регионов и стран Европы. Родина начинается с культуры. Создание в Европе Шенгенской зоны во второй половине XX в. не решило проблему границ. Во-первых, они в головах у людей продолжали существовать даже тогда, когда никто не спрашивал визу при пересечении границ, во-вторых, события конца прошлого, начала этого века заставили европейцев восстановить контроль на границах и вопрос о легитимности последних снова всплывает на поверхность политической жизни Европы. Так, например, только что стало известно, что княжество Лихтенштейн обратилось в суд по правам человека и потребовало у Чехии вернуть земли, конфискованные ею у княжества по результатам Второй мировой войны¹. Потребовалось специальное заявление главы кабинета польского президента, чтобы успокоить мировую общественность, Польша не претендует на целостность границ Белоруссии, где сегодня происходят немалые политические волнения². Другими словами, вопрос о границах в Европе до сегодняшнего дня далеко не закрыт. В связи с этим особенно важно к вопросу о принципах проведения европейских и вообще всяких границах. В качестве отправной точки дискуссии автором использован сборник работ Карла Хаусхофера «О геополитике».

Ключевые слова: геополитика; границы; регион; Магия Земли.

Павловский Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ipavlovsky@mail.ru).

¹ Лихтенштейн потребовал у Чехии конфискованные после войны земли // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4465644?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 21.07.2020).

² В Польше заявили, что не претендуют на белорусские территории // Газета.ру. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/08/22/n_14834245.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 21.07.2020).

Установка и проведение границ в Европе за последние 1000 лет было делом военной силы, договоров двух и более монархов, дипломатов, международных конгрессов. К концу XX в. на континенте была создана единая система с одной таможенной, одним переходом границы туда и одним оттуда – так называемая Шенгенская зона. Однако сказать, что с образованием Единой Европы все проблемы границ были исчерпаны, будет неправильно. Проще было Британии. Она в XV в., отказавшись от притязаний на европейские территории, сосредоточила свое внимание на создании своей мировой империи, которая сегодня сохранилась только в виде Британского Содружества Наций. Границы Британии в Европе были ясно очерчены контурами Британских островов. Но практически большая часть европейских государств, так или иначе, считает проведение границ либо неконечательным, либо не совсем справедливым.

Конечно, образование Европейского Союза в 1992–1993 гг. и последовавшее затем создание единого европейского пространства без контролируемых границ на время сняло большую часть этих вопросов. Но, во-первых, нынешнее положение дел в Европе, провал эпохи мультикультурализма, о чем еще 10 лет назад, сообщила обществу немецкий канцлер Ангела Меркель, вновь возвращает континент к контролю на границах. А во-вторых, даже в эпоху наивысшего оптимизма единого Европейского Союза проблема границ никогда не была решена. Противостояние на границах, которые местным населением не признавались, было, конечно, не военным в этот период, но весьма демонстративным. Так если бы вы проехали по территории Италии по направлению к Альпам, подъезжая к Тиролю, где часть территории Австрии по результатам Второй мировой войны была передана Италии, то вы бы стали свидетелями такого агрессивного-регионального сопротивления. Чем ближе к Тиролю, тем менее на бензозаправках с вами бы разговаривали на итальянском, если даже не на немецком, то, как минимум, на французском. Чтобы вы точно поняли, что *здесь вам не тут*. Такие же ситуации можно было наблюдать и в многочисленных пограничных спорных территориях по всей Европе.

Поводом для написания данного доклада явилось издание трудов немецкого обществоведа Карла Хаусхофера, которое в русском варианте 2001 г. называется «О геополитике»³. Автор данных статей трудился в межвоенный период, когда Германия была оскорблена, как им казалось, несправедливым Версальским договором. Ученые Германии также отреагировали на эту ситуацию, в частности пы-

---

³ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. Границы в их географическом и политическом значении. Панидеи в геополитике. Статус-кво и обновление мира. Континентальный блок. М., 2001.

таясь подвести хоть какую-то научную базу под понятие «естественные» и «неестественные» границы.

Понятно, что границы согласно Версальскому договору были, с точки зрения ученого немца, неправильными, и он пытается обосновать почему. Некоторые из его доводов носят характер высокохудожественный, некоторые откровенно псевдонаучный, когда много научных терминов употребляют в отношении вопросов, не имеющих пока собственно четких научных дефиниций. Так, например, автор приводит цитату молодого и тогда не очень грамотного Иоганна Вольфганга Гёте, студента Страсбургского университета о здании собора в этом европейском городе. «Памятуя, что здание это было заложено на древней немецкой земле и строилось в подлинно немецкую эпоху, а также и то, что по-немецки звучало и имя зодчего (Я – Эрвин фон Штайнбах)... я осмелился изменить бесславное название «готическая архитектура» и под именем «немецкого зодчества» возратить его нашему народу»⁴.

Тут у студента Гёте в одном абзаце сразу три ошибки. Одна ожидаемая, две от неграмотности. Первая очень простая. Немцам, иногда и французам, чаще удобнее забывать, что все земли в Европе от Италии через будущую Швейцарию, часть Прованса, Бургундию, Шампань, Эльзас, Лотарингию, Фландрию получили не те два сына Людовика Благочестивого, которые получили Восточно-раннское королевство, т.е. протогерманию (Людовик II Немецкий), и Западно-франкское королевство, т.е. протофранцию (Карл II Лысый), а его старший сын – Лотарь. Все эти земли вдоль Рейна получили название «домен Лотаря». Впоследствии они явились яблоком раздора между будущими Францией и Германией, но все они так и не стали ни Францией, ни Германией.

Эти земли долгое время были центром Европы, самой образованной, просвещенной и самой богатой частью Европы, источником всей славной раннесредневековой литературы. Их представители всегда уважали себя много больше, чем французов и немцев. Именно отсюда по всей Европе пошли роскошные брабантские кружева, тысячи рукописных, а с XV в. и печатных книг, гобелены по всей Европе. Отсюда по пивной Европе распространилось виноделие. Эта часть Европы никогда не была ни Францией, ни Германией, поэтому и Страсбург, и его собор никогда не находились на древней немецкой земле.

Вторая ошибка Гёте была от неграмотности. Эрвин был из населенного пункта Штайнбах. Есть два претендента на место его рождения, оба находятся на притоках Рейна, т.е. в домене Лотаря.

---

⁴ Хаусхофер К. Указ. соч. С. 22.

Один в Гессене, другой в земле Райнланд Пфальц. Просто во времена юного Гёте это уже были немецкие земли. Он мог этого не знать, так что посчитал архитектора немцем. Более того, нижнюю треть собора с 1275 по 1277 г. строил французский архитектор, а бургундец Эрвин фон Штайнбах лишь с 1277 г. достраивал его.

Наконец, готический стиль, да простит меня несчастный впечатлительный юный Гёте, не был изобретением немецких архитекторов. Они всего лишь заимствовали уже разработанный стиль французской архитектуры. Но не менее впечатлительный, хотя уже и совсем не юный Карл Хаусхофер, прикрывшись авторитетом великого поэта, даже не удосужился проверить эти измышления юного студента. «Это несравненное слово Гёте – документ первостепенного культурно-географического значения для нашей рабочей проблемы и, разумеется, для того, что следует понимать под “углубленным” отношением к жизненному пространству и земле в духе и смысле Ратцеля»⁵. Ни больше, ни меньше. Эмоции – двигатель немецкой географической науки!

Но это эмоции того поколения немцев, которых унижали в Компьенском лесу, заставляя принимать тяжелейшие и убийственные условия мирного договора. У обиженного поколения часто эмоции берут верх над здравым смыслом. Но далее Хаусхофер, опираясь на труды Ратцеля, Зупана, Мауля и других немецких и австрийских мыслителей, пытается оценить состояние границ межвоенного мира, в основном обращая внимание на границы Европы, с точки зрения научных критериев и терминов.

И тут возникает та ситуация, о которой мы уже упомянули. Легко логически и дедуктивно осмыслить пласт фактического материала той науки, где есть точно установленные термины, дефиниции, понятия. Но очень трудно объяснить, почему старший сын в русской семье в гражданскую войну шел в красные, а младший – в белые. Или наоборот. Объяснить это воспитанием, образованием, влияни-

---

⁵ *Хаусхофер К.* Указ. соч. С. 22. (Фридрих Ратцель – как смело пишет википедия – немецкий географ и этнолог, социолог; основатель антропогеографии, геополитики, а также создатель теории диффузионизма и один из основоположников теории культурных кругов. 1844–1904. Хотя переводчик и комментатор Хаусхофера, по нашему мнению, оценивает его правильнее и куда более скромно: «...немецкий географ и зоолог, основоположник немецкой социологической школы, названной его учеником Челленом геополитической. Согласно воззрениям Ратцеля, особенности народа и занимаемого им пространства определяют особенности государства... которое он считал биологическим организмом. Главный труд “Земля и жизнь. Сравнительное земледоведение”» [там же: 12], – на наш взгляд, теория Ратцеля является вульгарно понятой социологической концепцией его предшественника, венского коллеги Лоренца фон Штайна (1815–1890), о государстве как сознательном живом организме, который базируется на бессознательном обществе и его региональной культуре.)

ем улицы, социальным положением будет невозможно, ибо все это у обоих братьев полностью идентично. Вся проблема в данном случае заключается в том, что сам по себе человек *terra incognita*⁶ для всех без исключения исследователей. Мы еще долго будем пытаться понять, что это за феномен такой *homo sapiens sapiens*⁷, но ощущения, что ответ мы получим в ближайшем будущем, у нас нет.

Далее Хаусхофер в качестве маркеров для проведения границ перечисляет вершины гор, перевалы, плоскогорья, пороги рек, реки, пояс болот, границы тайги или джунглей, ареалы распространения флоры или типов фауны. Упомянуты торговые маршруты, горные переходы и даже океанические течения⁸. По всей вероятности, эти и все остальные маркеры употребляются в качестве некоего физического, т.е. реального субстрата проведенных границ, для придания рассуждениям о границах некоего научного фактического основания. И было бы здорово построить географическое понимание геополитических границ на столь не зыбких основаниях, придав им некий вид реальности, научности, не эфемерности, если бы хоть один из них сотни раз за историю не был пересмотрен и перечеркнут реальной жизнью. А поскольку для реальной жизни они так ни разу и не были основанием для проведения границ, то, на наш взгляд, и нечего их упоминать в качестве якобы научного или «естественного» основания для проведения правильных границ. А то получается, что мы имеем дело не с научным подходом к проблеме границ регионов, а якобы научным. Сначала перечисляем физические основания для межрегионального межжевания, потом вскользь и нехотя упоминаем о том, что они никогда не работают⁹. И начинаем сетовать на то, что люди так волонтаристски, ненаучно подходят к проблеме проведения границ¹⁰. А какие тут сетования, если этот принцип физической географии исторически никогда не работает? Создается полное впечатление, что «научный» метод проведения границ, это всегда игра в одни ворота, в пользу Германии.

Яростно сопротивляясь языковому принципу проведения границы, поскольку бывают случаи, например, «взаимопроникновения германцев и славян»¹¹, а также плодотворному методу знаменитого австрийского писателя Стефана Цвейга с его попыткой изучить британский, французский, немецкий и русский тип культурного самоопределения, как методы, которые «ведут к ложному понима-

---

⁶ Неизвестная область (лат.).

⁷ Человек разумный (лат.).

⁸ Хаусхофер К. Указ. соч. С. 23–24.

⁹ Там же. С. 26–43.

¹⁰ Там же. С. 80.

¹¹ Там же. С. 31.

нию разграничений»¹², Хаусхофер предлагает свой метод, не очень конкретный и не слишком ясный, где самое ясное слово – *эмпирика*.

«Стало быть, единое стремление к жизненной форме, к реализации *своей* культурной силы и хозяйственных возможностей, *своей* личности в растущем жизненном пространстве показывает нам *эмпирику* как решающий фактор для нации, охваченной желанием защищать границу. Такое понимание позволяет прийти к плодотворным результатам и к жизненной стойкости, к стабильности, и она имеет примат над философствованием и должна оставаться таковой»¹³.

Мы так понимаем, что в данном абзаце два главных термина: «своей», т.е., вероятно, именно немецкой, и «растущее жизненное пространство», тоже явно имеется в виду не славянское. Сразу вспоминается частое изречение немецкого обывателя: “Deutschland ist schön, aber zu klein”¹⁴. Иначе говоря, термин *эмпирика* не относится к славянам и прочим народам, а относится каждый раз только к немцам. Другими словами, эмпирика – всегда немецкая эмпирика. И здесь напрасно видеть в Хаусхофере предтечу Гитлера в его геополитических популистских выступлениях, у последнего были свои учителя. Это общее свойство германского нарциссизма. Так, например, образ белокурой немецкой голубоглазой бестии, которая должна нести по миру культуру и порядок, появился не у Геббельса или Риббентропа, а у светоча германской культуры – у Иоганна Готфрида Гердера в его работе «Идеи к философии истории человечества» 1784 г. [Гердер, 1977].

Мы понимаем, что домен Лотаря был, в конце концов, к началу Нового времени разграблен и поделен чисто военными способами, а не научными, между Германией и Францией, за исключением Фландрии и Швейцарии, которым удалось отстоять свою самостоятельность, кстати, тоже не научными методами. И чисто волюнтаристическими, ненаучными методами между ними была проведена граница. Мы понимаем, что Рурский угольный бассейн является жизненно необходимым для Германии, иначе ни в XIX, ни в XX вв. в отношении ресурсов она бы не выжила физически. Но претензии на Эльзас и Лотарингию такой же чистый волюнтаризм, как претензии Франции на все наследие бургундского герцогства. Как немцы не заслужили Рейна, так его не заслужила и Франция. И граница по Рейну – явление чисто политическое. Как говорится, *Status quo ante bellum*¹⁵.

¹² Там же. С. 30.

¹³ Там же. С. 31.

¹⁴ Германия прекрасна, но слишком мала (нем.).

¹⁵ Положение, которое было до войны (лат.).

Как же реально проходят те границы, о которых писал Стефан Цвейг, границы культурно-исторических европейских типов в Европе, если иметь в виду не претензии любых культурных агрессоров подмять под себя понравившуюся им часть европейской территории. Ни гипотетическое желание назвать красивый Страсбург немецким, ни страстное желание Франции в XVII в. подчинить себе Фландрию, а те границы, пересекая которые мы ощущаем себя попавшими в иной мир, в другой регион, ощутив на себе силу магии его земли? Как красочно написал о пересечении границ таких регионов Н.В. Гоголь, когда из Италии собирался на месяц в Германию: «Летом еду в Мариенбад на один месяц. Вы не поверите, как грустно оставить на один месяц Рим и мои ясные, чистые небеса, мою красавицу, мою ненаглядную землю. Опять я увижу эту подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем»¹⁶. По каким реальным признакам мы можем определять реальные европейские, и не только европейские границы регионов?

То, что эти реальные, а не политические границы существуют, нам показывает европейская история. Сколько не бились шведские правители за присоединение территории Норвегии к своей, а Норвегия так и осталась отдельным скандинавским регионом, причем характер норвежцев таков, что русские поморы с ними общаются легко, в то время как про шведов они такое не говорят. Шведы другая культурная среда. Насколько уж был силен император Карл V в XVI в. Под своим скипетром он объединил практически всю Европу. Наконец, исполнилась давнишняя мечта испанской короны – к ней присоединили-таки силами всей Европы и Португалию. Но надежды остались надеждами. Португалия отсоединилась от Испании в мгновение ока. Ландшафт для Швеции и Норвегии в Скандинавии практически одинаков, регионы расположены параллельно. Схож и географический ландшафт Испании и Португалии. Однако характер, политическое устройство, музыкальная и танцевальная культура, кухня у Португалии совсем не такая, как у Испании. Присоединить не удалось. Границы регионов остались незыблемыми.

Собственно, о том, что такие границы существуют реально, нам говорит сама природа. В Москве я люблю пить заваренный чай. Сколько не пробовал кофе, как бы и кто его не заваривал, в Москве кофе для меня и многих других – неинтересный напиток со странным привкусом. Пробовал кофе и в Скандинавии и до чрезвычайности удивлен, что скандинавы его употребляют чашками, кружками. Впрочем, это говорит и о том, что это какой-то желудевый кофе, потому что от трех маленьких чашечек настоящего кофе можно

---

¹⁶ Переписка Н.В. Гоголя. В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 320.

получить сердечный приступ. Но это от настоящего кофе. Того, что итальянцы называют “un caffè normale”.

Приехал работать в Италию. С дороги в баре от усталости попросил чаю. Веник. Попросил чашку чая с двумя пакетиками. Крепкий веник. Обсуждали эту проблему с друзьями. Проблема в воде, говорили одни. Другие советовали купить хороший листовый чай. Сразу скажу, что чая хорошего в Италии заварить невозможно. Зато кофе в Италии на любой заправке самый вкусный из всех, что мне доводилось пробовать. Магия Земли.

В Италии есть такой мясной деликатес – прошутто. В меню на английском он иногда переводится испанским словом «хаммон». Ветчина по-русски. Она двух видов копченая и вареная. Вкуснейшая вещь. Но вот вы подъезжаете ближе к Альпам и на заправке решаете с чашечкой кофе съесть кусок прошутто. Увы, чем ближе к Альпам, к Тиролю, тем явственней прошутто становится похожим по вкусу на немецкий шпик. И сделать с этим ничего нельзя. Да и, честно сказать, на мой варварский вкус испанский хаммон также сильно уступает итальянскому прошутто.

То же самое касается вина и большинства продуктов. Граппу можно пить только в Италии. В Москве даже алкоголики, кто готов иногда пить все, что угодно, ее пить отказываются. Вкус в Москве ее, действительно, специфический. Вина, если они не «убитые», как говорят виноделы о большинстве сортов, которые обычно идут на экспорт, а живые, не выносят, когда вы перевозите их из региона в регион. Вкус теряется. Список можно продолжать.

Почитаем произведение Набокова «Машенька». Даже состояние души русского интеллигента, переехавшего жить в Германию, изменилось до неузнаваемости. Встречал в Америке поляка, который в Варшаве, до эмиграции пил сильно. В Денвере у него стоял бар с двумя десятками бутылок, и он нехотя иногда прикладывался. «Что-то не хочется мне здесь пить» – извинялся он передо мной.

Раз уж мы перешли от продуктов питания к состоянию души, которое при перемещении через границы регионов тоже меняется, то сразу хочется сказать, что только импульсы, флюиды, проявления культуры достаточно точно могут сигнализировать о том, что реальная граница региона проходит именно здесь. Прав был Стефан Цвейг с его попытками решать вопрос о границах Европы по типу «культурного самоопределения». И дело здесь в данном случае даже не в том, что, например, едят люди в данном регионе, а как они это едят. В вопросе о том, что едят, бывают иногда странности и черно-белые клетки, как на шахматной доске. Тут едят мясо на берегу моря, а тут рыбу и морепродукты. Но в вопросе «как едят», когда едят, о чем говорят, когда едят, с кем едят, во сколько едят, с каким на-

строением едят, что делают до и что после, тут по региону будет единообразие.

Еда в Германии, как голодоутоление, абсолютно не соответствует еде в Италии, где она становится эпикурейским священнодействием, с практически остановкой Времени на период этого сакрального действия. Во Франции и сегодня считается моветоном приносить с собой в рестораны мобильные телефоны, а уж говорить по ним во время обеда, просто вопиющим варварством. Скандинавские бутерброды на обед или перекус, макдональдсы, пиццы, заставляют их на остановках-привалах на автотрассах открывать рот и в ужасе глядеть на русских туристов, которые за 10 минут на газовой горелке готовят вкуснейший суп и наслаждаются им.

То же самое касается отношения между мужчинами, женщинами, отношения к браку и любви. Не буду говорить о том, что в так называемых патриархальных обществах Кавказа и Средней Азии, женщина в семье имеет часто вес гораздо больший, чем в обществах с не столь ярко выраженным патриархальным характером. Очень красочно об этом написал Л.Н. Толстой в рассказе «Казачьи»¹⁷, где описывал быт терских казаков во времена его службы на Кавказе. Но если описывать региональный график функции этих приоритетов между вершинами европейского четырехугольника – Россией, Кавказом, Западной Европой и Скандинавией, то получается интересные всплески экспонент.

В Чечне муж от автобуса, магазина, вокзала до дома будет идти с пустыми руками, а его жена, навьюченная всеми мыслимыми и немыслимыми тюками, чемоданами и сумками, поспеет за ним. В России мужчина и женщина играют в игру: мужчина сильный, хоть иногда может не полежать на диване перед телевизором, а напячась и понести тяжелые вещи. Хотя уверяю, наши женщины, которые за неимением лошадей, ибо их всех отправили на нужды фронта на передовую в Великую Отечественную войну, на себе несколько лет пахали всю российскую землю. Они могут многое.

В Скандинавии будет разыграна партия равноправия. В нынешней Европе, особенно в ее культурной производной – Америке, уже часто разыгрывается леденящая душу игра – никто не смеет сказать женщине, что она слабый пол. Она схватит 200-килограммовые чемоданы и потащит их, теряя кишки по дороге к выходу из аэропорта, не дав мужчине помочь ей. Не вздумайте открыть женщине там дверь и пропустить ее вперед, там это оскорбление ее Женского достоинства.

---

¹⁷ Толстой Л.Н. Казачьи. URL: <http://tolstoy.ru/online/online-fiction/kazaky/> (дата обращения: 23.08.2020).

В старушке Европе и молодухе Америке брачный контракт – дело житейское и очень полезное. Россия упирается всеми фибрами своей души против такого кощунства в адрес неизвестно где живущей Любви. Юные девичьи создания, воспитанные в духе либерализма и современного европейско-голливудского синематографа, не хотят у нас составлять брачный контракт, они хотят сакральной белой и вечной Любви. Границы региона непреодолимы и в этих вопросах.

Западная Европа как единый регион играет в игру Свободы и демократии. Мы поем арию русского гостя под названием «Воля», причем это касается и южнорусского региона, даже той его части, которая сейчас находится в составе и Румынии, и Польши, и Венгрии. Так называемая когда-то Червоная Русь. Иногда сильно различаются регионы по механизму выработки общественного мнения. В кубинском регионе, революции Фиделя Кастро предшествовало создание общественного мнения интеллектуальным слоем Кубы. Провалу Че Гевары в Боливии предшествовало создание общественного мнения боливийскими латифундистами.

Европа гордится своими «демократическими» традициями. Скорее, это можно отнести это к самостереотипам и мифам Европы. Когда в XV в. в будущей Речи Посполитой уже функционировал сейм с сотнями депутатов, ограничивающих власть короля, во Франции и Англии прообразы парламента и Генеральных штатов едва насчитывал несколько десятков депутатов, не включавших в себя представителей даже третьего сословия. Европа много веков ставит оперу Демократия, но никогда серьезно не болела этим заболеванием. Но и игры, и стереотипы у каждого региона свои, они не меняются.

Одним из важнейших показателей региона является способ существования и жизнедеятельности Времени в нем. Не буду останавливаться на том, что Европа, в отличие от России, уделяет слишком много внимания прошедшему времени, особенно тому, что называется Past perfect, что у них нет настоящей формы совершенного и несовершенного глагола, что сразу ставит всю Европу по другую сторону временного барьера по отношению к России. Укажу только на то, что в самой Европе Время течет неодинаково в зависимости от границ регионов. Это уже началось с античности. Греки в принципе начали свою мифологию с убийства Времени. Зевс, чтобы учредить свою власть над миром, оскотил своего отца Кроноса и заключил его в тартар. Греки Время не почитали, храмов ему не ставили и праздников не устраивали. До IV в. до н.э. греки вообще не знали такого понятия, как час.

Уже римляне поступили иначе. Они Кроноса, под именем Сатурна в своих мифах, оставили живым и поселили на Сицилии, устраивали ежегодно одни из самых веселых праздников – сатурналии. Более того, римляне дали Кроносу умереть и показывают на Сицилии могилу Сатурна-Кроноса. Умиравшее Время! Ну чем не прообраз идеи Фукиямы о «конце истории»? И в принципе, античные римляне со временем знавались в своей культуре. Даже поэтическое произведение Вергилия Энеида гораздо более историческое произведение, чем История Геродота, которое есть просто более современное изложение мифов типа Гомера. У Вергилия появляется направленность Времени.

Послеантичная Европа избирает, особенно с 1000 г. путь линейного Времени, что нехарактерно ни для сегодняшней Греции, ни для Италии, ни для России, да, собственно, и ни для Азии. Не случайно люди, которые, как Френсис Фукуяма, приняли культурологическую концепцию Запада, исповедуют именно конечное линейное Время, говоря о «конце истории». Да, собственно, и Освальд Шпенглер писал именно об этом, только в ином ключе, чем Фукуяма.

Конечно, есть общие для всего европейского региона в целом отличительные особенности культуры, о чем писал в свое время Карл Ясперс в сборнике «Смысл и назначение истории», в главе «Специфика западного мира». И это, действительно, так. Не будем здесь подробно останавливаться на этом. Остановимся на другом. На том, что разделяет регионы Европы друг от друга, не давая возможности провести границы регионов где попало политикам и «ученым».

Никогда француз не станет англичанином и физически не сможет применять у себя в общезападном регионе английское казуальное право. Никогда британец даже не подумает отказаться от казуального права и заменить его бездушным Кодексом Наполеона. Никогда англичанин не станет итальянцем или немцем, и поэтому в живописи у британца навсегда пик вершины будет Томас Гейнсборо, а в музыке, либо Генри Пёрселл, либо немецкий композитор Гендель. Правда, британцы обошли всех на повороте при рождении рок-музыки, так что немцы со своими скорпионами и рамштайнами – просто попытка в принципе изобразить рок-музыку. Хотя, честно сказать, по мнению многих, получается все-таки немного немецкий военный марш.

Никогда итальянец не сможет родить Гегеля, Шеллинга, Юнга, Локка, Декарта. Никогда итальянка не будет Бронте, Кристи, Мэрдок или Остин. Не будет там рождено ни Диккенса, ни Шекспира, ни Голсуорси. Даже Рафаэль Саббатини, прославивший свою итальянскую фамилию необычайно популярными в свое время пиратскими

романами, был сыном матери англичанки. Но никто кроме итальянцев не занял столько призовых мест на вершине Олимпа музыки и живописи. Да собственно, почти вся европейская архитектура вышла из учебников Л.Б. Альберти и А. Палладио.

Таланты в Европе распределились согласно границам регионов. Настроения также. Грусть, оптимизм, депрессия и жизнелюбие также. Даже чувственность и эротика распределились согласно этим незримым границам. То, что у итальянца Дж. Боккаччо в Декамероне невинные шутки, повышающие жизнелюбие и настроение, то у его подражателя Дж. Чосера в Кентерберийских рассказах – неприличнейшая похабщина. То, что в английских часословах, молитвенниках, Евангелиях, да собственно и итальянских, и французских, в виде неприличнейших, непонятно зачем там появившихся рисунков, то для польских подобных изданий недопустимое святотатство.

Культурно-исторический тип, как его называл Н.Я. Данилевский, – вот единственно верное содержание региона и полностью распространяется вплоть до его реальных границ. Так что мы не можем согласиться с методикой К. Хаусхофера и любыми подобными попытками псевдонаучного, всегда пронемецкого, способа определения границ европейских Родин, а вновь и вновь обращаем внимание всех, кто занимается этой проблемой, на тот способ, который в свое время предложил австрийский писатель и мыслитель Стефан Цвейг. Будем внимательны к культуре регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
2. *Ратцель Фр.* Земля и жизнь. Сравнительное земледование: В 2 т. СПб., 2015.
3. *Хаусхофер К.* О геополитике. Работы разных лет. Границы в их географическом и политическом значении. Панидеи в геополитике. Статус-кво и обновление мира. Континентальный блок. М., 2001.
4. *Stein Lorenz von.* Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Freiburg, 1850.

Igor V. Pavlovsky

WHERE DOES THE MOTHERLAND BEGIN? ON THE ISSUE OF REGIONAL BORDERS WITHIN EUROPE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article studies the issue of borders of European regions. What is the marker for drawing the border – forests, woodlands, arable lands, mountains, coastline or regional culture? Being engaged in the polemics with German social scientist Karl Haushofer the author asserts that culture is the only basis for the

definition of regional borders in Europe. Homeland begins with culture. The establishment of the Schengen Area in Europe in the second half of the 20th century did not solve the problem of borders. Firstly, the borders exist in the perception of people even if nobody asks them to show the visa. Secondly, the events at the turn of the 21st century make Europeans reassert control over the borders and the issue of its legality is getting more acute in the political life of Europe. To exemplify, the principality of Liechtenstein has recently appealed to the European Court of Human Rights and demanded that the Czech Republic returns the land confiscated at the end of World War II¹⁸. Even the special statement of the head of the Cabinet of the Polish President was necessary in order to allay the international fears that Poland has claims to Belarus where there are political upheavals nowadays¹⁹. To put it differently, the issue of borders in Europe is still acute in Europe. In this regard it is especially important to review the issue of the main principles of drawing borders. As a starting point of the discussion the author uses the collection of papers written by Karl Haushofer “Geopolitics”.

Key words: geopolitics; borders; region.

About the author: Igor V. Pavlovsky – PhD in History, Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ipavlovsky@mail.ru).

REFERENCES

1. Gerder I.G. 1977. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the philosophy of the history of mankind]. Moscow. (In Russ.)
2. Rattsel'. Fr. 2015. *Zemlya i zhizn'. Sravnitel'noe zemlevedenie. V 2-kh tomakh* [Earth and life. Comparative Geography. In 2 volumes]. Saint Petersburg. (In Russ.)
3. Khauskhofer K. 2001. *O geopolitike. Raboty raznykh let. Granitsy v ikh geograficheskoy i politicheskoy znachenii. Panidei v geopolitike. Status-kvo i obnovlenie mira. Kontinental'nyi blok* [About geopolitics. Works of different years. Borders in their geographic and political meaning. Panideas in geopolitics. Status quo and world renewal. Continental block]. Moscow, Mysl. (In Russ.)
4. Stein Lorenz von. 1850. *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage*. Freiburg.

---

¹⁸ Lihtenshtejn potreboval u Chekhii konfiskovannye posle vojny zemli // Kommersant'. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4465644?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 21.07.2020).

¹⁹ V Pol'she zavayavili, chto ne pretenduyut na belorusskie territorii // Gazeta.ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2020/08/22/n_14834245.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (accessed: 21.07.20).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Martin Filip

(DO NOT) FORGET YOUR NATIVE LANGUAGE! TEACHING OF THE CZECH LANGUAGE TO RUSSIAN SPEAKING STUDENTS

*Prague University of Economics and Business
130 67, Czech Republic, Prague, W. Churchill square 1938/4*

The knowledge of the professional economic language is a vital prerequisite for high quality teaching and successful employment process of undergraduates and future graduates of the University of Economics, Prague. This article aims to contribute to the quality and efficiency of teaching the professional Czech language to foreign students, particularly to Russian-speaking students. This article contains didactic recommendations and proposals of specific methodological procedures and exercises which help to overcome adverse effects of the Russian language interference while learning the Czech professional economic language at the University of Economics, Prague. This article presents the results of teaching activities aimed at the Russian-speaking students in the framework of teaching professional economic Czech language at the University of Economics, Prague. Based on the research results, as well as the experience of working with students and applicants, recommendations were formulated that aim to maximise the effectiveness of mastering the Czech language as a foreign language, primarily taking into account Russian to Czech interlanguage transfer. In addition to methodological and didactic recommendations of a general nature, the article also contains specific examples of suitable practice materials.

Key words: interlanguage transfer; professional economic Czech language; teaching; international student; the Russian language; teacher.

This article focuses on a not very detailedly covered problem of the Czech language for foreigners, with the emphasis on Russian-speaking foreigners, and on the completion of the results of theoretical and practical research in the field of teaching the Czech language as a foreign language at the University of Economics, Prague (VŠE)¹. Attention is

---

Filip Martin – Dr.habil, Head of Department of Russian Language, Faculty of International Relations, Prague University of Economics and Business (e-mail: filipm@vse.cz).

¹ Vysoká škola ekonomická v Praze (Prague University of Economics and Business).

paid to the analysis of the problems of the Russian-Czech interlanguage transfer, especially Russian-Czech language interference. This is supported by experience gained in practice not only while teaching Czech economic language to regular international students of the university, but also when teaching Czech within the programme of the Preparatory Courses of Czech Language for Foreigners; foreigners who intend to study at VŠE in the future. The aim of the research concept (practice → theory → practice) is to improve the mastery of Czech language of the Russian-speaking students and to achieve their generally higher language culture throughout their whole study. Research in this area can be a significant asset due to the limited coverage of the topic in the literature.

The main aim of the study was 1) to find out and validate to what extent the language transfer affects the process of acquiring the Czech language positively or negatively in Russian-speaking students, and to what degree the student's native language plays a role in this process; 2) to analyze the influence of language transfer in the individual language areas, focusing on morphological and lexical aspects; 3) to acquire new, concrete and systemized knowledge (to verify the validity of existing knowledge) in the field of teaching the Czech language for Russian-speaking students, and especially in the area of language transfer. The partial objectives of the research were:

- Investigate in detail the mistakes in the lexical and morphological areas made by Russian-speaking students while acquiring Czech professional economic language, errors that, in particular, fundamentally impede comprehension and understanding.

- Based on the research of these errors, formulate general recommendations devoted to problematic issues occurring while teaching.

- To find out how the non-usage of the Russian language during teaching complicates the process (or assists the process) of acquiring the Czech language as a foreign language.

The following research questions were formulated concerning the stated research objectives:

- In the case of Russian-speaking students studying the Czech language, does the Russian-Czech interlanguage transfer have a strong positive influence?

- Do students who have a sufficiently systematized and deep experience with the Russian language show better results when studying Czech?

- Is a high level of knowledge of the Russian language on the part of the teachers necessary for achieving quality results when teaching the Czech language to Russian-speaking students?

Interlanguage transfer is a well-known linguistic phenomenon² that is an integral part of any pro-learning acquisition of a foreign language. At its core, an interlanguage transfer is the transmission of experience acquired while mastering and using one language (in this case Russian) on individual components of the process of learning a foreign language – it is somewhat (mostly) a subconscious comparison. Transposition³ (or a positive transfer) has a positive effect in the frame of learning a new language, i.e. it “prompts” the learner in the sense that what (simply put) has a particular form in his mother tongue, has a same or similar structure in another language that is newly acquired. For a Czech person the positive transfer “prompts” “that a word “*krýt* “translates as “*to cover* “in English, word “*od-krýt* “will be possible to translate using the base word and the prefix, in this case, “*to un-cover*”. To a Russian person, the positive transfer “prompts” “to translate for example the word “*ограничить*” as a Czech word “*ohraničit*” (eng. “*to circumscribe*”). Positive effects of the Russian language knowledge on learning the Czech language can be observed primarily in those cases which are almost or entirely identical to the Czech language. It is therefore quite logical that the closer the two languages are, the more the positive transfer occurs.

Language interference⁴ (a negative language transfer) has an opposite effect; hence, the learning process of the foreign language based on the mother tongue is impeded. The experience from the mother tongue, which the learner carries onto the foreign language is shown to be misleading. Based on the language transfer, a Czech-speaking person might mistakenly assume that a sentence: “*Chtěl bych mít více peněz.* “translates as “*I wish I had more money.* “A Russian-speaking person then may, based

---

² This phenomenon has been studied in the Czech Republic by several researchers. The most important of them were S. Jelínek, J. Hendrich, R. Choděra, J. Veselý, F. Malíř, L. Ries or J. Korčáková. There are quite a large number of publications, studies and teaching aids that analyze or at least take into account the language transfer problem. However, these are mainly materials that aim to help Czech students acquire the Russian language, which goes in the opposite direction than the intention of the realized research. The vast majority of specialized literature dealing with the issue of interlanguage transfer in the Czech language environment comes mainly from the 1960s and 1970s. At that time, the specifics of the Czech professional economic language for foreigners was not dealt with in any significant way.

³ This term is quite commonly used in the scientific literature [Bakeeva, 1977], although some authors avoid it as part of the effort to eliminate terminological volatility.

⁴ J.A. Zluktenko simply defines interference as follows: «*Интерференцией следует считать все изменения в структуре языка, а также в значениях, свойствах и составе его единиц, возникающие вследствие взаимодействия с языком, находящимся с ним в контактной межязыковой связи*» [Zatovkaňuk, 1979: 4]. [“*All changes in the structure of the language, as well as in the meaning, properties and composition of its parts, arising from language interactions, being in interlanguage contact, should be considered as interference.*” (own translation)].

on the language transfer, mistakenly by analogy assume that the word “*чнопумь*” may be translated as “*spořit*” (eng. “to save”).

The research was carried out (in the years 2016–2018) on 289 Russian-speaking students⁵ at the Faculty of International Relations (FIR), University of Economics, Prague. The aim was to gain relevant knowledge which could subsequently contribute to increasing the effectiveness of the learning process in the framework of teaching the Czech professional economic language for foreign students. The task was to examine how and to what extent the interlanguage transfer positively or negatively influences the learning process of the Russian-speaking students and to identify the role the mother tongue plays in this process.

Data for the analysis of the effect of interlanguage transfer was collected in 20 fully or partially filled up study groups, each with a maximum of 15 students. The study groups were compiled with regard to the mother tongue of the students and supplemented by diversely language-equipped teachers. The following study groups were created:

- Group A – Russian students and teachers with a Russian language knowledge at a proficiency level (110 students in eight groups)

- Group B – students from Belarus and Ukraine and Russian-language teachers with A1-A2 CEFR level (105 students in seven groups)

- Group C – Russian-speaking students whose mother tongue is a non-Slavic language (Kazakhs, Uzbeks, Georgians, Azerbaijani, Armenians) and teachers who do not speak Russian (74 students in five groups)

All students studied the Czech language intensively for one semester in groups according to the distribution mentioned above. These students filled out the same test questionnaire consisting of 40 exercises focused primarily on morphological and lexical phenomena, in which an interlanguage transfer was expected. When selecting specific language phenomena, which are included in the questionnaire (in addition to personal experience with teaching the Czech language as a foreign language), the selection of grammar and lexical curriculum, which are described in professional literature, were also taken into account. To this day, a comprehensive overview of the scope of the professional economic Czech language in the direction from the Russian language towards the Czech language is missing. Even within the range of a common language (in the direction of Russian to Czech, or the other way round) the definition of these aspects is not yet unified in terms of its names or total number. The primary criterion (for example, as defined by S. Jelínek [Jelínek, 1976], however, in my opinion, can be considered undisputed.

---

⁵ Students from three academic years of the Preparatory Courses of Czech Language for Foreigners to study at the University of Economics, Prague.

The following phenomena were therefore selected for the questionnaire:

- a. Phenomena that are among the most frequented in the Czech professional economic language.
- b. Phenomena that may often cause a significant misunderstanding if the language is acquired inadequately.
- c. Phenomena in which the Russian-speaking students very often make mistakes.

Based on the conducted research and analysis, the interlanguage transfer plays a significant role in the answers of the respondents. It manifested itself in a positive and also a negative form.

Transposition (i.e. the positive influence of Russian) influenced the decision of respondents in the choice of answer on average of 72% of cases (group A – 82%, group B – 77%, group C – approximately 63%). Such a high ratio is mainly because:

- students have already studied the Czech language for six-months,
- it is always easier to rely on the help of the language transfer rather than avoid it,
- in positive transfer practice exercises, mainly simpler words were used (e.g., *форма, пост*)
- if hypothetically, we combine student's knowledge acquired during the study with the positive influence of the Russian language, we get a quite effective hint.

It is apparent that Group B students, when not having the support of Russian-speaking teachers, did not use the potential of a positive interlanguage transfer as effectively as Group A students. Respondents from the Group C owing to their origin did not use much of the effect of the transposition, so the 63% share is probably the result of the learning process itself.

Interferences (i.e. the negative influence of Russian) influenced the results of the respondents to a substantial extent. The language interference influenced the choice of the answer on average in 29% of cases (Group A – 22%, Group B – 44%, Group C – approximately 21%). The data shows that Group A students (Russian students and teachers with a Russian language knowledge at a proficiency level) and Group C students (Russian-speaking students whose mother tongue is a non-Slavic language and teachers who do not speak Russian) were best able to resist the interference influence. The respondents of Group B (students from Belarus and Ukraine and Russian-language teachers with A1-A2 CEFR level) were affected markedly negatively by the Russian language knowledge in their choice of the answer.

When teaching the Czech language as a foreign language to Russian-speaking students, it is often assumed that due to the common origin of

the Czech and the Russian languages, it is possible to rely to a considerable extent on the student's experience with the Russian language, which will guide him through the pitfalls of a newly acquired language. We can agree only partially. Positive transfer is indeed more robust in the first phase of the study of the Czech language; however, it loses its strength through time. The more the Russian-speaking student masters the Czech language, the less service the advantage of knowing the Russian language provides him. Therefore, if at the beginning the Czech language may seem easy to the student, later (thanks to the interlanguage interference) it manifests itself in all its difficulty. This is true even in the case of a professional language, that is to say in a language upgrade over a language knowledge as a simple tool of communication (although it is not possible to separate the levels because it always concerns the same language). Recommendations that can help students master the Czech language take into account the difficulty of the Czech language in everyday communication, the problems that its study brings, and the effort to achieve the greatest success of Russian-speaking students of the Czech language at the University of Economics, Prague. It is a recommendation that does not only apply to the teaching process and interlanguage transfer, but rather to the whole process of mastering and acquiring the foreign language.

a) In various study groups, it is advisable (as long as it is possible with regard to capacitive, logistical and organizational factors) to place Russian-speaking students of Slavic origin separately from Russian-speaking students of non-Slavic origin. Their study requirements, study demands, anticipations, approach and mentality, are entirely different. Not every Russian-speaking person is Russian. They are often students who do not speak Russian well, and their knowledge of the language is superficial, without knowledge of grammar, language paradigm or a broader lexicon. Dividing the students by their origin (Slavic/non-Slavic) is one of the underlying assumptions for their successful study of the Czech language.

b) Students from Ukraine and Belarus should be regarded as native Russians⁶ during the teaching process since their knowledge of Russian language (except, for example, western Ukraine) is sufficiently deep and systematized. In the groups of Russian-speaking students of Slavic origin, it is necessary to have teachers whose Russian language is at a master level (preferably who are proficient or at a C1 CEFR level.) Only such teachers can fully exploit the potential that the Russian language has in a positive sense when acquiring the Czech language, and they can also eliminate (or at least mitigate) its negative influence. On the other hand, teachers who are proficient in Russian are not critical in case of groups

---

⁶ Apart from the possible influence of their native language.

consisting of non-Slavic Russian-speaking students, even though study results may improve in these groups by using the Russian language as an intermediary.

c) The role of the teacher is crucial. The teacher is primarily involved in the language learning process, and he can often become consciously or unconsciously the source of the mistakes. In addition to the lack of knowledge of Russian as an intermediary on the teacher's part, and therefore the impossibility of an aimed work with interlanguage transfer influence, the mistake is also the result of teacher's impact on the general pedagogy level, as well as on the didactics of a foreign language. With regard to the research results and long-term observation, a teacher can be mainly recommended the priority to use the following didactic principles: native language consideration principle (or the language of communication) and confrontation principle (in our case, especially informal, semantic or valence aspects). Commonly, the principle of systematicness and activation, as well as the principle of the student's motivation, should be applied.

d) When teaching a professional economic Czech, it is not possible to recommend more extensive use of the direct (natural) method, which does not take into account the aspect of the interlanguage transfer in its substance. Instead, the method of intermediation and to a great extent also the method of grammar-translating should be used. This is what many (among others M. de Montaigne, M. Luther, W. Ratke) criticize about the grammar-translating method, that is, over-accentuating the principle of awareness and the excessive use of the native language, seems to be a great benefit due to the curriculum character, the objective of the teaching and the origin of students. Because the nature of education in the former Soviet Union countries has not changed since the Soviet Union era, it is also possible to recommend the use of frontal teaching, accentuation of the teacher in the framework of his rather directive approach or the deductive method of presenting and learning a new subject. This recommendation is based on the simple fact that the Russian-speaking students are used to such teaching style, are much more secure in this frame and can achieve excellent results. Communication methods can only add to the above, but not substitute it.

e) Selection of texts and exercises, through which the Czech professional language is presented and practised also influences success in suppressing the effect of interference and in the use of positive transfer. Study texts should be compiled about current economic topics and complemented by practice exercises that will be adapted from these texts by their lexical content. The aim of the texts should be to introduce the student into the topic, to the expanding lexicon and to provide a quality

foundation for subsequent linguistic exercises in which problematic interference phenomena should be practised. Besides general and timeless topics (bank, money, economic systems, state budget, economics, et cetera), texts in the range of 1–2 standard A4 page format can include current or controversial topics, for example, controlling, crisis, taxes, audit, the role of the state in economics, or economic growth. When working with texts, the analytical reading should be emphasized, prospectively reading with commentary, while understanding the text should be thoroughly verified.⁷ This can be achieved by:

- Exercises that contain questions about the text (e.g. *“Which basic types of banks does the text mention?”*);
- Exercises aimed at reproducing the text with the outline help (e.g. *“Reproduce the introductory text using the following outline.”*) or with the help of key words (e.g. *“Using the introductory text, make three sentences using each of the keywords.”*);
- Exercises focused on formulating names of each paragraph (e.g. *“Formulate the names of each paragraph of the given text.”*);
- Exercises focused on the choice of statement that corresponds to the content of the text (e.g. *“Decide which of the following statements corresponds to the content of the text.”*);
- Exercises focused on the explanation of terms from the text (e.g. *“Explain in your own words terms in the text above.”*);
- Using the ERR method⁸ (evocation – realization of the meaning – reflection). The first phase (evocation) should serve to tune students in, arouse their interest and motivation. Besides, it is also essential for activating their existing achievements and experiences. Within the next phase (realization of the meaning), the students become aware of the meaning of the text, acquire new information, try to understand it, analyze and systematize. In the last stage (reflection), students should be allowed to think about the text they have read as a whole and consider what was beneficial and essential. They become aware of their attitudes and feelings and can apply the newly acquired knowledge; reflection can thus become an evocation for the next lesson.

The following exercises should be included in a lesson:

- Translation exercises and that is a translation from a foreign (in our case from Czech) language and also to a foreign language. This is of course based on the assumption that the teachers working with the students have high knowledge of the Russian language. Translation exercises should

---

⁷ It is advisable to use less extensive texts focused on listening comprehension, while exercises that follow the texts may have a similar structure to reading.

⁸ See http://www.kritickemysleni.cz/klisty.php?co=klisty24_eur (accessed: 27.05.2019).

be appropriately divided into “transposition”, “interferential” and “mixed”, while the exercise should draw attention to the phenomenon being exercised (e.g. “*Translate into the Czech language the following nouns, paying particular attention to their gender*”, “*Translate to Russian the following phrases and note the differences in prepositional phrases.*” Alternatively, “*Add to the nouns from the introductory text the plural form of genitive and accusative cases. Formulate the rule of a different creation of the accusative case of plural nouns in Czech with comparison to Russian.*”);

– Exercises to fill in synonyms and antonyms (e.g. “*Fill in words with a similar meaning to the following words from the introductory text*” or “*Replace the underlined words from the introductory text with antonyms. How does it change the meaning of the sentence?*”);

– Substitution exercises (e.g. “*Repeat as shown. example: (banka) Diskutovali jsme o bance. – půjčka, splátka, ekonomika, ... Example: (bank) We discussed the bank. – loan, instalment, economy, ...]*”);

– Continuation exercises (e.g. “*Complete the sentence. Example: Hypotéky jsou v současné době poměrně výhodné, ... neboť jejich úrok nebývá vysoký. [Example: Mortgages are currently relatively advantageous, ... because their interest rate is not high.]*”);

– Transformational exercises⁹ (e.g. “*Put the words in brackets into a suitable form. It is necessary to orientate oneself in the following.... (problem) problems. – scheme, method,....*”);

– Exercises aimed at adding appropriate words to context (e.g. “*Which of the following words are best suited in the sentence.*”);

– Exercises focused on word formation or word combinations according to a specific pattern (e.g. “*Using the two nouns given, create a combination adjective-noun. Example: Podnikatel – záměr – podnikatelský záměr. [Example: businessman – plan – business plan.]*”);

– Exercises aimed at deciphering miscorrected words, phrases or sentences (e.g., “*Each of these sentences contains a mistake. Identify and correct them.*”);

– Exercises focused on grouping words according to specific criteria (e.g. “*Divide the mentioned words from the introductory text into five groups. Formulate the distribution criteria.*”);

– Exercises targeted at Czech (and Russian-Czech) paronyms (e.g., “*From the following two words, choose the one that fits into the sentence*” *economy – economics, ...* “).

Also, it is certainly possible to use situation games, crosswords, role-play or even a mime show. In every case, it is always necessary to pay

---

⁹ J. Hendrich divides the exercises into imitation, substitution, transformational, dialogic and continuation [Hendrich, 1988: 333-341].

attention to the exercises so that their content and focus are anchored thematically in the introductory text, that is to say, the context principle context is always respected.

f) To best tackle the longstanding pitfalls of mastering the Czech language by Russian-speaking students located in the Czech Republic, final recommendations to provide Russian-speaking students (and international students in general) with adequate educational (and social) opportunities *outside of* the study group. While, as discussed above, there are some clear advantages that can be gained by grouping Russian-speaking students in the formal classroom, it is advisable not to segregate Russian-speaking students from other students in general, and efforts should be made to suppress their (natural) effort to gather among their “own” Russian-speaking groups. This can be done by organizing events in the style of *nation-to-nation*¹⁰, where students are provided with a wide variety of cultural events and have the opportunity to meet with native Czechs and master their communication style. Related events from the past were met with a high level of success.

All the recommendations mentioned above and intentions are to help to free the Russian-speaking students from the adverse effects of the Russian language, “*In other words, to create an autonomous competence for a learned language.*” [Vesely, 1985: 93]

If the student manages to reach resistance to the Russian language, he uses the Czech language entirely independently. However, this stage is challenging to achieve. Interference influence of the Russian language is so strong in case of the Russian-speaking students that it also influences more advanced stages of acquiring the language, thus even the professional economic language.

REFERENCES

1. Bakeeva N.Z. 1977. *Lingvisticheskie osnovy metodiky obcheniya russkomu yazyku* [Linguistic foundations of the methodology of teaching the Russian language in the national school]. Pedagogika. Moscow. (In Russ.)
2. Co je E-U-R. [What is E-U-R]. URL: http://www.kritickemysleni.cz/klisty.php?co=klisty24_eur (accessed: 27.5.2019). (In Czech).
3. Hendrich J. 1988. *Didaktika cizích jazyků* [Didactics of foreign languages]. Státní pedagogické nakladatelství. Prague. (In Czech).
4. Jelínek S. 1963. *Vybrané kapitoly z metodiky ruského jazyka* [Selected chapters from the methodology of the Russian language]. Ústav pro dálkové studium učitelů na UK v Praze. Prague. (In Czech).
5. Jelínek S. 1976. *Metodické problémy vyučování cizím jazykům* [Methodical problems of teaching foreign languages]. SPN. Prague. (In Czech).

---

¹⁰ See e.g.: <http://www.nation2nation.cz/> (accessed: 15.01.2020).

6. Nation2nation. URL: <http://www.nation2nation.cz/> (accessed: 15.1.2020). (In Czech)
7. Veselý J. 1985. *Problematika vyučování ruštině jako blízce příbuznému jazyku* [The issue of teaching Russian as a closely related language]. Státní pedagogické nakladatelství. Praha. (In Czech).
8. Zatovkaňuk M. 1979. *Mezijazyková a vnitrojazyková interference* [Interlingual and intralanguage interference]. SPN. Praha. (In Czech).

Мартин Филип

(НЕ) ЗАБЫВАЙТЕ СВОЙ РОДНОЙ ЯЗЫК! ПРЕПОДАВАНИЕ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ

*Пражский университет экономики и бизнеса,
130 67, Чешская Республика, Прага, W. Churchill 1938/4*

Обязательной предпосылкой для качественного обучения и дальнейшего трудоустройства студентов и будущих выпускников Пражского университета экономики и бизнеса является знание профессиональной экономической лексики. Данная научная статья представляет результаты преподавательской деятельности, которая нацелена на русскоязычных студентов в рамках преподавания профессионального чешского языка в Пражском университете экономики и бизнеса. Цель этой статьи – способствовать улучшению качества и эффективности преподавания профессионального чешского языка для иностранцев, с акцентом на русскоговорящих студентов. Основываясь на результатах научного исследования (прежде всего акцент был сделан на русско-чешском позитивном, а также негативном межъязыковых трансферах) и на имеющемся опыте работы со студентами и абитуриентами, были сформулированы рекомендации, целью которых является максимизировать эффективность освоения чешского языка как иностранного. В статье содержатся дидактические рекомендации и предлагаются конкретные методические разработки и упражнения, которые помогают избежать негативного влияния русского языка при изучении профессионального чешского языка в Пражском университете экономики и бизнеса. В дополнение к методологическим и дидактическим рекомендациям общего характера, статья также содержит конкретные примеры подходящих практических материалов.

Ключевые слова: межъязыковой трансфер; профессиональный экономический чешский язык; преподавание; иностранный студент; русский язык; преподаватель.

Сведения об авторе: *Филип Мартин* – доктор наук, заведующий кафедрой русского языка, факультет международных отношений, Пражский университет экономики и бизнеса (e-mail: filipm@vse.cz).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакеева Н.З.* О лингвистических основах методики русского языка в национальной школе. М., 1977.

2. Co je E-U-R. URL: http://www.kritickemysleni.cz/klisty.php?co=klisty24_eur (дата обращения: 27.5.2019).
3. *Hendrich J.* Didaktika cizích jazyků. Státní pedagogické nakladatelství. Prague, 1988.
4. *Jelínek S.* Vybrané kapitoly z metodiky ruského jazyka. Ústav pro dálkové studium učitelů na UK v Praze. Prague, 1963.
5. *Jelínek S.* Metodické problémy vyučování cizím jazykům. SPN. Prague, 1976.
6. Nation2nation. URL: <http://www.nation2nation.cz/> (дата обращения: 15.01.2020).

Ю.В. Егорова

АССОЦИАТЫ КАК МЕТОД РАБОТЫ С ЛЕКСИКОЙ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье предлагается новый метод работы над русской лексикой с иностранными студентами, основанный на ассоциативном сходстве и семантическом различии лексем с интернациональными корнями. Ошибки в употреблении данных языковых единиц относятся к семантической интерференции, когда лексический багаж родного языка проецируется на изучаемый иностранный. Использование ассоциатов как одного из методических приемов позволит соединить в преподавании глобальное и национальное, общее и специфическое. Работа с парами ассоциатов поможет избежать лингвистических конфузов, языковых и речевых ошибок, обогатит лингвокультурную компетенцию учащихся. Преподаватели русского как иностранного, кроме занятий на начальном этапе, редко используют ложных друзей переводчика, рассматриваемый метод позволит исправить это упущение. Соответствующее пособие может стать вспомогательным материалом при работе над лексикой на продвинутом этапе обучения. Его основой стали пары ассоциатов: *data/date*; *кrest/crest*; *директор/director* и т.п. Пары были отобраны на основе словарей ложных друзей переводчика. Среди пар выделяются ассоциаты двух типов, которые условно можно назвать «совсем не то» и «не совсем то». Отобранные пары объединены в тематические блоки, актуальные для речевой практики аудитории: «Образование», «Работа», «Транспорт», «Досуг» и др. В каждом тематическом разделе несколько пар: от 5 до 15. Для работы с каждой парой предлагаются упражнения следующих видов: ознакомительные, подстановочные, переводческие (язык-посредник – английский), коммуникативные. Введение каждой пары сопровождается лингвокультурным комментарием.

Ключевые слова: русский как иностранный; интернациональная лексика; ассоциаты; семантическая интерференция; тематический принцип; отбор пар; типы упражнений.

Расширение словарного запаса, т.е. работа над лексикой учащихся, – одна из основных задач на занятиях по иностранному языку.

Егорова Юлия Викторовна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: iegorova64@yandex.ru).

Эта цель ставится и при комплексном подходе, а при аспектном преподавании языка выходит на первый план. Современные пособия по лексике РКИ строятся на основе разных принципов. Среди них есть и лингвистический, когда основой разделов становятся синонимы, антонимы и т.п. [Ласкарева, 2010], и словообразовательный, когда материал строится на основе однокоренных слов одной части речи (преимущественно глаголов) с разными аффиксами [Амиантова, 2008], и тематический [Величко, 1987]. В процессе обучения используются и пособия, посвященные одной или нескольким лексико-грамматическим группам, например глаголам движения [Муравьева, 2003]. К работе над лексикой РКИ кажется целесообразным добавить еще один метод, основанный на ассоциативном сходстве и семантических различиях лексем с интернациональными корнями.

Ложные друзья переводчика¹, или ассоциаты, могут стать фундаментом вспомогательного пособия для продвинутого этапа обучения, тем более что они часто порождают ошибки в речи иностранных учащихся:

*В нашей школе преподавали **нормальные** предметы.*

***Нормально** мы получаем высшее образование примерно в 25 лет².*

Подобные случаи называют интерлингвальными, или межъязыковыми, ошибками, они связаны прежде всего с ложной проекцией родного языка на изучаемый. В этом случае речь идет об интерференции, которая проявляется в отклонении от норм изучаемого языка под влиянием родного. Надо оговориться, что речь пойдет об английском языке как самом частом языке-посреднике и вообще о западноевропейских языках, германских и романских. Ярче всего интерференция проявляется на фонетическом, грамматическом и синтаксических уровнях, реже обращают внимание на интерференцию на семантическом уровне. Ее часто принимают за стилистические ошибки, которые допускают и носители русского языка. Однако это не раскрывает природы ошибки. Учтя же причину неправильного

---

¹ Сегодня термин «ложные друзья переводчика» не устраивает многих лингвистов. В.В. Акуленко называл сходные по внешней форме лексемы двух языков диалексемами. К.Г.М. Готлиб вместо образного метафорического названия использует термин «междужычные аналогизмы». По мнению Н.К. Гарбовского, термины «аналогия» и «аналогизм» не раскрывают сути данного языкового явления, так как на первый план выдвигается аналогия форм, а асимметрия содержания остается скрытой, предлагает другое название для данного типа лексем. Он выделяет из класса диалексем асимметричные диалексемы. В предисловии к своему «Большому англо-русскому, русско-английскому словарю мнимых друзей переводчика» А. Пахотин предлагает их называть «межъязыковыми мнимыми ассоциатами». Мы остановились на последних вслед за автором англо-русского и русско-английского словаря Пахотина [Пахотин, 2006].

² Лексемы *нормальный/нормально* употреблены вместо *обычный/обычно* [Егорова, 2018].

употребления и заранее обратив внимание на это, преподаватель помог бы учащимся избежать подобных ошибок.

Овладение иностранным языком и перевод его единиц на родной – взаимосвязанные процессы, особенно на начальном и среднем этапах обучения. Нельзя сказать, что и продвинутый этап избавляет учащегося от переводческих задач, скорее, он меняет их суть: от выживания в чужом языковом пространстве индивид переходит к осознанному сопоставлению, своего рода лингвистической игре. В связи с этим вопрос перекодирования единиц иностранного языка на родной язык учащихся – проблема не только переводческая, но и лингводидактическая. Межъязыковое перекодирование требует от индивида ментальной работы в двух семантических системах. Человек, встречая слово, своим обликом, как фонетическим, так и графическим, напоминаящее ему лексему родного или хорошо известного языка, бессознательно объединяет две единицы и приписывает первому известное значение.

В лингводидактике на этот феномен чаще всего обращают внимание преподаватели английского языка. В отличие от них, русисты на занятиях по русскому языку как иностранному редко используют этот ассоциативный потенциал учащихся. Если на начальном этапе в современных учебниках интернациональная лексика заняла достойное место уже в первых уроках [Чернышов, 2011], то на других этапах освоения русского языка ей не уделяется почти никакого внимания. А ведь ассоциаты могут стать структурной лингвистической основой для работы над лексикой на продвинутом этапе обучения. Кроме того, подобный подход может обеспечить «взаимосвязь глобального и национального», требования, предъявляемого к современным пособиям по иностранным языкам [Сафонова, 2018]. Обращение к интернациональным корням и демонстрация их отличной от прототипа семантической реализации в русском языке позволяет подчеркнуть общее и специфическое на примере конкретных лексем. Любая проговоренная и проработанная, скорректированная ассоциация улучшает процесс запоминания. Предоставленные сами себе эти ассоциаты, скорее всего, станут ложными друзьями, как, например, в этих случаях:

*Чтобы **адоптировать** ребенка в нашей стране, нужно собрать очень много документов.*

*У нас разрешено **демонстрировать**, если вы не согласны с решением власти.*

Эти смоделированные лексемы явно показывают стремление учащихся расширить границы интернациональной лексики, воспользоваться функциями ассоциатов из другого языка.

Подобный феномен связан еще и с особенностями аудитории. Изучающие русский язык студенты – это, как правило, молодые люди 20–23 лет, иностранцы, с фоновыми знаниями в области гуманитарных наук. Для них характерна когнитивная дилемма: с одной стороны, глубина мысли, а с другой – невозможность высказать ее на русском языке. Отсюда стремление учащихся использовать сложные слова, однажды встреченные и кажущиеся похожими на лексемы родного языка. Вторая группа студентов – выходцы из семей, когда-то уехавших из страны. Дома в этих семьях говорят по-русски, но образование молодые люди получают на языке страны проживания. В результате этого мы наблюдаем дисбаланс различных вариантов языка: относительно свободное владение разговорной речью и отсутствие навыков публицистической, официальной, научной коммуникации [Денисова, Розина, 2019: 102]. На значение русских лексем этих дискурсов проецируется семантическое содержание известных аналогов. Все это провоцирует речевые ошибки, а значит, актуализирует работу с ассоциатами.

Чтобы пользоваться рассматриваемым методом, необходимо пособие для подобной работы. В соответствии с тремя обязательными задачами при работе с лексикой [Борисова, 2003: 120] необходимо начать с отбора изучаемых единиц. Для этого был предпринят предварительный подбор таких пар-ассоциатов, которые могут провоцировать ошибки учащихся. Первое слово в паре – русская лексема, второе – английская. Это не ограничивает аудиторию учащихся англоязычными носителями, так как, хотим мы этого или не хотим, английский становится если и не языком посредником (все-таки речь идет о продвинутом этапе обучения), но языком-помощником. Конечно, преподаватель, работающий с носителями другого языка и знающий его, может и сам составить такую методическую разработку, в которой работа сосредоточится вокруг пар-ассоциатов, актуальных именно для этого языка (*камера* – камера для итальянского, *окурки, позор* – для чешского). Обычно эти сопоставления спорадически возникают на занятиях, но, как правило, бессистемно, в порядке лингвистического казуса.

Основой для подбора пар-ассоциатов стали два словаря³ и собственный опыт работы с иностранными студентами. Выделяя лексемы, мы руководствовались не только фонетическим сходством. На продвинутом этапе учащиеся уже обладают навыком, позволяющим им увидеть в русском слове, часто фонетически и грамматически измененном, иностранный корень и, к сожалению, приписать

---

³ Пахотин А.И. Большой англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика. М., 2006; Англо-русский и русско-английский словарь ложных друзей переводчика / Под ред. В.В. Акуленко. М., 1969.

ему значение прототипа. Например, глаголу *демонстрировать* приписать значение «участвовать в демонстрации».

Отобранные пары были разделены на два типа. Первую группу можно условно назвать «это совсем не то»: *дата / date (данные); комплекция / complexion (цвет кожи); корона / corona (солнечный круг); крест / crest (гребешок, холка)*, значения данных ассоциатов в русском и английском языках полностью не совпадают. Название второй группы – «это не совсем то»: часть значений этих единиц тождественны, но в английских лексемах основное или одно из частотных значений чуждо русскому аналогу: *директор / director (+режиссер); галантный / gallant (+смелый, отважный); мастер / master (+хозяин); артист / artist (+художник)*.

Непродуктивно вводить эти пары в алфавитном порядке, с таким же успехом студенты могли бы прочитать словарь. Необходимо попытаться связать русскую лексему, единицу изучаемого языка, с лексико-семантической группой, конкретной изучаемой темой, например, следующим образом. Для темы **Образование** – *балл (point) / ball (мяч, бал); Работа* – *фабрика (factory) / fabric (ткань); Досуг* – *мода (fashion) / mode (способ)*.

Кроме того, внутри этих тем для выделенных пар ассоциатов целесообразно построить единообразную систему заданий, включающую упражнения разных типов.

1. Ознакомительные упражнения. В них приводятся образцы употребления первого элемента пары, подчеркивающие его отличия от ассоциата.

Для ложных ассоциатов **аккуратный / accurate**:

Аккуратный список адресов лежал на столе. Аккуратный человек никогда не оставит беспорядок после себя.

2. Подстановочные упражнения, позволяющие закрепить разницу между русской лексемой и единицей, соответствующей английскому ассоциату.

Для лексемы **фамилия**, например, это будет разграничение **фамилия vs семья**.

Жизнь моей _____ связана с этой страной. Сейчас их _____ живет в Германии. Происхождение нашей _____ неизвестно.

3. Переводческие упражнения – с русского на английский, предложения, в которых встречается русский ассоциат или лексема, которой чаще всего переводится английский ассоциат.

В Вене состоялся бал дебютанток. Для поступления нужно получить высокий балл. Баллы очень важны при поступлении.

4. Коммуникативные задания, провоцирующие употребление русских ассоциатов.

Расскажите о системе баллов на экзаменах при поступлении в университет.

Как вы думаете, от кого зависит успех фирмы /фильма / спектакля и почему?

Для самостоятельного чтения и расширения пассивного словарного запаса вводятся мини-тексты лингвокультурологической направленности, темой которых может быть как история заимствования русского слова, так и изменения его семантического содержания. Например, такой фрагмент текста для лексемы **нормальный**:

*Слово **нормальный** впервые встречается в 80-х годах XVIII в. Вначале оно обозначает тип школы. Это значение сохраняется до начала XX в. Сейчас этого слова нет в названии ни школ, ни университетов, в отличие от Франции, где и сегодня есть Ecole Normal.*

Или для лексемы **пионер** и ее ассоциата:

*Слово **pioneer** заимствуется в английский язык из французского в значении «пеший солдат, прокладывающий дорогу армии». С начала XVII в. начинает употребляться в значении «человек, который сделал что-то первым». Интересно, что в XIX в. происходит обратное заимствование: из английского языка слово с новым значением приходит во французский.*

Этимология, сопоставление, связь с историей в большинстве студентов пробуждают интерес к предмету и служат культурным фоном, обеспечивающим лучшее запоминание.

Предлагаемый метод и основанное на нем пособие помогут изучающим русский язык избежать многих ошибок, расширить их словарный запас, как активный, так и пассивный, могут быть использованы как дополнительный материал при работе с лексикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амиантова Э.И. и др.* Лексика русского языка: сборник упражнений. М., 2008.
2. *Борисова Е.Г., Латышева А.Н.* Лингвистические основы РКИ. М., 2003.
3. *Величко А.В. и др.* Пособие по лексике русского языка для иностранных студентов-филологов. М., 1987.
4. *Денисова Ю.В., Розина М.С.* Практический курс перевода. Русский язык: новые направления учебной работы национальных филиалов МГУ имени М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 98–107.
5. *Егорова Ю.В., Труханова Е.В.* Трудности перевода: нормально или обычно? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2018. № 2. С. 50–62.
6. *Ласкарева Е.Р.* Прогулки по русской лексике. СПб., 2010.
7. *Муравьева Л.С.* Глаголы движения в русском языке. М., 2003.
8. *Пахотин А.И.* Большой англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика. Предисловие. М., 2006.
9. *Сафонова В.В.* Основополагающие принципы моделирования учебной литературы по теории и методике обучения межкультурному общению в высшей

школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 2. С. 65–76.

10. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали! Русский язык для взрослых. СПб., 2011.

Yuliya V. Egorova

ASSOCIATES AS A METHOD OF WORKING WITH VOCABULARY OF RUSSIAN AS A SECOND LANGUAGE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article suggests a new method of working on Russian vocabulary with foreign students, based on the associative similarity and semantic difference of lexemes with international roots. Errors in the use of these language units relate to semantic interference, when the lexical baggage of the native language is projected onto the foreign language being studied. Using associates as one of the methodological techniques will allow you to combine global and national, general and specific approach. Working with pairs of associates will help to avoid linguistic embarrassments, language and speech errors, enrich the linguistic and cultural competence of students. Teachers, except for classes at the initial stage, rarely use translator's false friends. This method will help to correct this omission. The corresponding manual can be used as a supplementary material when working on vocabulary at an advanced stage of training. It is based on pairs of associates: дата/date; крест/crest; директор/director, etc. The pairs were selected based on the dictionaries of the translator's false friends. Among the pairs, associates of two types stand out, which can conditionally be called "not at all" and "not the same". The selected pairs are combined into thematic blocks that are relevant to the audience's speech practice: "Education", "Work", "Transport", "Leisure", etc. Each topic section has several pairs: from 5 to 15. To work with each pair, the following types of exercises are offered: introductory, substitution, translation (intermediary language – English), and communicative. The introduction of each pair is accompanied by linguocultural commentary.

Key words: Russian as a foreign language; international vocabulary; associates; semantic interference; thematic principle; selection of pairs; types of exercises.

About the author: *Yuliya V. Egorova* – PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: iegorova64@yandex.ru)

REFERENCES

1. Amiantova E.I. i dr. 2008. *Leksika russkogo yazyka: sbornik uprazhnenii* [Vocabulary of the Russian language: a collection of exercises]. Moscow, Flinta: Nauka. (In Russ.)

2. Borisova E.G., Latysheva A.N. 2003. *Lingvisticheskie osnovy RKI* [Linguistic bases of Russian as a Foreign Language]. Moscow, Flinta: Nauka. (In Russ.)
3. Velichko A.V. i dr. 1987. *Posobie po leksike russkogo yazyka dlya inostrannykh studentov-filologov* [A manual on the vocabulary of the Russian language for foreign students of philology]. Moscow, Russkii yazyk. (In Russ.)
4. Denisova Yu.V., Rozina M.S. 2019. “Prakticheskii kurs perevoda. Russkii yazyk”: novye napravleniya uchebnoi raboty natsional’nykh filialov MGU imeni M.V. Lomonosova [Practical translation course. Russian language: new directions of educational work of the national branches of Moscow State University M.V. Lomonosov]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 98–107. (In Russ.)
5. Egorova Yu.V., Trukhtanova E.V. 2018. Trudnosti perevoda: normal’no ili obychno? [Translation Difficulties: normally or usually?]. *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, no. 2, pp. 50–62. (In Russ.)
6. Laskareva E.R. 2010. *Progulki po russkoi leksike* [Walking through the Russian vocabulary]. Saint Petersburg, Zlatoust. (In Russ.)
7. Murav’eva L.S. 2003. *Glagoly dvizheniya v russkom yazyke* [Verbs of movement in Russian]. Moscow, Russkii yazyk. (In Russ.)
8. Pakhotin A.I. 2006. *Bol’shoi anglo-russkii, russko-angliiskii slovar’ mnimykh družei perevodchika. Predislovie* [Big English-Russian, Russian-English dictionary of false friends of the translator. Preface]. Moscow, A.K. Kareva. (In Russ.)
9. Safonova V.V. 2018. Osnovopolagayushchie printsipy modelirovaniya uchebnoi literatury po teorii i metodike obucheniya mezhkul’turnomu obshcheniyu v vysshei shkole [Fundamental principles of modeling educational literature on the theory and methodology of teaching intercultural communication in higher school]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 65–76. (In Russ.)
10. Chernyshov S.I., Chernyshova A.V. 2011. *Poekhali! Russkii yazyk dlya vzroslykh* [Let’s Go! Russian language for adults]. Saint Petersburg, Zlatoust. (In Russ.)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Чжоу Мэнхань

«МАСТЕРСКАЯ ПЕРЕВОДА» В МЕТОДИКЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ¹

*Чжуннаньский университет экономики и права,
430070, Китай, Ухань*

В данной работе анализируется метод обучения, известный как «Мастерская перевода», который используется в курсе «Теория и практика перевода с русского языка на китайский», преподаваемом в Чжуннаньском университете экономики и права. «Мастерская перевода» – новый метод обучения при подготовке кадров переводчиков, квалификация которых в большей степени отвечает требованиям рынка. Этот метод предоставляет студентам возможность совместной активной работы, позволяет им улучшить навыки перевода, научиться использовать средства автоматизированного перевода, приобрести практический опыт в переводческой деятельности. Студенты получают хорошую подготовку для успешной работы после окончания университета. Анализируемый метод обучения объединяет теорию и практику перевода. Студенты совместно работают над проектами по самым разным темам, связанным с реальным рынком переводческих услуг. Работа над каждым проектом предполагает следующие пять шагов, часть из которых выполняется на занятиях, а часть предназначена для самостоятельной работы: 1) распределение обязанностей среди учащихся; 2) анализ материалов, относящихся к теме; 3) перевод материалов учащимися (индивидуально или в группах) с применением средств автоматического перевода; 4) выбор лучшего варианта перевода и формирование итогового варианта текста в результате обсуждения; 5) обобщение результатов работы над проектом и запись вариантов перевода в базу. В статье подробно характеризуются все пять шагов. Данный метод представляет интерес как в теоретическом аспекте, так и в аспекте обучения навыкам перевода с русского языка на китайский и с китайского на русский, а также в аспекте обучения китайскому языку русскоязычных студентов.

Ключевые слова: перевод; мастерская перевода; средства автоматизированного перевода (САП).

Чжоу Мэнхань – старший преподаватель кафедры русского языка Чжуннаньского университета экономики и права, доктор филологических наук Педагогического университета Центрального Китая (e-mail: menghancspnu@mail.ru).

¹ Данная статья является результатом исследования Проекта «翻译理论与实践课程的专题翻译工作坊教学模式研» (№ проекта: YB2018032) Чжуннаньского университета экономики и права и результатом исследования Проекта совместной подготовки Министерства Образования Китая «翻译专业基础课程在线资源开发» (№ проекта: 201801291002). Данное исследование было поддержано Фондом CSC Китая (№ CSC: 201907087001).

Введение. Изучение русского языка как неродного в Китае прошло непростой путь. В 1960-е годы изучение русского языка было очень популярным, но после 1991 г. интерес к изучению русского языка снизился. Однако в XXI в. особенно с развитием концепции «Один пояс – один путь» количество желающих изучать русский язык увеличивается. В 2015 г. Чжуннаньский университет экономики и права начал обучать студентов по специальности «Русский язык (комбинированный способ подготовки)», и это оказалось очень своевременным.

При наличии большого количества учебных заведений, готовящих специалистов по русскому языку в Китае, какие могут быть преимущества у студентов, обучающихся по данной специальности именно в Чжуннаньском университете экономики и права? Одним из таких преимуществ, по нашему мнению, это большое внимание, которое уделяется в нашем университете курсам обучения переводу с русского языка на китайский и с китайского на русский.

Курс «Теория и практика перевода с русского языка на китайский» является очень важным и интересным для студентов-переводчиков. Он включен в программы бакалавриата для третьего года обучения, как и в большинстве других учебных заведений. В последние годы при преподавании этого курса мы применяем метод обучения, называемый «Мастерская перевода», и уже получили хороший результат и хорошие отзывы студентов.

В нашем курсе важную роль играют не только преподаватели, но и студенты. Студенты – не пассивные учащиеся, которые только слушают и запоминают слова преподавателя, а активные участники процесса обучения: они сами анализируют материалы, сами переводят их, сами проверяют правильность перевода, конечно, под руководством преподавателей. Такой подход к преподаванию позволяет качественно подготовить студентов к будущей практической деятельности. Сторонниками такого подхода являются, например Го Шули (2017) и Гао Ягули Кадээр (2020). Но следует заметить, что конкретная методика преподавания в рамках данного подхода разработана на сегодняшний день пока недостаточно.

«Мастерская перевода» как метод обучения предоставляет студентам большое количество платформ для интенсивного обучения переводу. Они могут учиться переводу непосредственно в процессе перевода, сотрудничая и дискутируя друг с другом, что позволяет студентам постоянно совершенствовать навыки перевода и переводчика в интерактивной учебной среде в классе и вне класса, учиться понимать истинный смысл перевода и формировать основу

для участия в переводческой деятельности как учебной, так и практической [Ли Мин, Чжон Вэйхэ, 2010: 32].

1. О «Мастерской перевода». Слово *мастерская* является переводом английского слова *workshop*. В качестве термина слово *workshop* сначала было использовано в сфере образования и психологии, а затем, в середине XX в., начало применяться в области перевода. Впервые словосочетание *translation workshop* (*мастерская перевода*) использовал в своей работе в Университете Айовы в 1964 г. Пол Эngle (Paul Engle) открыл первую «Мастерскую перевода» в США [Gentzler, 2001: 5]. Эдвин Генцлер (Edwin Gentzler) дает следующее определение понятию «мастерская перевода»: подобно форуму какого-то центра переводов, на этом форуме два или более переводчика собираются и вместе участвуют в переводческой деятельности [Gentzler, 1993: 7]. Китайские ученые Ли Мин и Чжон Вэйхэ считают, что «мастерская перевода» – это группа людей, которые занимаются переводческой деятельностью, всесторонне и с энтузиазмом обсуждают конкретную задачу по переводу, предлагают различные варианты и выбирают из них наилучший [Ли Мин, Чжон Вэйхэ, 2010: 32].

Теоретической основой «мастерской перевода» служит конструктивистская теория образования, основным сторонником которой является ученый из Германии Дон Кирали, который считает, что преподавание перевода – это не просто коммуникация, а сотрудничество в ходе совместной работы (см. об этом [У Вэньань, 2010: 45]). По его мнению, внедрение этой теории в обучение переводу может быть очень эффективным. От отдельных упражнений, с точки зрения ученого, нужно как можно быстрее переходить к практическому переводу реальных текстов; на занятиях должна быть смоделирована реальная практика перевода текстов определенной отрасли. Преподаватели, выступая в качестве руководителей проектов, должны давать учащимся примеры перевода, помогать им и поощрять их. Конечная цель профессионального обучения переводу – дать студентам возможность развить свои профессиональные навыки и обрести уверенность в себе.

Дон Кирали выступал против традиционной формы преподавания, за переход от традиционной ориентации курса на преподавателя к инновационной ориентации на студента и за превращение лекции в семинар. Именно поэтому мы используем новый метод обучения «мастерская перевода» в преподавании курса «Теория и практика перевода с русского языка на китайский».

Сегодня во многих странах мира в практике обучения иностранным языкам используется данный метод. Он также является и объ-

ектом исследования. В Китае этот метод используется с конца XX в. Ли Мин и Чжон Вэйхэ (2010) считают, что «мастерская перевода» должна быть ориентирована на процесс перевода и должна фокусироваться на развитии всесторонних навыков переводчика. Лу Лянцю (2014), Хо Син (2016) и Се Янь (2018) полагают, что при использовании этого метода обучения следует уделять особое внимание учащимся и развивать навыки самообучения и общения и дух сотрудничества.

2. Использование метода «Мастерская перевода» в курсе «Теория и практика перевода с русского языка на китайский». Как метод обучения «Мастерская перевода» объединяет теорию и практику перевода. С одной стороны, мы проводим обучение на основе теории перевода, с другой – мы обращаем большое внимание на практику перевода.

Курс «Теория и практика перевода с русского языка на китайский» в нашем университете рассчитан на 32 учебных часа в течение одного семестра.

Одной из характеристик этого курса является его тесная связь с рынком переводческих услуг, поэтому темы проектов самые разнообразны. Анализ материалов, с которыми работают крупнейшие компании Китая, занимающиеся переводами, показал, что большинство переводческих проектов связано с политехническими науками, а проектов, связанных с гуманитарными науками, существенно меньше. В целом все проанализированные нами проекты можно разделить на следующие семь групп: политика; экономика и торговля; геология и нефтехимия; строительная отрасль промышленности; новая техника; медицина; литература и образование. В соответствии с этим в нашем курсе мы изучаем семь тем. На каждую тему отводится примерно 4–5 учебных часов, в течение которых изучаются материалы объемом приблизительно 30 тыс. слов, что соответствует «среднему» и «малому» проектам.

Использование метода «Мастерская перевода» при работе над проектом предполагает следующие пять шагов: 1) распределение обязанностей среди учащихся (на занятии); 2) анализ материалов, относящихся к теме (на занятии); 3) перевод материалов учащимися (индивидуально или в группах) с применением средств автоматического перевода (в рамках самостоятельной работы); 4) дискуссия в «Мастерской перевода» – выбор лучшего варианта перевода и формирование итогового варианта текста (на занятии); 5) обобщение результатов работы над проектом и запись вариантов перевода в базу (на занятии).

2.1. Распределение обязанностей среди учащихся (на занятии).

В данной статье рассматривается пять перечисленных шагов на примере темы «Строительная отрасль промышленности». Эта тема выбрана потому, что, во-первых, материалы по этой теме имеют среднюю степень трудности – они и не слишком легкие, и не очень трудные. Во-вторых, обычно проекты на строительные темы большие: объем материалов больше 20 тыс. слов и иногда доходит до 200 или 300 тыс. слов, поэтому нужна совместная работа, и метод «Мастерская перевода» удачно подходит для таких случаев.

На лекции формулируется задача: «Представьте себе, что мы получили от заказчика текст для перевода. Это текст относится к теме «Строительная отрасль промышленности», его объем 30 тыс. слов, трудность – средняя, срок выполнения – 10 дней».

Приведем пример из материалов:

Все работы по разработке проекта должны быть выполнены Подрядчиком в полном соответствии с нормами и правилами, действующими в стране (включая государственную систему нормативных документов в области архитектуры, градостроительства и строительства), и объемом работ согласно разделу 2 Технического задания; Подрядчик гарантирует, что персонал Подрядчика, выполняющий работы по разработке проекта, обладает достаточной квалификацией и владеет всеми необходимыми лицензиями и разрешениями, необходимыми для выполнения таких работ; Подрядчик обеспечит применение соответствующих стандартов на этапе разработки проекта и обеспечит контроль исходных материалов и контроль производства работ.

В обычной ситуации переводчик не выбирает проекты и темы, а работает с тем текстом, который получен от заказчика. Иногда мы можем получить реальный проект от нашей компании-партнера, а иногда нет такой возможности. В связи с этим для курса преподавателям надо специально подготовить материалы.

В любом из этих случаев предлагаемый студентам материал посвящен определенной теме, и, работая с ним, учащиеся могут освоить навыки перевода текстов по данной теме. Получив материал, студенты привыкают сначала определять, к какой именно отрасли относится текст, а после этого активизировать запас соответствующей лексики и имеющиеся у них знания о данной предметной области.

Для решения предложенной задачи потребуется распределить обязанности. Роли у участников проекта могут быть таковыми: руководитель проекта (обычно преподаватель); проектный менеджер (один студент); переводчик-исполнитель (10–15 студентов); пере-

водчик-корректор (обычно два–три студента), заказчик (обычно два студента).

Руководитель проекта отвечает за всю деятельность. Один из студентов ставится проектным менеджером либо по собственной инициативе, либо в результате голосования всех студентов – в случае если на эту роль есть несколько претендентов, либо в результате назначения его на эту роль руководителем проекта. Руководитель контролирует работу над проектом, помогает студенту-менеджеру организовывать процесс перевода. После завершения проекта он оценивает работу каждого студента, сообщая ему, что именно сделано хорошо, а в чем ошибка, и дает рекомендации, как улучшить работу в будущем.

Проектный менеджер отвечает за осуществление проекта в целом. Познакомившись с предлагаемым в рамках изучаемой темы «Строительная отрасль промышленности» проектом и оценив объем работы, менеджер составляет календарный план и определяет сроки исполнения; для данного проекта этот срок – восемь дней. Затем организует подготовку к переводу, контролирует процесс перевода и оценивает окончательный вариант перевода после его корректировки.

Переводчики-исполнители работают над переводом во внеурочное время. Каждый из них ежедневно переводит фрагмент текста, состоящий примерно из 3 тыс. слов. В описываемом проекте общим объемом 30 тыс. слов исполнителями назначаются шесть студентов, которые работают в парах, и каждая пара за один день переводит фрагмент, включающий примерно 5 тыс. слов. Эта работа занимает шесть дней, оставшиеся два дня отведены под проверку и корректировку перевода.

Затем начинают работу переводчики, проверяющие правильность перевода и корректирующие его. Они внимательно читают перевод и исправляют ошибки и недочеты, после этого вместе с переводчиками-исполнителями дорабатывают текст перевода и сдают проектному менеджеру.

Заказчик в самом начале проекта общается с проектным менеджером, формулирует требования к переводу и либо принимает готовую работу, либо высказывает замечания и рекомендует усовершенствовать перевод.

2.2. Анализ материалов, относящихся к теме (на занятии).

Прежде чем приступить к переводу, необходимо сделать анализ материалов. Принадлежность материалов к теме «Строительная отрасль промышленности» определяет состав используемых в них терминов. Необходимо найти данную лексику в тексте. Термин – это

слово или словосочетание, являющееся названием определенного понятия какой-нибудь области науки, техники, искусства и т.п. Значение термина тесно связано с той отраслью, к которой он относится. Один и тот же термин может иметь разные значения при употреблении в текстах, относящихся к разным отраслям. Например, слово *мощность* в механике имеет значение «величина, показывающая, какое количество энергии за одну секунду развивает двигатель или какое количество энергии за одну секунду потребует машина», а в горнодобывающей отрасли означает «толщину пластов и жил добываемых минералов», и перевод этого термина на китайский язык в двух этих случаях будет различаться. Правильный перевод терминов очень важен при переводе текста в целом, можно даже сказать, что он формирует ядро всего текста и определяет качество перевода и уровень переводчика. И для правильного перевода следует прежде всего определить, к какой отрасли относится исходный текст.

В приведенном фрагменте текста, относящегося к строительной отрасли, можно обнаружить такие термины, как *подрядчик*, *персонал*, *техническое задание*. Эти слова часто употребляются в строительной отрасли промышленности и имеют специфическое значение. В корпусе терминов строительной отрасли промышленности могут быть представлены названные выше термины, а также другие термины, синонимичные или тематически связанные с ними, и их перевод на китайский язык.

Подрядчик, *персонал* и *заказчик* – термины, тематически связанные друг с другом. Слово *заказчик* обычно переводится на китайский язык как 业主, *подрядчик* – как 承包商, а *персонал* – как 人员.

Термин *техническое задание (ТЗ)* переводится как 技术任务书. Существуют также другие термины, связанные с данным, например: *эскизный проект (ЭП)* — 设计草案;

техничко-экономическое обоснование (ТЭО) — 可行性论证;

техничко-экономический расчет (ТЭР) — 技术经济概算;

рабочий проект (РП) — 施工设计书;

рабочая документация (РД) — 施工文件;

и *техническое задание (ТЗ)* — 技术任务书.

Итак, сначала мы находим в тексте термины, определяем, как их нужно переводить, что позволяет увеличить эффективность перевода, избежать разночтения в переводе одного и того же термина разными исполнителями.

2.3. Перевод материалов учащимися (индивидуально или в группах) с применением средств автоматического перевода (в рамках самостоятельной работы). Унифицировав перевод

терминов, мы переходим непосредственно к переводу текста. Как уже говорилось, переводчики-исполнители делятся на группы и самостоятельно работают над переводом во внеурочное время. При этом мы требуем, чтобы студенты осуществляли перевод с использованием **средств автоматизированного перевода** (англ. *Computer-Aided Translation – CAT*).

2.3.1. *Краткий обзор средств автоматизированного перевода (CAT)*. Существует довольно большое количество средств автоматизированного перевода. Это прежде всего SDL Trados Studio (краткое название – Trados²), наиболее широко используемое программное обеспечение этого типа в мире. Вторая по распространенности в мире программа – memoQ – является основной в европейских странах и становится все более популярной среди китайских переводчиков. Популярны также программы Wordfast, Omega T и Déjà Vu. В Китае, кроме того, есть собственное программное обеспечение – это ICAT.

Программа ICAT (китайское название – 火云译客, буквально *Выразительный переводчик огненного облака*) совсем не популярна в России и в других странах, но она активно используется в Китае в компаниях, занимающихся переводами. Это программное обеспечение имеет такие же возможности, как Trados, а также обладает важными для китайских переводчиков функциями. ICAT имеет дружелюбный интерфейс и поэтому более проста в использовании, чем Trados. ICAT не только содержит базу терминов, но и может сохранять большой корпус ранее переведенных сегментов текста, то есть обладает так называемой *памятью переводов* (англ. *translation memory*), а также может «подгружать» результаты автоматического перевода из внешних источников, например из google-переводчика. В некоторых случаях, если заказчику срочно требуется текст перевода, можно воспользоваться этой функцией для ускорения процесса и вносить исправления в переведенный компьютерной программой текст.

MemoQ – программа-переводчик, призванная облегчить задачу людям, постоянно имеющим дело с текстами на иностранном языке. Эта система автоматизированного перевода значительно снижает временные затраты, повышает удобство процесса перевода и качество готовых текстов (см. об этом «Инструкция»)³.

---

² Название Trados является сокращением трех английских слов – *TRAnslation, DOCumentation* и *Software*. Таким образом, название TRADOS хорошо отражает функции и назначение программы SDL Trados Studio.

³ Инструкция по работе с MemoQ. URL: <http://thebit48man.ru/memoq-instrukciya.html> (дата обращения: 22.05.2020).

МетоQ также имеет дружественный интерфейс, объединяя модуль редактирования переводов, модуль памяти переводов и модуль базы терминологии в одну систему. Эта программа позволяет соединять внешнюю память переводов с базой терминологии. Благодаря доступу к обширным внешним языковым ресурсам эффективность предварительного перевода значительно повышается. МетоQ становится активно развивающейся системой программного обеспечения для автоматизированного перевода. Темпы ее развития в Китае также чрезвычайно быстры, и за короткое время метоQ превратилась во второе по распространенности программное обеспечение после Trados.

Таким образом, САТ-программы существенно помогают переводчику в работе. Имеющее давнюю историю применения программное обеспечение Trados может быть сложным для использования. ICAT, применяемая только в Китае, проще и дешевле. Программа метоQ создана относительно недавно, она проще, чем Trados, но сложнее, чем ICAT, зато имеет больше функций, чем последняя. Каждая из САТ-программ имеет свои функциональные особенности и свои критерии оценки результатов перевода. С учетом уровня подготовки студентов мы рекомендуем использовать в обучении только одну программу, а именно ICAT. Три перечисленные программы различаются не так сильно, чтобы, обучившись работать в одной из них, студент не смог бы быстро освоить и другие. Корпус переводов из одной программы может использоваться в любой другой программе.

2.3.2. *Работа с ICAT.* Перед началом работы с программой ICAT преподаватель объясняет студентам, как она устроена и как ее правильно использовать. Иногда для этого привлекаются опытные переводчики или студенты, уже прослушавшие наш курс.

В рамках описываемого проекта шесть студентов – переводчиков-исполнителей – работают над переводом во внеурочное время. Они разбиты на группы по два студента. Все группы работают над одинаковыми материалами и переводят ежедневно фрагмент текста объемом примерно 5 тыс. слов. За шесть дней они выполняют весь проект – 30 тыс. слов. Перевод осуществляется именно группой и предполагает обязательное обсуждение принимаемых решений, в том числе и касающихся перевода терминов. При переводе используется программа ICAT, которая сохраняет все варианты перевода предложений и терминов.

Когда группы завершают свой перевод, они обобщают получившийся материал и согласуют общий текст перевода, после чего сдают его переводчикам-корректорам.

После получения этого текста два студента, в функции которых входит корректура перевода, приступают к работе, проверяя, чтобы в тексте не было ошибок и неточностей, добиваясь создания грамотного и стилистически выверенного текста. После завершения корректуры они сдают готовую работу проектному менеджеру.

2.4. Дискуссия в «Мастерской перевода» – выбор лучшего варианта перевода и формирование итогового варианта текста (на занятии). После получения итогового варианта текста перевода все студенты собираются вместе, чтобы провести дискуссию в «Мастерской перевода», обсудить предложенный каждой группой вариант и выбрать самый удачный из них.

Проектный менеджер, который отвечает за весь процесс перевода, руководит дискуссией и принимает окончательное решение при выборе лучшего варианта перевода.

Так, для приведенного выше фрагмента документа в результате дискуссии был выбран следующий вариант перевода:

设计方案编制的所有工作必须由承包商来完成，且应完全符合现行国家标准和规范（包括建筑、城市建设和施工领域的国家规范性文件系统及设计任务书第2节中规定的工作范围；承包商保证：承包商的设计方案编制人员具备相应的资质，且持有开展此类工作所需的一切必要执照和许可证；承包商保证：在项目开发阶段使用相关标准，并确保对原材料和施工进行监管。

После завершения обсуждения проектный менеджер проверяет текст перевода с точки зрения соответствия требованиям заказчика, убеждается, что требования выполнены, и сдает итоговый текст заказчику. Получив перевод, заказчик может сделать замечания, группа должна учесть их и исправить выявленные недостатки. Если заказчик удовлетворен результатом, то он принимает работу, и проект считается завершенным.

2.5. Обобщение результатов работы над проектом и запись вариантов перевода в базу (на занятии). После сдачи итогового текста заказчику проект считается завершенным, однако процесс обучения по методу «Мастерская перевода» продолжается. Собрав всю группу вместе, преподаватель обобщает опыт работы над проектом. Основываясь на теории перевода, он организует обсуждение студентами особенностей перевода в рамках данной темы, оценивает действия и качество работы каждого студента. Все студенты делятся своими впечатлениями от выполненного проекта. Группа пополняет базу терминов, вносит окончательную правку в текст

перевода, который записывается в базу переводов, чтобы в будущем легче переводить тексты на такую же или близкую данной тему и не нужно было бы тратить лишние силы и время на то, что уже сделано.

Таким образом, в процесс перевода включается и практика, и «теория, являющаяся неотъемлемой частью практики, вставляемая в нее и переплетающаяся с ней» [Синь На, 2017: 28]. Наша «Мастерская перевода» включает практическую работу с текстом и освоение программ перевода. Студенты работают в команде, помогая друг другу.

3. Преимущества метода «Мастерская перевода» при обучении переводу. Метод обучения «Мастерская перевода» в курсе обучения переводу начал использоваться не так давно, он постоянно совершенствуется по мере накопления опыта работы. Судя по отзывам студентов, данный метод приносит пользу при обучении русскому языку китайцев и китайскому языку русскоязычных учащихся.

Такой метод обучения может способствовать реформе переводческого образования, обогащению содержания и методики преподавания курсов перевода, может повысить качество преподавания, теоретический и практический уровень учебных программ.

Методика преподавания перевода по темам позволяет студентам приобрести опыт практической работы, дает им возможность выполнять реальные проекты, более глубоко понимать российское общество и культуру, закладывает прочную основу будущей профессиональной деятельности [Чжан Хунцзя, 2020: 64]. Содержание обучения является модульным, а темы обучения связаны с перспективными специальностями нашего университета, с современной общественной жизнью и с тенденциями мирового развития. Методы оценки результатов работы разнообразны, в частности, студенты постоянно оценивают друг друга, а в конечном счете их оценит рынок. Это также способствует улучшению уровня обучения русскому языку в Китае и китайскому языку в России.

В курсе «Теория и практика перевода с русского языка на китайский» в рамках метода «Мастерская перевода» есть целый ряд нововведений.

Во-первых, новая методика обучения – изучение материала по темам с преобладанием практической работы над получением теоретических сведений.

Во-вторых, обновление содержания курса – выбор наиболее актуальных тем, соответствующих требованиям времени и рынка, и постоянное пополнение материалов, относящихся к этим темам.

В-третьих, модернизация методов обучения – гибкое использование современных средств автоматизированного перевода, благодаря чему работа переводчика облегчается.

В-четвертых, погружение – работа над проектами приближена к реальной переводческой деятельности, студенты примеряют на себя разные роли и получают интуитивный опыт перевода.

4. Заключение. Общеизвестно, что обучение русскому языку в Китае имеет долгую историю и включает преподавание курсов русской литературы, русистики и перевода. Перевод традиционно понимается как учебный предмет, главная роль при изучении которого отводится преподавателю. Однако в последнее время наметились определенные изменения в организации курса перевода. Примером таких изменений служит «Мастерская перевода» в нашем университете. При использовании данного метода обучения студенты работают более активно и достигают лучших результатов.

Учебная программа курса «Теория и практика перевода с русского языка на китайский» отличается четкостью, содержит новые методы преподавания и способы оценивания результатов работы. Студенты участвуют в выполнении проекта от начала до конца, имеют возможность испытать себя в разных ролях – проектного менеджера, исполнителя и т.д., получают опыт переводческой работы и ощущения и впечатления каждый раз в новой роли. Постепенно, выполняя один за другим разные проекты, студенты не только улучшают навыки перевода, но и учатся работать самостоятельно и в сотрудничестве с другими людьми.

Основное внимание в применении метода обучения «Мастерская перевода» уделяется учащимся. Этот метод предполагает учет индивидуальных особенностей студентов, внимательное отношение к их мнению, выработку стратегии обучения, подходящую для разных студентов. В ходе дискуссии студенты могут предложить для работы новую тему, которая им интересна и по которой они хотели бы выполнить проект. Это позволяет обучать студентов в соответствии с их реальными способностями и интересами.

В процессе обучения используется современная программа ICAT, чтобы учащиеся приобрели опыт и навык использования программного обеспечения в работе по переводу. Текст каждого проекта записывается в корпус переводов непосредственно в процессе перевода и анализируется. После вычитывания текст может экспортироваться в программу ICAT для других пользователей, а также в другие программы перевода, это полезно для совместного использования ресурсов.

Материалы, используемые в процессе обучения, могут быть реальными проектами, выполненными или выполняемыми преподавателями, либо проектами, подготовленными этими преподавателями специально для курса перевода. Материалы, подготовленные специально для работы со студентами, основываются на информации из новостных лент интернет-изданий, на новейших публикациях из газет и журналов, что гарантирует актуальность выбранных материалов. Если речь идет о реальных проектах, то студенты, уже завершающие обучение по методу «Мастерская перевода» и достигшие высокого уровня, могут работать над данными проектами.

Традиционно в курсе перевода большая часть времени отводится на объяснение, а меньшая – на практический перевод. Основная цель студента – сдать экзамен. (об особенностях традиционного метода см. подробнее [Лю Цзябэй, Сюй Хун, 2016: 98]) Преподаватель в аудитории говорит о методах перевода, а студенты записывают его слова. Метод «Мастерская перевода» ориентирован на практический перевод. «Мастерская перевода» фокусирует внимание на личности обучаемого и ее творческом потенциале: в течение всего семестра студенты являются ядром учебного процесса, в центре внимания находятся их успехи и промахи на каждом этапе перевода. Этот метод позволяет развивать творческий потенциал студентов.

Новый метод обучения «Мастерская перевода» требует от преподавателей и студентов большего, при его применении важен энтузиазм и тех и других. «Мастерская перевода» не только учит переводу, но и углубляет лингвистические знания об устройстве китайского и русского языков. В связи с этим данный метод может быть полезен и для других курсов, таких как курс русского языка как иностранного и курс для подготовки к квалификационному экзамену по китайскому языку HSK.

С течением времени сотрудничество Китая и России все больше и больше развивается, и это служит причиной для расширения преподавания русского языка в Китае и китайского языка в России. Роль перевода в этом процессе очень важна. Как мы показали на примере курса «Теория и практика перевода с русского языка на китайский», преподаваемого методом «Мастерская перевода» (основан курс на переводческой программе), мы стараемся обогатить содержание курса как тематически, так и методически, обучить студентов использовать средства автоматического перевода, работать самостоятельно или в группах. Мы стремимся к тому, чтобы наши студенты могли успешно переводить тексты даже на малознакомые им темы и быстрее адаптироваться к условиям будущей работы.

За помощь в статье благодарю своего научного руководителя доцента Ирину Галактионову, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лю Цзябэй, Сюй Хун. Развитие обучения русскому переводу «Мастерская перевода» // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 97–100.
2. Синь На. «Мастерская перевода» для обучения переводчиков в рамках магистратуры по письменному и устному переводу в Хэйлунцзянском университете // Педагогическое образование в России. 2017. № 2. С. 27–31.
3. *Edwin Gentzler*. Contemporary Translation Theories. London: Routledge, 1993 (Генцлер Эдвин. Современные теории перевода. Лондон, 1993).
4. *Edwin Gentzler*. 当代翻译理论 (第二版). 上海: 上海外语教育出版社, 2001 (Генцлер Эдвин. Современные теории перевода (Второе издание). Шанхай, 2001).
5. 郭淑丽, 贾存爱, 张倩. 翻译工作坊在翻译硕士专业(MTI)教学中的应用研究 // 科技风, 2017. № 2. С. 296–298 (*Го Шули, Цзя Цунай, Чжан Цянь*. Исследование использования «Мастерской перевода» в подготовке магистров перевода (МТИ) // Стиль технологии. 2017. № 2. С. 296–298).
6. 高雅古丽·卡德尔. 翻译工作坊在MTI教学中的应用研究 // 中国俄语教学, 2020. № 1. 53–58 (*Гао Ягули Кадээр*. Исследование применения «Мастерской перевода» в подготовке магистров перевода (МТИ) // Преподавание русского языка в Китае. 2020. № 1. С. 53–58).
7. 霍兴. 翻译工作坊教学模式微探 // 云南农业大学学报(社会科学版), 2016. № 10. С. 110–114 (*Хо Син*. О режиме обучения в мастерской перевода // Вестник Юньнаньского сельскохозяйственного университета (Издание по гуманитарным наукам). 2016. № 10. С. 110–114).
8. 吕亮球. 翻译工作坊教学模式探究 // 上海翻译, 2014. № 4. С. 48–51 (*Лу Лянцю*. Изучение метода обучения в мастерской перевода // Перевод в Шанхае. 2014. № 4. С. 48–51).
9. 李明, 仲伟合. 翻译工作坊教学探微 // 中国翻译, 2010. № 4. 32–36+95 (*Ли Мин, Чжон Вэйхэ*. Исследование по обучению в мастерской перевода // Вестник китайских переводчиков. 2010. № 4. С. 32–36, 95).
10. 吴文安. 学生自主选材翻译实践课可行性研究 // 中国翻译, 2010. № 5. С. 45–48 (*У Вэньань*. Технико-экономическое обоснование самостоятельного отбора материалов студентами на курсе переводческой практики // Вестник китайских переводчиков. 2010. № 5. С. 45–48).
11. 解燕. 翻译工作坊教学模式探析 // 湖北函授大学学报, 2018. № 10. С. 175–176 (*Се Янь*. Изучение режима обучения в мастерской перевода // Вестник Хубэйского заочного университета. 2018.10. С. 175–176).
12. 张红佳. 翻译人才本土化培养模式探索 – 以黑龙江外国语学院翻译工作坊为例 // 翻译论坛, 2020. № 1. С. 63–65 (*Чжан Хунцзя*. Изучение модели обучения местных переводчиков – на примере Мастерского перевода в Хэйлунцзянском институте иностранных языков // Форум переводчиков. 2020. № 1. С. 63–65).

Zhou Menghan

“TRANSLATION WORKSHOP” IN THE METHODOLOGY OF TEACHING STUDENTS-TRANSLATORS⁴

*Zhongnan University of Economics and Law,
Wuhan, China, 430070*

This work analyzes the teaching method known as “Translation Workshop”, used in the course “Theory and practice of translation from Russian into Chinese” at Zhongnan University of Economics and Law. “Translation Workshop” is a new method of training translators, whose qualifications more closely meet the requirements of the market. This method provides students with the opportunity to work together actively, allows them to improve translation skills, learn how to use automated translation tools, and gain practical experience in translation activities. Students are well prepared for successful work after graduation. The analyzed teaching method combines the theory and practice of translation. Students collaborate on projects on a variety of topics related to the real translation services market. Work on each project involves the following five steps, some of which are performed in the classroom, and some are intended for independent work: 1) distribution of responsibilities among students; 2) analysis of materials related to the topic; 3) translation of materials by students (individually or in groups) using automatic translation tools; 4) selection of the best translation and the formation of the final version of the text as a result of the discussion; 5) summarizing the results of work on the project and recording the translation into database. The article describes in detail all five steps. This method is of value both to the theory and practice of teaching the skills of translation from Russian into Chinese and from Chinese into Russian, as well as to the teaching of the Chinese language to Russian-speaking students.

Key words: translation; translation workshop; Computer-Aided Translation (CAT).

About the author: *Zhou Menghan* – Lecturer of Zhongnan University of Economics and Law, PhD in Linguistics of Central China Normal University (e-mail: menghancnu@mail.ru).

REFERENCES

1. Liu Jiabei, Xu Hong. 2016. Razvitie obuchenija russkomu perevodu “Masterskaja perevoda” [Development of teaching Russian translation “Translation Workshop”]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Teaching Education in Russia], no. 12, pp. 97–100. (In Russ.)

---

⁴ This article is the result of research from the Project of Zhongnan University of Economics and Law «翻译理论与实践课程的专题翻译工作坊教学模式研究» (№ Project: YB2018032) and the result of research from the Joint Training Project of the Ministry of Education of China «翻译专业基础课程在线资源发» (№ Project: 201801291002). This study was supported by the CSC Foundation of China (№ CSC: 201907087001).

2. Xin Na. 2017. "Masterskaja perevoda" dlja obuchenija perevodchikov v ramkah magistratury po pis'mennomu i ustnomu perevodu v Hjejlunzjanskom universitete [About translation workshop in teaching translators and interpreters at Heilongjiang University]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Teaching Education in Russia], no. 2, pp. 27–31. (In Russ.)
3. Edwin Gentzler. 1993. *Contemporary Translation Theories*. London, Routledge.
4. Edwin Gentzler. 2001. *Contemporary Translation Theories (second edition)*. Shanghai, Shanghai Foreign Language Education Press.
5. Guo Shuli, Jia Cunai, Zhang Qian. 2017. Research on the Application of Translation Workshop in the Teaching of Master of Translation (MTI). *Technology style*, no. 2, pp. 296–298.
6. GaoYaguli Kader. 2020. Research on the Application of Translation Workshop in MTI Teaching. *Russian Teaching in China*, no. 1, pp. 53–58.
7. Huo Xing. 2016. On the Teaching Mode of Translation Workshop. *Journal of Yunnan Agricultural University (Social Science Edition)*, no. 10, pp. 110–114.
8. Lu Liangqiu. 2014. On the Teaching Mode of Translation Workshop. *Shanghai Translation*, no. 4, pp. 48–51.
9. Li Ming, Zhong Weihe. 2010. On the Teaching of Translation Workshop. *Chinese Translators Journal*, no. 4, pp. 32–36, 95.
10. Wu Wenan. 2010. Feasibility Study on the Practice Course of Students' Independent Selection of Materials. *Chinese Translators Journal*, no. 5, pp. 45–48.
11. Xie Yan. 2018. On the Teaching Mode of Translation Workshop. *Journal of Hubei Correspondence University*, no. 10, pp. 175–176.
12. Zhang Hongjia. 2020. Exploration on the Localization Training Model of Translation Talents – Taking Translation Workshop in Heilongjiang Foreign Languages College as an Example. *Translation Forum*, no. 1, pp. 63–65.

А.И. Миловидова, М.А. Платэ

ОБУЧЕНИЕ ОСНОВНЫМ ПРИНЦИПАМ ПЕРЕВОДА БАЗОВЫХ ТЕРМИНОВ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ КОМПАНИЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

125993, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена рассмотрению подхода, позволяющего организовать знакомство студентов-переводчиков с базовыми терминами специальной сферы на примере терминов, связанных с деятельностью компаний. Авторы объединяют опыт преподавания перевода в корпоративной сфере студентам-лингвистам и преподавания юридического иностранного языка и перевода будущим юристам, уделяя особое внимание корреляции двух компонентов – лингвистического и содержательного. Учебные дисциплины, рассматривающие деловой перевод, так или иначе, затрагивают содержательную сторону корпоративной области. Это подразумевает знакомство с большим количеством специальных терминов, отражающих объемные понятийные контексты в незнакомых сферах профессиональной деятельности. Старшекурсники уже усвоили, что перевод осуществляется не только на уровне значений языковых единиц, но и на уровне культуры и менталитета, однако последний не так широко представлен при передаче когнитивной информации в текстах официально-делового стиля. Как следствие, юридический перевод начинает ошибочно ассоциироваться с воспроизведением максимально очевидных соответствий из изученного тематического вокабуляра. На этом этапе необходимо сформировать у учащихся новую понятийную надстройку: перевод осуществляется также на уровне правовых систем или традиций в конкретной специальной области. Задача осложняется тем, что корпоративная и правовая сферы малознакомы будущим переводчикам, практика и экстралингвистиче-

---

Миловидова Алла Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры юридического перевода Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (e-mail: aimilovidova@msal.ru).

Платэ Мария Алексеевна – кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: platem@mail.ru).

ский поясняющий контекст отсутствуют. Особенно важна методическая грамотность проведения занятий, формирование навыков автономного обучения переводу в специализированных областях в целом, разнообразие видов тренировочных упражнений для поддержания мотивации, организованной деятельности учащихся в освоении одновременно языковой и содержательной составляющих.

Ключевые слова: перевод терминов; юридический перевод; право компаний; автономность обучения; CLIL.

Специфика работы со студентами-лингвистами вносит коррективы в методику преподавания перевода, когда терминологический поиск затруднен в силу недостаточных знаний в предметной области. Даже после изучения студентом необходимого лексического минимума многие единицы будут встречаться в ходе работы впервые и требовать адекватного подхода при обращении с ними. Разумеется, будущие переводчики уже имеют некоторое представление о грамотном информационном поиске в целях создания качественного перевода. Однако простейшие, базовые термины особой сферы и их русскоязычные соответствия необходимо не просто запомнить, а осмыслить на уровне, достаточном для их полноценного функционирования в сходных контекстах: это поможет ускорить процесс перевода и улучшить его качество. Одновременно важно стремиться к достижению автономности обучения, поскольку в дальнейшем переводчик столкнется с необходимостью самостоятельно выстраивать алгоритм решения таких задач. Из этого следует, что информационная функция преподавателя как лектора, транслирующего учащимся знания в предметной области в готовом виде перед выполнением ими перевода, должна быть сведена к минимуму, уступая место более продуктивным методам развития необходимых навыков.

Рассмотрим некоторые примеры трудностей, возникающих при переводе терминов, связанных с деятельностью компаний.

Прежде всего внимания заслуживают различия между британскими и американскими вариантами терминов. Необходимо четко разграничивать обозначения, трактуя план содержания в рамках иностранных правовых систем, а в случае перевода на иностранный язык также придерживаться одного из этих вариантов английского языка на протяжении создаваемого текста. Лингвисту важно понимать, насколько значимыми для содержания являются различия в значениях британских и американских терминов, можно ли пренебречь ими в данном переводе.

Так, например, для одной и той же формы организации бизнеса предлагаются два термина – ‘company’ (британский) и ‘corporation’ (американский), в значении: ‘a business association which has the

character of a legal person, distinct from its officers and shareholders' [Krois-Lindner, 2006: 20]. Отмечается¹ также разница в размерах двух видов организаций (компания, как правило, меньше корпорации), требованиях к капиталу для их создания (при формировании корпорации они значительно ниже), схеме обложения налогом на прибыль (возможность подачи особой налоговой декларации для компаний и двойной налог для корпораций), простоте процедуры передачи права собственности (поскольку корпорации обычно принадлежат нескольким лицам, передача права имеет внутренний характер и потому обладает рядом преимуществ). В то же время Кембриджский словарь определяет американскую форму 'corporation' как 'an organization, esp. a business, that has a legally separate existence from the people who run it'², что близко к определению, приведенному ранее. Акцент делается на разделении корпорации как организации и управляющих ею лиц, что чрезвычайно важно при определении ответственности за те или иные результаты ее деятельности (принцип ограниченной ответственности). Для британского варианта словарь предлагает определение корпорации как крупной компании, зачастую группы более мелких организаций, идентифицируемой и управляемой как единое целое: 'a large company or group of companies that is controlled together as a single organization'³.

Переводчику следует не только распознавать британские и американские варианты, но и грамотно выделять особенности значений, самостоятельно определять степень важности различий в конкретном тексте. Если они представляют значимость (например, при переводе научного текста о видах организаций в разных странах), переводчик может дать соответствующее пояснение внутри текста или в виде сносок. Если ими можно пренебречь, переводчик условно закрепляет один из них в тексте, выбрав для данного перевода британский или американский вариант.

Сходные трудности студенты испытывают, сталкиваясь с понятиями «участник компании», «акционер» и с терминами 'shareholder', 'stockholder', 'stakeholder'. Последний из них гораздо шире первых двух по значению; часто под ним подразумевается заинтересованная сторона в компании, включая сотрудников, потребителей, первичных производителей или кредиторов. 'Stakeholder', таким

---

¹ Difference Between Corporation and Company: Everything You Need to Know. URL: <https://www.upcounsel.com/difference-between-corporation-and-company> (accessed: 01.08.2020).

² Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/corporation> (accessed: 01.08.2020).

³ Там же.

образом, может не являться ‘shareholder’, но любой ‘shareholder’ является ‘stakeholder’. Что касается первых двух примеров, учебные пособия часто ограничиваются комментарием о принадлежности этих терминов к британскому и американскому вариантам языка, соответственно. Некоторые из них напрямую свидетельствуют об отсутствии существенных различий в значениях и об использовании этих терминов как взаимозаменяемых⁴, при этом, однако, слово ‘share’ в британском варианте может означать как долю в компании, так и акцию как эмиссионную ценную бумагу.

При обсуждении приведенных различий необходимо предоставлять студентам возможность самим осуществлять информационный поиск в разных источниках, сверять полученные результаты, формулировать выводы. Задача преподавателя сводится к тому, чтобы инициировать и корректировать построение промежуточных умозаключений, помогать четко и емко формулировать обобщения, визуализировать итоговый результат. При доминировании фронтального контроля студенты лишены возможности формировать и развивать навык самостоятельной работы с терминами, который потребуется им в дальнейшей профессиональной деятельности, при отсутствии рядом готовых решений, пояснений и заведомо верных вариантов.

Также при обсуждении вопросов достаточно сложных для лингвиста, близко не знакомого с правовыми аспектами организации бизнеса, полезно проводить параллели и аналогии в языке и речи. Эта сфера, в любом случае, более понятна студентам-лингвистам, чем правовая или иная специальная. Так, при обсуждении терминов ‘company’ и ‘corporation’ можно предложить задуматься, в каких ситуациях повседневной жизни они могли бы употребить слово ‘company’ (люди, с которыми находятся рядом, путешествуют, проводят свободное время), допустимо ли в этих же ситуациях употребить слово ‘corporation’ и почему. Полезно совместно проанализировать значения словосочетаний «корпоративная почта, этика; корпоративный праздник, интерес» и выделить общие семы в их значениях. При обсуждении терминов, связанных с понятием «доля в компании», рекомендуется вспомнить идиомы ‘lion’s share’ и ‘trouble shared is a trouble halved’, выражения ‘one’s fair share of something’, ‘share one’s pain’, ‘to share a flat’ и другие. В зависимости от уровня группы они могут быть предложены преподавателем, а могут стать результатом коллективного выдвижения идей. Целесообразно написать на доске слово ‘share’ и далее фиксировать в виде

---

⁴ What is the difference between stockholder and shareholder? URL: <https://www.accountingcoach.com/blog/stockholder-shareholder> (accessed: 01.08.2020).

словарного облака подходящие или самые яркие из предлагаемых студентами вариантов. Такая работа также поможет психологически раскрепостить учащихся, предпринимающих попытки строить рассуждения в рамках малознакомой для них области.

Другая трудность связана с естественной для студентов, получающих профессию лингвиста-переводчика, тенденцией мыслить в рамках российских систем (коммерческой, правовой и др.). Это связано с поэтапной перестройкой сознания будущего лингвиста. Как правило, ее начальным этапом является осмысление того факта, что родной и иностранный языки представляют собой принципиально разные системы, поэтому все виды интуитивных интерференций необходимо научиться контролировать: лишь минимальная их часть допустима при переводе. Сталкиваясь, например, с незнакомой идиомой, содержащей тот же образ или лексему, что и в некоей знакомой русской идиоме, учащиеся ошибочно усматривают между ними прямую связь ('see eye to eye' и «видеться с глазу на глаз», 'eat your words' и «язык проглотил» и т.п.), а названия праздников (Pancake Day, Mother's Day) ошибочно отождествляют с праздниками в родной культуре (Масленица, 8 Марта). Вторым этапом является осознание того, что перевод – не только межъязыковое, но и межкультурное явление: даже зафиксированные в словарях эквиваленты могут иметь разное значение для носителей разных менталитетов. Наконец, третий этап – это осознание различий внутри экстралингвистического контекста, особое внимание и чувствительность к элементам перевода, в которых они могут проявиться. Навыки, необходимые для освоения такого контекста, особенно актуальны в эпоху глобализации, унификации законов и норм, активной деятельности международных организаций.

Рассмотрим в качестве примера перевод термина «устав компании» на английский язык. Практика работы показывает, что в большинстве случаев студенты используют легко обнаруживаемое в словарях сочетание 'articles of association', а иногда более простой вариант – 'charter'. Необходимо уже на данном этапе добиться понимания того, что структура и принципы функционирования компаний в разных странах значительно отличаются, что влечет за собой разницу в понимании терминов. Так, 'articles of association' будет верным вариантом перевода, если подразумевается внутренний регламент компании, при этом данный термин – британский (в США используется 'bylaws'). Если же определяются внешние связи организации, следует использовать термин 'memorandum of association' (в США 'articles of incorporation/certificate of incorporation' – документ, утверждаемый властями конкретного штата).

В России подобного разделения не наблюдается, поэтому в обоих случаях уместен термин 'charter'.

Работа с незнакомыми терминами и видами документов не должна сводиться к монотонному заучиванию и переводу: скудное методическое разнообразие негативно влияет на мотивацию. В приведенном примере допустимо подготовить для сравнения отрывки из этих видов документов на русском и английском языках. Студенты подчеркнут в них элементы, по их мнению, характеризующие внутренние правила деятельности компании, и внешние связи организации с третьими сторонами. Результат выполнения задания также можно оформить в виде таблицы, а затем перевести внесенные в нее термины, уточняя их значения. Такой индивидуальный или парный вид работы целесообразно дополнить групповым: учащиеся делятся на команды и прикрепляют карточки с примерами под соответствующим названием документа на доске, обосновывая выбор и корректируя действия друг друга. Еще один вариант задания – после короткой подготовки по особому сигналу преподавателя расположиться в аудитории справа или слева, в зависимости от того, считает ли студент, что пример на его карточке иллюстрирует внешние отношения компании или правила ее внутреннего распорядка. Для автоматизации перевода терминов, команда, стоящая справа, по памяти называет и переводит термины, которые только что озвучивала команда, стоящая слева, и наоборот; можно также делать это, передавая друг другу какой-либо предмет или устроив соревнование.

Студентам-лингвистам удобнее осмысливать изучаемые явления через более привычную им систему; важно обучать их проводить языковые и речевые аналогии, поощрять инициативу в поиске примеров, развивать критическое мышление. Можно задать вопрос: 'How many fingers does an Englishman have?' Учащиеся назовут разные числа (обычно 20, 10, 5), после чего сначала вспомнят, что пальцы рук и ног называются в английском языке по-разному ('fingers', 'toes'), затем – что для больших пальцев рук есть особое название ('thumbs'). Можно привести аналогичные классические примеры («рука» – 'hand', 'arm', «нога» – 'foot', 'leg') или инсценировать короткий иллюстративный диалог (знакомый через переводчика передает по телефону сообщение о том, что у него повреждена рука). После этого стоит провести параллель с терминами, применяемыми при описании деятельности компаний: более широкое понятие 'charter' существует в российской системе, в то время как для британских и американских организаций следует уточнять семантическое наполнение каждого термина. Такая аналогия закрепит осознанный подход при передаче связи «единое-дробное»),

«часть-целое» в терминах, а также понимание того, что перевод напрямую затрагивает и уровень правовых систем.

Итак, при обучении переводу терминов, связанных с деятельностью компаний, от преподавателя требуется качественно новый уровень, предполагающий формирование у студентов представления о том, что перевод осуществляется как на межъязыковом и межкультурном уровне, так и на уровне правовых систем и обычаев, корпоративных культур разных стран. Необходимо при этом поддерживать мотивацию и автономию посредством особого подбора и многообразия упражнений, а также постоянно совмещать языковой компонент обучения с содержательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сысоев П.В., Завьялов В.В.* Особенности отбора содержания обучения письменной речи студентов направления подготовки «Юриспруденция» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 62–72.
2. *Тарасова О.Д., Скитина Н.А.* Вопросы перевода с английского языка на русский в свете лингвоэкологического подхода. Актуальные вопросы современной лингвистики // Материалы VII региональной научно-практической конференции (с международным участием) / Отв. ред. М.Н. Левченко. Московский государственный областной университет. М., 2020. С. 255–260.
3. *Krois-Lindner A.* International Legal English. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Alla I. Milovidova, Maria A. Platé

TEACHING TRANSLATION OF BASIC CORPORATE TERMS: FUNDAMENTAL PRINCIPLES

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
9 Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, 125993*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article addresses a methodological approach introducing future translators to basic terms of a specific field exemplified by those related to the activities of companies. The authors consolidate their experience of teaching translation for sphere of business to students of linguistics, on the one hand, and teaching translation and legal English to future lawyers, on the other hand, paying special attention to the correlation of language and content. Teaching business translation has a close connection to the content of the corporate area. This implies familiarizing oneself with a large number of terms related to companies' activities and extensive conceptual contexts in professional areas. Senior students have already learned that translation extends beyond the level of lexical meanings to culture and mentality, though the latter is not so widely represented in the cognitive-oriented

texts. Consequently, legal translation tends to be mistakenly associated with reproducing some most obvious equivalents from a vocabulary list. At this stage, students require clear understanding that translation also covers the level of legal systems or traditions in a specific area. With future translators being unfamiliar with corporate and legal areas, the task is more complicated; practice and extralinguistic explanatory context are both absent. What becomes vitally important under the circumstances is a high level of methodological competence aimed at forming autonomous learning skills in specialised translation in general, as well as providing a variety of exercises to maintain motivation and students' active involvement in mastering both language and content components.

Key words: translation of terms; legal translation; company law; learner autonomy; CLIL.

About the authors: *Alla I. Milovidova* – PhD in Philology, Associate Professor, Legal Translation Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (e-mail: aimilovidova@msal.ru); *Maria A. Platé* – PhD in Cultural Studies, Assistant Professor, Department of Linguistics, Translation Studies and Intercultural Communication, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: platem@mail.ru).

REFERENCES

1. Sysoyev P.V., Zavyalov V.V. 2019. Features of English language course content selection for law students for development of writing skills [Osobennosti otbora sodержaniya obucheniya pis'mennoi rechi studentov napravleniya podgotovki "Yurisprudentsiya"]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 62–72. (In Russ.)
2. Tarasova O.D., Skitina N.A. 2020. *Voprosy perevoda s angliiskogo yazyka na russkii v svete lingvoekologicheskogo podkhoda. Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki* [Translation from English into Russian: lingvo-ecological issues]. In Levchenko M.N. (ed.) *Materialy VII regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)* [Proceedings of the 7th Regional Science and Practical Conference (with international participation)]. Moscow Region State University, pp. 255–260. (In Russ.)
3. *Krois-Lindner A. 2006. International Legal English.* Cambridge, Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Victoria A. Fadeeva

DISTANCE LANGUAGE LEARNING WITH POWERSCHOOL LEARNING LMS IN A HIGHER EDUCATION CONTEXT: AN EMPIRICAL STUDY¹

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Stimulated by the recent rapid developments in the field of information and communication technologies, researchers are constantly searching for different methods and approaches to make the most of technological resources and put them to the best pedagogical use. This article discusses the experience of implementing PowerSchool Learning learning management system in the English Language training course for freshmen of the postgraduate department FFLAS LMSU. The focus is placed on the development of the author's supplementary online course designed to improve the effectiveness of postgraduate students' preparation for academic communication in English. It should be noted that within the framework of blended and distance learning through PowerSchool Learning LMS it is possible to create an educational environment in which students feel more comfortable, becoming active participants in the educational process. Moreover, they develop their communicative, critical thinking and collaborative skills, being engaged in decision-making and problem-oriented discussions, which are crucial for successful professional development. As for the instructors, they should become "tech-savvy" and create innovative approaches to meet the needs of a new Net generation growing up in an increasingly globalized and a highly digitised world.

Key words: language learning; blended learning; the third level of higher education; distance learning; LMS.

1. INTRODUCTION

The priority areas for the modernisation of Russian education are informatisation, the transition to a system of lifelong learning, the creation

---

Victoria A. Fadeeva – PhD in Pedagogy, Assistant Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vickyfadeeva@gmail.com).

¹ This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

of a fundamentally new educational environment based on the use of information and communication technologies, a focus on the competence approach, student-centered learning, etc. Modern education paradigms tend to include more distance learning, alongside blended and collaborative models. The concept of distance education is very appealing, as recent hardware and software innovations are making distance education technologies more available, easier to use and less costly [Nazarenko, 2013; Antoro, 2017; Simonson, Smaldino, 2019]. Distance education is now often defined as “institution based, formal education where the learning group is separated, and where interactive telecommunications systems are used to connect learners, resources, and instructors” [Schlosser, Simonson, 2010: 1]. The traditional face-to-face learning environment seems to be indispensable for the social aspect of teaching and learning. However, Web-based asynchronous technologies such as e-mail, forums, blogs, wikis etc. can provide learners with more flexible and interactive learning environments. Also, synchronous technologies such as chats, videoconferencing, instant-messaging, etc. can enhance interaction between instructors and learners which may provide motivation for learning [Simonson, Smaldino, 2019]. Thus, it is rational to take advantage of both Internet technologies and traditional practices. The combination of traditional classroom learning with online learning is often referred to as blended learning. Charles R. Graham defines blended learning as a system that combines face-to-face instruction with computer-mediated instruction. He states that generally, people choose blended learning for 6 reasons:

- “pedagogical richness,
- access to knowledge,
- social interaction,
- personal agency,
- cost-effectiveness,
- ease of revision” [Bonk, Graham, 2012: 8].

Thus, integrating innovative online tools into the learning process creates opportunities for learners to develop their autonomy, flexibility, creativity, critical thinking and problem-solving skills as well as their communication and collaboration skills, which are essential for a researcher and for a competitive specialist of the 21st century. The positive aspects of online learning environments for teachers are flexibility in management, time-saving (once uploaded all the materials are online), easier management of a variety of learning styles and the possibility to overcome limitations of classroom time, etc. [Fandei, 2011; Bonk, Graham, 2012].

2. METHODOLOGY

1.1 BLENDED SCENARIO

The article discusses the transformation of a traditional English course into a blended language course and its further transition into a fully distance one, due to the coronavirus pandemic. The course “Foreign (English) language” is delivered to postgraduate students of the FFLAS LMSU, enrolled on a postgraduate program “Cultural Studies”. This course aims to improve the level of academic English of postgraduate students, who already have a good command of general English. In this course Ph.D. candidates will be given the opportunity to polish their Academic English skills by simulating real-life academic contexts (presentations, conference papers, reviews, etc.) and to improve language accuracy as well as to develop their academic writing skills. In order to enhance the educational process, the author attempted to design a supporting online course, thus transforming the original course into a blended one.

The research on assessment of LMS as a supportive tool for blended learning environments within educational organizations has shown that blended learning with the enrichment that a LMS can offer, is one of the strongest and most common combinations [Kuran, Pedersen, Elsner, 2017]. PowerSchool Learning LMS, a cloud-based learning management system, was chosen to streamline the addition of technology into the classroom. As a teacher, you can create a classroom website, add content blocks, assign, collect, and grade works, record attendance, contact parents and school administrators all in one space. PowerSchool Learning enables students to discuss topics, create projects and websites as an individual, in a group, or as an entire class. Parents can also get involved in monitoring the educational process as there is an option for setting up a parent account. Thus, PowerSchool Learning LMS suits both K-12 and higher education.

The choice and successful use of the learning environment in the course is determined by the philosophy of the PowerSchool Learning LMS, based on the constructivist principles, and by the didactic potential of the tools included. Didactic features of PowerSchool Learning include such characteristics as simplicity and ease of use, ergonomics, interactivity, multimedia, non-linearity of text presentation, etc. The system allows to upload files of various formats (audio, video, graphics, text documents) and to create links to internal and external resources. It provides a wide range of possibilities for storing, editing, classifying and structuring information (modular principle). The communication tools (announcements, messaging, discussions, etc.) allow to conduct asynchronous conversations. An equally important didactic feature of the environment is the presence of an automated assessment system that provides self-control and self-as-

assessment of educational actions, as well as facilitating the work of the teacher. It requires time and effort for the teacher at the stage of creation, but significantly reduces them when the course is ready, providing at the same time rich statistical material for analysis. The system for tracking course participants' activity enables one to see the full picture of participation in the course as a whole, as well as detailed information on each element of the course at any time. Apart from a variety of grading and content creation tools, the system includes administrative features: different ways of adding students to roster, options to make the course active (available to students) or inactive, to divide students into groups, to create parent accounts, to co-teach, etc. The absence of advertising is one more advantage worth mentioning.

The training modules of the "English for Postgraduates" online course are preceded by an introductory administrative module, which provides a brief summary of the course, sets out the goals and objectives, specifies the duration of study, and presents the course syllabus. It contains information about the course author, who in this case is the course teacher and system administrator. An electronic journal is presented in a separate web-page, where tasks completed in the class and self-study completed tasks are recorded. Training modules are divided into 3 sections (Academic English, Academic Writing and Academic Life), in accordance with the goals of the course and the general and professional competencies to be developed. These competences include the ability to critically analyse and evaluate modern scientific achievements, generate new ideas when solving research and practical problems in interdisciplinary areas; readiness to participate in the work of Russian and international research teams, solving scientific and educational problems; the ability to conduct research independently; to study, analyse and summarise the results of scientific research in the field of theory and history of culture in order to generate their own scientific results that have novelty and relevance [Abzalova, Mazitova, 2013].

The Academic English section covers such topics as culture, science and society; English as a global language; political correctness; IT in education; ways of studying in higher education, etc. *Cambridge Academic English. An integrated skills course for EAP* by M. Hewings, C. Thaine is offered as a textbook. When studying academic writing, special emphasis is placed on paragraph writing, summarising, sentence structure and subordinated structures, connecting words and transitional signals. The textbook *Writing Academic English* by A. Oshima, A. Hogue is suggested as a course book. The Academic Life section covers topics including higher linguistic and pedagogical education in Russia, the UK and the USA, similarities and differences in academic degrees in Russia,

the UK and the USA, preparing for and participating in scientific conferences, preparing papers and presentations on topic research, etc. The main textbook here is *English for Post-Graduates* by O.I. Vasyuchkova, N.I. Knyazeva, L.V. Khvedchenya, T.G. Luksha. For each topic, the teacher publishes learning materials, offers discussion questions and collaborative tasks. In addition to the materials posted by the teacher, graduate students are encouraged to participate in the content creation. Thanks to the built-in wiki markup technology, they jointly form lists of active vocabulary on the topic, create mind maps, and make reviews of the articles proposed for analysis.

1.2 DISTANCE SCENARIO

The coronavirus pandemic made teachers face the unexpected challenge of providing distance learning as the primary mode of instruction for weeks, months and possibly for a new academic year here in Russia. With an autonomous online course already developed and functioning in PowerSchool Learning LMS we had to choose ICT tools to help us organize live videoconferences scheduled once a week as a regular face-to-face class (duration 1,5 hours) and tools that would help support group oral discussions as well as to submit individual oral tasks. Having studied both advantages and disadvantages of the two most recommended communication tools: Skype and Zoom, which have proved their efficiency in online distance learning, the choice was made in favour of Skype as it features unlimited time for small group videoconference calls. A Skype meeting link without expiration date was created to allow students to join live videoconferences with no sign-ups or downloads required. In order to prevent engagement decrease that might be induced by the lack of personal contact, it was decided to use VoiceThread (<http://voicethread.com>) which provides a visual-centric and participatory learning environment to supplement the course designed in PowerSchool Learning. The certain benefits VoiceThread provides for education, including highly interactive and engaging discussions, creating a sense of belonging to a virtual classroom, collaborative learning, increased social presence, multiple commenting options for people with different learning styles, have already been discussed in our previous investigations [Fadeeva, 2017].

3. FINDINGS

ICT tools of PowerSchool Learning LMS implemented both for synchronous and asynchronous communication help promote students' motivation to learn. Besides, learners master their command of English, develop listening comprehension, reading and writing skills and enrich their knowledge of the subject with the help of their peers' experience

and teachers' guidance. Moreover, students develop their critical thinking and collaborative skills, being engaged in decision-making and problem-oriented discussions, which are crucial for successful professional development. Personal relations and empathy between students and those supporting them (tutors) are central to learning in distance education. The teacher's role has changed in the process of implementing the blended learning and distance learning scenarios. Now the teacher is viewed as facilitator and guide, as designer of (complex) learning scenarios and as orchestrator (technology, learners, curriculum). New methods have presented new challenges for educators: viewing learning as a social, situational and tool-mediated process; viewing ICT as transforming the learning process and extending opportunities for learning; moving from literacy to multiliteracies as a fundamental competence. Thus, the instructors should become "tech-savvy" and create innovative approaches to meet the needs of a new Net generation growing up in an increasingly globalized and digitised world.

In conclusion, it should be noted that within the framework of blended and distance learning through PowerSchool Learning LMS it is possible to create an educational environment in which students feel more comfortable, becoming active participants in the educational process.

REFERENCES

1. Abzalova S.R., Mazitova F.L. 2013. Osobennosti podgotovki aspirantov k sdache kandidatskogo ekzamena po inostrannomu yazyku v neyazykovom vuze [Training features of postgraduate students for passing a candidate examination in a non-linguistic university]. *Bulletin of the Technological University*, no. 16(9), pp. 342–345. (In Russ.)
2. Nazarenko A.L. 2013. *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v lingvodidaktike: distantsionnoe obuchenie* [Information and Communication Technologies in Linguodidactics: Distance Learning]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
3. Fandei V.A. 2011. Smeshannoe obuchenie: sovremennoe sostoyanie i klassifikatsiya modelei smeshannogo obucheniya [Blended Learning: Current State and Classification of Blended Learning Models]. *Informatization of Education and Science*, no. 4(12), 115–125. (In Russ.)
4. Antoro S.D. 2017. Developing Information and Communication Technology-Based Learning Materials for Teaching English at University Level in a Distance Learning Context. *Fifth International Seminar on English Language and Teaching (ISELT 2017)*. Atlantis Press, pp. 69–73.
5. Bonk C.J., Graham C.R. 2012. *The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs*. John Wiley & Sons.
6. Fadeeva V.A. 2017. VoiceThread as an Online Tool for Developing Listening and Speaking Skills Outside the Language Classroom. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 19–26.
7. Kuran M.Ş., Pedersen J.M., Elsner R. 2017. Learning Management Systems on Blended Learning Courses: An Experience-Based Observation. *International Conference on Image Processing and Communications*, pp. 141–148.

8. Schlosser L.A., Simonson M. 2010. *Distance Education: Definition and Glossary of Terms*. IAP.
9. Simonson M., Zvacek S.M., Smaldino S. 2019. *Teaching and Learning at a Distance: Foundations of Distance Education 7th Edition*. IAP.

В.А. Фадеева

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБУЧЕНИЕМ POWERSCHOOL LEARNING ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ²

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Современные разработки в области информационно-коммуникационных технологий подталкивают ученых к поиску новых методов и подходов к их использованию в сфере образования. В статье рассматривается опыт использования системы управления обучением PowerSchool Learning в учебном курсе «Английский язык» на отделении аспирантуры ФИЯР МГУ имени М.В. Ломоносова и, в частности, структура и содержание созданного в ней автономного курса, предназначенного для повышения эффективности подготовки аспирантов к академическому общению на английском языке. Следует отметить, что в рамках смешанного и дистанционного обучения, использование платформы PowerSchool Learning позволяет создать образовательную среду, в которой студенты чувствуют себя более комфортно, становясь активными участниками образовательного процесса. Кроме того, они развивают коммуникативную компетенцию, критическое мышление и навыки работы в сотрудничестве, участвуя в проблемно-ориентированных дискуссиях, которые имеют решающее значение для успешного профессионального развития. Организация учебного процесса в дистанционной форме требует от преподавателей развитой ИКТ компетенции, а также новаторских подходов для удовлетворения нужд и потребностей представителей интернет-поколения, которые родились и растут в современном глобальном цифровом мире.

Ключевые слова: обучение иностранному языку; смешанное обучение; третья ступень высшего образования; дистанционное обучение; система управления обучением.

Сведения об авторе: *Фадеева Виктория Александровна* – кандидат педагогических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vickyfadееva@gmail.com).

---

² Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абзалова С.Р., Мазитова Ф.Л.* Особенности подготовки аспирантов к сдаче кандидатского экзамена по иностранному языку в неязыковом вузе // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 9. С. 342–345.
2. *Назаренко А.Л.* Информационно-коммуникационные технологии в лингводидактике: дистанционное обучение. М., 2013.
3. *Фандей В.А.* Смешанное обучение: современное состояние и классификация моделей смешанного обучения // Информатизация образования и науки. 2011. № 4(12). С. 115–125.
4. *Antoro S.D.* Developing Information and Communication Technology-Based Learning Materials for Teaching English at University Level in a Distance Learning Context // Fifth International Seminar on English Language and Teaching (ISELT 2017). Atlantis Press, 2017. P. 69–73.
5. *Bonk C.J., Graham C.R.* The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs. John Wiley & Sons, 2012.
6. *Fadeeva V.A.* VoiceThread as an Online Tool for Developing Listening and Speaking Skills Outside the Language Classroom // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. №. 2. С. 19–26.
7. *Kuran M.Ş., Pedersen J.M., Elsner R.* Learning Management Systems on Blended Learning Courses: An Experience-Based Observation // International Conference on Image Processing and Communications. Springer, Cham, 2017. P. 141–148.
8. *Schlosser L.A., Simonson M.* Distance Education: Definition and Glossary of Terms. Charlotte, NC, 2010.
9. *Simonson M., Zvacek S.M., Smaldino S.* Teaching and Learning at a Distance: Foundations of Distance Education 7th Edition. IAP, 2019.